

9-й годъ изданія.

ВѢСТНИКЪ ГЕОСОФІИ

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религии выше истины).

7 марта.

ПЕТРОГРАДЪ.

1916.

№ 3.

Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ, В. О., Волховской пер., 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

на религиозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

- 1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, наслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологін и др. отраслямъ знанія;
- 2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;
- 3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;
- 4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;
- 5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала, по вопросамъ теософіи, психологін и др.;
- 6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8°, не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей **А. А. Каменской** и **Ц. Л. Гельмгольцъ**, при участіи г-жи **А. Безантъ**, *Alba*, **Н. Ананьевой**, **П. Н. Батюшкова**, **А. А. Веселовской**, **М. Ф. Гардениной**, **А. В. Гарднеръ**, **Н. К. Гернетъ**, **С. В. Герье**, д-ра **В. В. Гинце**, **Даны**, **Е. Дандре**, **А. А. Каменской**, **М. А. Каменской**, **А. В. Корольковой**, **Е. М. Кузьмина**, **В. М. Лалетина**, **К. К. Латынина**, **Е. Лубны-Герцыхъ**, **Ю. Ф. Львовой**, **И. В. Манціарли**, **А. Г. Молкина**, **В. А. Моложиной**, **Н. Н. Павлиновой**, **Е. Ф. Писаревой** (**Е. П.**), **В. Н. Прикиной**, **В. И. Рудичъ**, **М. М. Самозвалова**, **М. К. Станюковичъ**, **Д. В. Страндена**, **С. В. Татариновой**, **П. И. Тимофеевскаго**, **Л. М. Тицъ**, **Н. А. Трофименко** (**Дмитріевой**), **А. В. Унковой**, **О. М. Фаминциной**, **Н. Я. Эрасси**, **Эссель** и др.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія статьи: „Тайная Доктрина“, **Е. П. Блаватской**, (Извлеченія). „Оккультная химія“, **А. Безантъ**. „Эзотерическое христіанство“, **А. Безантъ** (извлеченія). „Скрижали достовѣрности“, **Бэа-Улла**. „Книга Учителя“, **Адамса**. Статьи по оккультизму, **Ч. Ледбитера**. „Чему мы будемъ учить“, **С. Джинарадмадаза**. „Воспоминанія“, **А. Унновской**. „Вѣянія Египта“, **Ч. Ледбитера**. „Орфическіе гимны“, пер. съ греческаго, **Н. Павлиновой**. „Письма къ читателю“, „Друга читателя“. Кроме того пойдетъ рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ сравнительнаго изученія религій, педагогикіи, философіи, искусства и др. отдѣламъ.

Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (Іюнь и Іюль) журналъ не выходитъ.

Цѣна 6 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи, за 6 мѣсяцевъ — 3 руб. 50 коп., за 3 мѣсяца — 2 руб. 20 к. Отдѣльный № 75 к. За перемѣну адреса городского на городской — 20 к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской — 60 к.

Подписка за границу принимается только годовая: цѣна 10 руб.

Подписка для иногороднихъ только черезъ Контору Редакціи.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (Петроградъ, Ивановская, 22, кв. 24) ежедневно, кроме субботъ и праздничныхъ дней, отъ 2—4 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только до 1 января 1916 года.

По дѣламъ редакціи издателяница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 час. дня.

Отъ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати шесть первыхъ брошюръ: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“. № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). № 3. Перевоплощеніе. № 4. Сила мысли. № 5. Законы высшей жизни. № 6. Жизнь послѣ смерти. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникъ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкой журнала Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ, не позже перваго числа каждаго мѣсяца.

Заявленія о неполученіи очереднаго № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 и 1915 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Цѣна съ пересылкой по 7 рублей за каждый годъ.

СОДЕРЖАНІЕ

мартовской книжки „Вѣстника Теософіи“.

	СТР.
1. Приди, красота, стихотвореніе Анатолія	7
2. На сторожевомъ посту, А. Каменской	8
3. Чему мы будемъ учить, С. Джинараджадаза, пер. Е. П.	12
<i>Отдѣлъ художественный и біографическій.</i>	
4. Тао, стихотвореніе Е. Кузьмина	18
5. Воспоминанія, А. Унковской	19
6. Ароматъ Египта, Ч. Ледбитера, пер. К. Труневой.	29
<i>Отдѣлъ сравнительнаго изученія религій.</i>	
7. Орфическіе гимны, пер. съ греч. Н. Павлиновой . .	49
8. Скрижали Учителя или египетское ученіе о Свѣтѣ, рожденномъ отъ Матери-Дѣвы, В. Адамса, пер. В. Пушкиной	51
<i>Отдѣлъ оккультизма.</i>	
9. Условія послѣ смерти, Ч. Ледбитера, пер. Е. Род- зевичъ	57
10. Книга Достовѣрности, пер. А. Веселовской	61
11. Письма живого усопшаго, Э. Баркеръ, пер. Е. П. .	79
-----	
12. Обзоръніе теософической литературы, В. Пушкиной .	89
13. Хроника теософическаго движенія, Альба	96
14. Вопросы и отвѣты. Ключъ къ теософіи, Е. П. Блават- ской	99
15. Отзвы о книгахъ, М. Гардениной	101
16. Изъ „Тайной Доктрины“. Солнечная теорія, Е. П. Бла- ватской	89

SOMMAIRE de MARS.

	Pages.
1. Veni, pulchritudo, par Anatole.	7
2. A l'avant-poste, par A. Kamensky	8
3. Ce que nous allons enseigner, C. Ginarajadasa, tr. par H. Pissareff.	12
<i>Biographies et lettres.</i>	
4. Tao, par E. Kousmine.	18
5. Réminiscences, par A. Ounkovsky	19
6. Le parfum de l'Égypte, par C. Leadbeater.	29
<i>Étude comparée des religions.</i>	
7. Hymnes d'Orphée, tr. du grec par N. Pavlinoff	49
8. Livre du Maître, par V. Adams	51
<i>Occultisme.</i>	
9. Après la mort, par C. Leadbeater	57
10. Le livre de la Certitude, par Beha-Ullah, tr. par A. Wes- selovsky	61
11. Lettres d'un mort vivant, par E. Barker	79
<hr style="width: 20%; margin: auto;"/>	
12. Revue de la littérature théosophique par B. Poushkiné.	89
13. Chronique du mouvement théosophique, Alba	96
14. Questions et réponses (Clé de la Théosophie, par H. Bla- vatsky)	99
15. Bibliographie, par M. Gardenine.	101
16. Doctrine Secrète, par H. Blavatsky.	89

Приди, Красота!

(Veni, pulchritudo!)

Я хочу, чтобъ раны міра
Затянулись нѣжной тканью,
Я хочу, чтобъ боль забылась,
И явилась, и раскрылась
Красота.

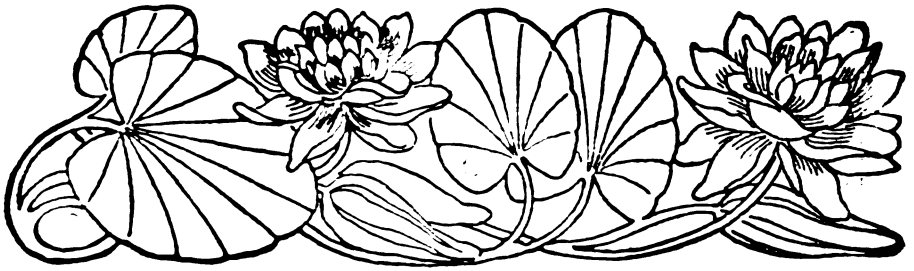
Чтобы міръ, омытый скорбью,
Слезной тучей орошенный,
Вѣтромъ грусти освѣженный,
Свѣтомъ счастья озаренный,
Весь усыпался бѣ цвѣтами,
Загорѣлся бѣ алтарями,
И пришла бѣ, блестя очами,
Красота.

Я хочу, чтобъ въ каждомъ вздохѣ,
Въ каждой мысли, въ каждомъ словѣ
Въ каждомъ дѣйствиі дышала,
И сіяла, и звучала
Красота.

Чтобъ жрецы въ хитонахъ бѣлыхъ
Пѣли гимны въ звѣздныхъ храмахъ,
Чтобы въ синихъ оиміамахъ,
Въ волнахъ свѣта, въ свѣта гаммахъ
Въ воротахъ далекихъ рая
Появилась, вся сверкая,
Вся, какъ солнце огневая
Красота.

Анатолій.

На сторожевомъ посту.

„Война кончится тогда, когда найдутся пути преображенія старой жизни, когда напряженіе духовныхъ силъ человѣка пойдетъ на творчество новой жизни“.

Кн. Г. Львовъ.

Въ статьѣ кн. Г. Львова: „Когда же конецъ?“ ¹⁾, авторъ ставитъ вопросъ на совершенно теософическую почву. Пушки и пулеметы не разрѣшаютъ борьбу европейскихъ народовъ, ибо они сами лишь орудія вышихъ духовныхъ борющихся силъ. Война кончится лишь тогда, когда „напряженіе духовныхъ силъ человѣка пойдетъ на творчество новой жизни“.

Война завѣсой отдѣлила старую жизнь отъ новой. Старая жизнь стала невозможна. Жизнь должна одухотвориться новымъ пониманіемъ и принять новое направленіе не потому, что война приведетъ къ великимъ завоеваніямъ и внѣшнему величію, но потому что сознаніе наше расширится и поднимется на новую ступень. Конецъ великой борьбы лежитъ въ глубинахъ нашего сознанія и потому отвѣтственность за нее несутъ не внѣшнія силы, а совѣсть всѣхъ и cadaго изъ насъ. Мы должны напречь и направить всѣ свои духовныя силы на созданіе новаго сознанія, новой совѣсти, новой жизни.

Авторъ заканчиваетъ свою прекрасную статью призывомъ того, что выше и долга и самой отвѣтственности и что есть „чувство возвышающей радости въ ожиданіи новой, свѣтлой жизни“.

Въ этой статьѣ авторъ идетъ навстрѣчу мыслямъ, высказываемымъ въ „Вѣстникѣ“ ²⁾, мыслямъ, къ которымъ мы постоянно

¹⁾ Русское Слово, Январь.

²⁾ См. Январь, 1916 г. „На сторожевомъ посту“.

возвращаемся: о томъ, что ключъ всѣхъ перестроекъ и преобразеній въ мірѣ лежитъ въ *новомъ сознаниі* человечества. Близка также намъ и радостная нота заключительныхъ строкъ, въ которыхъ выражено такъ ярко предчувствіе грядущей, прекрасной, новой жизни. Все это „знаки Господни“, все это показываетъ, что тяжелое и сложное время, которое мы переживаемъ, есть не тусклые сумерки, а во-истину предразсвѣтный трепеть зари ¹⁾.

* * *

Въ „Рѣчи“ появилась замѣтка о собраніяхъ на квартирѣ Е. Г. Шварца, гдѣ читаются доклады на философскія темы. Публика собирается избранная. Въ этихъ докладахъ, говоритъ хроникеръ, „идеалы христіанства рѣзко отмежевываются отъ теософизма“. Далѣе, въ замѣткѣ, еще болѣе удивительныя строки: „При обмѣнѣ мнѣніями много говорилось о явныхъ и тайныхъ хлыстахъ, которые, *какъ и теософы*, обожествляютъ отдѣльныя личности“. (?!).

Что такое идеалы Христіанства? Это идеалы любви и самоотреченія.

Что такое идеалы Теософіи? Это идеалы *любви*, которая *дастъ*, и *знанія*, которое *любитъ*.

Теософія всегда утверждала, что въ основѣ христіанства, какъ и въ основѣ всѣхъ міровыхъ религій, лежатъ великія духовныя истины о единствѣ Бога, о сыновствѣ человечества, о непрерывной эволюціи и о высшихъ путяхъ духа, на которыхъ раскрывается Богопознаніе. Она зоветъ каждого теософа къ углубленію въ свою собственную религію и къ сравнительному изученію всѣхъ религій, ибо такое параллельное изученіе міровыхъ откровеній подтверждаетъ съ непреодолимой силой ту истину, что

.....„Править кораблемъ вселенной
Единая Любовь“ ²⁾.

Въ Теософическомъ Обществѣ есть представители *всѣхъ* религій и многихъ духовныхъ движеній. Поэтому не можетъ быть у нихъ какого-нибудь общаго credo кромѣ стремленія къ свѣту и къ братской терпимости. Отдѣльные члены свободны вѣрять или не вѣрять въ Бога, принимать или не принимать авторитеты, соглашаться или не соглашаться съ лидерами движенія, ибо Теософическое Общество не имѣетъ догматовъ, ни-

¹⁾ См. статью С. Герье: „Сумерки или Заря“. В. Т. Ноябрь, 1915 г.

²⁾ У. Уйтманъ.

кому ничего не навязываетъ и предоставляетъ каждому полнѣйшую свободу. Въ Теософическомъ Обществѣ есть пламенные христіане, есть не менѣе пламенные вѣрующіе другихъ вѣроисповѣданій, есть свободные мыслители и скептики. Всѣ они имѣютъ свое мѣсто въ Обществѣ, ибо они объединяются исканіемъ Истины и стремленіемъ къ осуществленію духовной свободы.

Но осуществленіе духовной свободы, (связанной всегда съ истинной терпимостью) есть еще идеаль грядущей, а не настоящей жизни. Поэтому такъ трудно современному человѣку быть терпимымъ, такъ трудно примириться съ мыслью, что кто-то другой думаетъ иначе, чѣмъ онъ. Онъ волнуется и безпокоится, что этотъ другой понимаетъ Бога и выражаетъ свою духовную жажду иными словами. Тѣмъ болѣе долженъ волновать и тревожить его цѣлый коллективъ, который смѣло и активно выступаетъ съ девизомъ: „Нѣтъ религіи выше Истины“, и который принимаетъ братски въ свои ряды и мусульманина, и еврея, и негра, и буддиста, и парса, наравнѣ съ христіаниномъ. И не только принимаетъ въ свои ряды, но утверждаетъ, что мусульманинъ можетъ идти къ Богу черезъ Магомета, а буддистъ—черезъ Будду, а парсъ черезъ Зороастра, а еврей черезъ Моисея, точно также, какъ христіанинъ идетъ къ Богу черезъ Христа.

Такъ далеки мы еще отъ истиннаго пониманія духовной свободы, что встрѣчая ее у теософовъ, мы сейчасъ же заподозрѣваемъ ихъ въ какихъ то скрытыхъ мотивахъ и цѣляхъ. „Да не масоны-ли они? Или можетъ быть хлысты? Или какіе-нибудь изувѣры?“...

Такъ далеко ушли нѣкоторые христіане отъ ученія Христа, что они забыли Евангельскія слова: „По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы? Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые, а худое дерево приноситъ и плоды худые. Не можетъ дерево доброе принести плоды худые, ни дерево худое принести плоды добрые“. (Ев. отъ Матѣ., VII, 16—18).

Какъ же могутъ они понять, что именно къ Теософіи и звалъ Христосъ, когда сказалъ: „Познаете Истину, и Истина сдѣлаетъ васъ свободными“.

* * *

Много говорятъ о новой жизни, которая придетъ и обновитъ міръ, много мечтаютъ о реформахъ и о большихъ преоб-

разованіяхъ. Но понимаютъ ли люди, что пока они *сами* не измѣнятся, жизнь не можетъ измѣниться въ своей основѣ? Не можетъ узникъ вынести свѣтъ Божій, глаза его сомкнула ночь темницы. Не можетъ дышать на вершинахъ тотъ, чьи легкіе атрофировались въ тяжелой атмосферѣ болотъ. Не войдутъ во врата Новой Радостной Жизни, въ которой будетъ осуществлено всеобщее Сыновство, тѣ, кто боится духовной свободы и кто стремится закопать сердце и совѣсть чужую. Не для слѣпыхъ восходитъ Лучезарное Солнце. Тѣ, кто хочетъ переступить завѣтный порогъ и подняться на высшую ступень сознанія, тѣ должны оставить за собою цѣпи прежнихъ воплощеній. Они должны научиться понимать Духъ, который „дышетъ, гдѣ хочетъ“ и поклоняться Богу въ Духѣ Истины“.

Пришло время человѣку открыть свое внутреннее зрѣніе и подходить къ духовнымъ вопросамъ духовно, а не плотски и не душевно, нужно учиться смотрѣть внутрь и вглубь явленія, въ самую суть его, а не на внѣшній покровъ только. Тогда насъ не будутъ вводить въ заблужденіе разноцвѣтныя ризы духа и мы будемъ въ состояніи черезъ радугу всѣхъ цвѣтовъ его и отгѣнковъ воспринимать единый бѣлый свѣтъ вѣчной Истины, односущной и нераздѣльной. Удивительно выразилъ эту мысль послѣдній учитель ислама Бэа-Улла, сказавшій:

„Всякій, обладающій внутреннимъ зрѣніемъ, любитъ Солнце (Совершенство Бога), въ какой бы области Оно не появилось. Но люди любятъ мѣсто появленія Солнца, а не само Солнце... Истинно любящій Солнце обращается лицомъ своимъ туда, гдѣ бы Оно не появилось, ибо любить онъ само Солнце“.

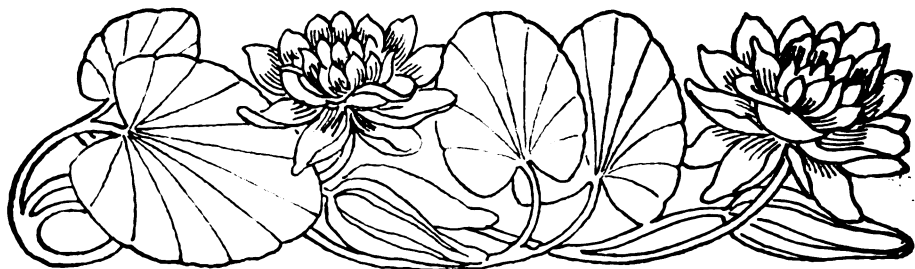
А. Каменская.

Самое важное въ человѣкѣ, это его божественная суть, которую онъ можетъ культивировать, увеличить, умалить или забыть.

Изреч. Фитингофа ¹⁾

¹⁾ Авторъ книги: „L'intelligence du bien“.

Чему мы будемъ учить.

Джинараджадаза.

III.

Дѣйствиѣ, которое есть Жизнь.

Присущее и Превосходящее¹⁾.

Жизнь человѣческихъ душъ во времени есть рядъ открытій, обнаруживающихъ кто и что есть Единый Возлюбившій. Ступень за ступенью происходитъ это раскрываніе черезъ желаніе, мысль, интуицію и черезъ силы духа; и все, о чемъ когда либо мечтали люди, все, что они когда либо совершали, есть лишь повѣсть этого раскрыванія.

На двухъ ступеняхъ открываютъ люди Единого Возлюбившаго: въ началѣ и позднѣе, ибо Онъ существуетъ двояко, какъ Присущее и какъ Превосходящее. Онъ есть все то, что мы видимъ и слышимъ, осязаемъ, обоняемъ и вкушаемъ, что мы думаемъ и чувствуемъ; и одновременно Онъ нѣчто иное, чѣмъ всѣ эти вещи. Это и есть тайна Его природы—Онъ и вселенная, и въ тоже время нѣчто переступающее всякій опытъ.

Какъ Превосходящее, Онъ есть сила, превышающая всякое пониманіе, красота, [выше всякаго осуществленія, блаженство, переступающее предѣлы самой свѣтлой мечты, ослѣпляющій свѣтъ, который не имѣетъ ни тѣни, ни центра. И все же, тотъ свѣтъ есть невыразимая радость, непостижимый восторгъ, и разъ прикоснувшаяся къ нему душа, хотя бы она и забыла все на

¹⁾ *Имманентное и Трансцендентное.*

свѣтъ, этого забыть она не можетъ никогда. Ибо прикоснувшійся къ этому свѣту, перестаетъ мечтать о жизни, онъ начинаетъ жить.

Это превышающее набрасываетъ на Себя покровъ и становится Присушимъ: въ результатѣ появляется вселенная, и отсюда исходитъ сила и матерія, жизнь и форма, сознание и развитіе, и всѣ мириады формъ, которыя мы называемъ жизнью.

И все же твореніе Единого Возлюбившаго не является для Него предѣльнымъ кругомъ, положенныя Имъ границы не служатъ для Него ограниченіемъ. Ибо хотя Онъ и присущъ всему: лѣсамъ и горамъ, водопадамъ и пожарамъ, младенцу и старику, грѣшнику и святому, хотя Онъ и стремится непрестанно выполнять Свой планъ, имѣя жизнь и смерть Своими исполнителями, а радость и страданіе Своей правой и лѣвой рукой—Онъ въ то же время и радостная Любовь, которая любитъ Своихъ возлюбленныхъ, могучая Мудрость, которая ясна въ своемъ дѣйствіи, сіяющая Сила, у которой одна цѣль—служеніе.

И въ то время, какъ Онъ является *Этимъ*, сотвореннымъ, Онъ въ то же время и *То*, несотворенное; ибо Присушее есть лишь тѣнь, тогда какъ Превосходящее есть Свѣтъ.

До тѣхъ поръ, пока Единый Возлюбившій живетъ какъ Присушее, до тѣхъ поръ Онъ совершаетъ жертву. Ибо быть присушимъ въ сотворенномъ, хотя бы творчество было задумано и довершено Имъ Самимъ, это—тоже, что набросить покрывало между Собой и Своими возлюбленными. И все же Онъ создаетъ Космосъ, ибо души не могутъ познать Его, каковъ Онъ есть, пока онѣ не познаютъ то, что есть не Онъ.

Такъ все творчество есть непрерывная жертва Единого Возлюбившаго, которую онъ приноситъ своимъ возлюбленнымъ, становясь тѣмъ, что не Онъ, чтобы мы научились познать Его истинную природу.

Становясь Присушимъ, Онъ скрываетъ Свой свѣтъ, и тогда возникаютъ тѣни, одна за другой, сгущаясь все больше. Сила становится матеріей, жизнь дѣлается формой, минералъ поднимается до растенія, а растеніе до животнаго. И только съ появленіемъ человѣка тѣни начинаютъ разсѣиваться, ибо въ человѣкѣ заложенъ Свѣтъ и, по мѣрѣ того, какъ свѣтъ растетъ, тѣни начинаютъ исчезать одна за другой. Спадаетъ покровъ за покровомъ и душа дикаря становится душой цивилизованнаго человѣка, а затѣмъ—душой идеалиста и подъ конецъ—Спасителемъ. Изъ Присушности она возвращается къ Превышающему, откуда она изошла.

Но пока душа не возвратится, пока *всѣ* души не вернутся къ Нему,—Единый Возлюбившій продлить Свою жертву, безконечное жертвоприношеніе Себя, дѣлающее возможнымъ существованіе нашей нереальной вселенной,—чтобы мы, Его возлюбленные, могли узнать о Немъ хотя бы въ грезахъ, прежде чѣмъ мы узнаемъ Его въ реальности.

И до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не узнаетъ объ этой Его жертвѣ, онъ будетъ двигаться подобно тѣни среди другихъ тѣней. Но какъ только онъ узнаетъ о любви, которая есть сила, или о красотѣ, которая есть радость,—онъ откроетъ, кто есть Единый Возлюбившій, и въ чемъ состоитъ Его непрестанная жертва.

Это стремленіе къ жертвѣ можетъ зародиться въ сердцѣ человѣка, когда онъ еще не пересталъ быть дикаремъ, или лишь позднѣе, когда выростутъ силы его ума и сердца; но стремленіе это неизбѣжно появится рано или поздно въ сердцѣ каждаго человѣка. И съ той поры для него можетъ быть только одно удовлетвореніе: пожертвовать тѣмъ міромъ, которымъ онъ владѣетъ для того, чтобы другіе могли обладать тѣмъ міромъ, который явится осуществленіемъ его надеждъ.

Это и есть планъ Единаго Возлюбившаго, чтобы *всѣ* души познали Его черезъ жертву; и только та душа обладаетъ мудростью, которая съ самаго начала своего исканія поняла *какого рода* жертва должна быть *ея* жертвой.

Жертва.

Вселенная есть выраженіе стремленія, которымъ Единый Возлюбившій стремится къ Своимъ возлюбленнымъ. Но соединеніе съ ними можетъ наступить только послѣ жертвы, и потому Великій Жертвователь долженъ ждать, пока и возлюбленные Его примутъ участіе въ жертвоприношеніи; вотъ почему Онъ замыслилъ Свою жертву такъ, чтобы возлюбленные могли также участвовать въ ней.

Милліоны лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ возникла Великая Жертва и милліоны лѣтъ протекли, прежде чѣмъ пришла пора для возлюбленныхъ присоединиться къ ней. Сознаніе скрывается подъ видомъ силы, сила—подъ видомъ матеріи; матерія преобразуется въ міры, эти міры населяются формами, и ступень за ступеню—жертва продолжается.

Медленно развивается все существующее изъ однороднаго въ разнородное, изъ простаго въ сложное, и шагъ за шагомъ совершается великое священнодѣйствіе Его жертвы. Съ появленіемъ челоуѣка и съ выступленіемъ на арену жизни младенческаго челоуѣчества, настаетъ участіе челоуѣческой души въ Великомъ Жертвоприношеніи.

И тогда развертывается планъ Единаго Возлюбившаго, по которому будетъ совершаться челоуѣческой ростъ путемъ *дѣятельности*. Онъ замыслилъ для каждой души одно за другимъ различныя поприща дѣятельности; первобытное состояніе превращается въ цивилизацію по мѣрѣ того, какъ люди побуждаются къ дѣятельности по линиямъ Его плана и по мѣрѣ того, какъ они—жизнь за жизнью—трудятся по Его начертаніямъ.

Это Онъ замыслилъ для людей ихъ торговлю и промыслы, ихъ искусства и ремесла, ихъ науки и философіи. Ибо Онъ пребываетъ во всѣхъ людяхъ, и всѣ ихъ дѣятельности лишь частицы Его великой жертвы, Его труда въ нихъ и черезъ нихъ. Для отдѣльнаго челоуѣка участіе во вселенской жертвѣ возможно тогда, когда онъ начинаетъ видѣть такъ, какъ видитъ Единный.

Это—тотъ моментъ, когда отдѣльный челоуѣкъ, работающій по опредѣленнымъ линиямъ, начинаетъ думать о трудѣ всѣхъ остальныхъ, работающихъ по тѣмъ же линиямъ, и становится способнымъ чувствовать свое единство съ ними. Съ этихъ поръ онъ не можетъ уже быть вполне одинокимъ, поглощеннымъ однимъ личнымъ своимъ благополучіемъ или бѣдствіемъ; онъ невольно начинаетъ думать о благѣ цѣлаго круга людей, однимъ изъ сегментовъ котораго является онъ. И теперь онъ подготовленъ къ тому, чтобы понять священнодѣйствіе Жертвы.

Каждое дѣйствіе челоуѣка становится жертвой, когда онъ заботится о другихъ, участвующихъ въ такомъ же дѣйствіи, и когда онъ дѣйствуетъ не для себя одного, а какъ бы для нихъ. Если это—дикарь, выступающій противъ враговъ своего племени, его дѣйствіе становится жертвой, если онъ сражается какъ бы за всѣхъ воиновъ своего племени. Если это поэтъ, выражающій въ поэмѣ переживанія своей души, его поэма становится жертвой, если она создается какъ бы для всѣхъ, познавшихъ такую же скорбь и такія же радости. Пусть только отдѣльный челоуѣкъ исполняетъ роль посредника, выражающаго надежды и грезы многихъ, идущихъ по одному съ нимъ пути, и пусть начнетъ дѣйствовать для нихъ, тогда онъ становится священнодѣй-

ствующимъ въ обрядѣ жертвоприношенія и каждое его дѣйствіе превращается въ жертву.

Нѣтъ ни одной души, которая не могла бы участвовать въ этомъ священнодѣйствіи. Дитя, умѣющее играть съ другими дѣтьми съ совершенно безкорыстной радостью, есть истинный священнодѣятель дѣтства, исполняющій во время игры роль божественнаго дитяти; слуга, подметающій комнату, дѣлаетъ свою работу жертвой и выполняетъ роль великаго слуги всѣхъ, если онъ подметаетъ какъ бы за всѣхъ слугъ, которые заняты тѣмъ же дѣломъ. Для Единаго Возлюбившаго не важно все остальное, для него важно только одно, чтобы дѣйствіе совершалось какъ бы за всѣхъ. Ибо всѣ люди участвуютъ въ Его жертвоприношеніи, и тѣ, которые вѣрятъ въ Него, и тѣ, которые не вѣрятъ; и это участіе длится до тѣхъ поръ, пока каждый изъ нихъ забываетъ свой маленькій сегментъ круга,—думаетъ о значеніи всего круга и трудится какъ бы для него.

Такъ замыслилъ Единый Возлюбившій свой планъ, чтобы всѣ принимали участіе въ жертвоприношеніи. „Какъ бы для всѣхъ“ есть формула посвященія, и кто можетъ жертвовать такимъ образомъ, тотъ поднимается надъ дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ, надъ добромъ и зломъ. Ибо только Жертва поднимается выше Присущности до состоянія Превосходящаго, въ которомъ пребываетъ Единый Возлюбившій, увидѣть же Его безъ покрывала, это—войти въ вѣчную Радость Его.

И тогда Единый Возлюбившій станетъ единымъ со Своими Возлюбленными, море, слившееся съ моремъ, солнце, привѣтствующее солнце, Единый безъ второго.

Дѣйствіе, которое есть Жизнь.

Есть сила, которая объединяетъ всѣхъ, и эта сила—жертва. Черезъ дѣйствіе, которое есть жертва, начинаетъ жить любовь, которая есть сила и красота, которая есть радость.

Это—путь, назначенный для всѣхъ, проложенный Единымъ Возлюбившимъ для Своихъ возлюбленныхъ.

Это—третья истина, которую мы будемъ учить во имя Его.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

О, Другъ и Защитникъ, О, Богъ и Властитель, О, Свѣтъ, не
кидающій тѣни!

Ты цѣль всѣхъ путей, что остались за мною, на крестъ
вознесенное сердце!

По волѣ всевышней расцвѣтшій цвѣтокъ

Изъ сердца слагаю къ любимымъ стопамъ;

Тебѣ—однѣ розы, а тернии—мнѣ,

Въ томъ будетъ отнынѣ мой вѣчный обѣтъ.

На известной высотѣ человекъ встрѣчаетъ Бога, и Богъ его при-
нимаетъ въ сотрудники.

Счастье сопровождаетъ лишь тѣ часы, въ которые мы сохраняемъ
духъ самоотреченія.

Рядомъ съ тѣмъ усилиемъ, которое нужно сдѣлать, чтобы жить,
смерть есть дѣтская игра.

Намъ судьба кажется слѣпой, потому что мы еще не умѣемъ ви-
дѣть прямой связи, существующей между движеніями нашей души и со-
бытіями нашей жизни.

Изреч. Фитинюфа.

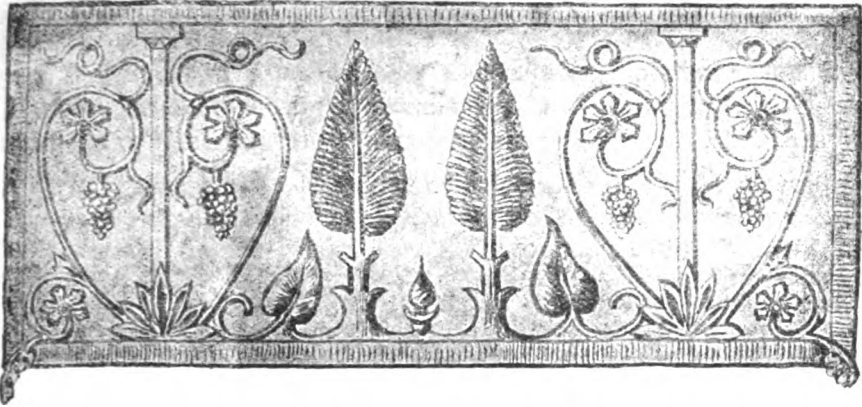

Тао.

Тихій Тао, свѣтъ вечерній,
Лейся въ сердце, успокой.
Смой слѣды язвѣщихъ терній,
Смой слѣды борьбы дневной.
Пусть несутъ благоуханья
Дали синія морей...
Тихимъ голосомъ Молчанья
Убаюкай и согрѣй.
И лучемъ звѣзды далекой
Миръ намъ въ душу зарони.
Тихій Тао — бездноокій
Пріюти и охрани.

Е. Кузьминъ.

Воспоминанія.

Глава XXVII.

Хотя осенью 1868 года мнѣ уже минуло одиннадцать лѣтъ и пора было начинать серьезно учиться, бабушка ни за что не хотѣла отдавать меня, ни въ институтъ, ни въ другое учебное заведеніе.

— Дѣвочка, если есть возможность, должна воспитываться и учиться дома,—говорила она моимъ родителямъ,—мальчикъ совсѣмъ другое дѣло и очень хорошо, что Ромочка ходитъ въ Анненскую школу.

Родители мои, съ которыми мы тогда жили вмѣстѣ въ Петербургѣ, покорились бабушкиной волѣ, памятуя, что когда я родилась въ Красномъ, они меня ей подарили и она вольна распоряжаться моимъ воспитаніемъ какъ ей угодно.

Въ силу этого у насъ само собой образовалось въ домѣ двѣ семьи—бабушка со мной, а другая—отецъ, мать и мои маленькія сестры Соня и Варя, Ромочка же былъ у насъ общій.

Квартира наша тоже сама собой раздѣлилась на двѣ половины: въ одной жили мы съ бабушкой—это была учебная и художественная половина, въ другой, гдѣ помѣщались мои родители съ дѣтьми, происходили игры, шитье, столярныя, токарныя и переплетныя работы.

Мать моя не только обшивала своихъ дѣтей, но также сама дѣлала имъ обувь и разъ даже сшила сапоги и форменный

морской сюртукъ моему отцу, который приглашалъ къ ней сапожника и портного, чтобы всему этому научить ее.

Помню какъ моя мать, маленькая, кроткая и всегда во всемъ старательная, своими маленькими ручками также ловко справлялась съ иглой, съ шиломъ, молоточкомъ и дратвой, какъ и съ роялемъ, на которомъ она, какъ достойная ученица Гензельта, играла превосходно.

Въ рабочемъ кабинетѣ моего отца, гдѣ жилъ Ромочка, кромѣ дивана, на которомъ онъ спалъ, его и отцовскаго письменныхъ столовъ, стояли токарный станокъ и верстакъ, а на полкахъ было множество столярныхъ и переплетныхъ инструментовъ.

Въ эту комнату къ моему отцу часто приходили столяръ, рѣзчикъ и переплетчикъ и, работая съ нимъ, учили его; возлѣ нихъ учились и мы, дѣти, тоже пробуя точить, пилить и переплетать.

Но кромѣ ремесленниковъ и музыкантовъ, друзей моего отца, къ намъ приходили, чтобы насъ, дѣтей, учить, преподаватель рисованія, учительница нѣмецкаго языка, студентъ и два матроса изъ команды моего отца—Сверегодскій и Карелинъ, отличавшіеся математическими способностями и знаніемъ ариѳметики.

Отецъ нарочно позвалъ ихъ къ намъ, увѣряя, что народъ способенъ не менѣе интеллигенціи и что эти матросики научатъ насъ ариѳметикѣ лучше всякаго студента; въ доказательство онъ велѣлъ Карелину принести коллекцію великолѣпно склеенныхъ имъ изъ бумаги геометрическихъ фигуръ, которыми хвалился передъ нами и нашими знакомыми.

Отецъ мой, настоящій морякъ въ душѣ, отлично зналъ характеръ и способности каждаго своего матросика и обожалъ свою команду, поэтому и я была влюблена не только въ Сверегодскаго, въ Карелина и въ отцовскаго вѣстоваго Эмельянова, но и во всѣхъ матросовъ и моряковъ и во весь русскій флотъ вообще и эта коллективная влюбленность заставляла меня особенно чувствительно играть на роялѣ „Matrosenlied“ изъ дѣтскихъ пьесъ Шумана.

Въ домѣ у насъ въ это время на разныхъ половинахъ уже было не одинъ, а два рояля—старый Виртъ татан, а у насъ съ бабушкой новый Беккеръ.

Его выбиралъ самъ Балакиревъ и когда рояль привезли изъ склада и поставили въ нашу комнату, Милій Алексѣевичъ пріѣхалъ, чтобы еще разъ попробовать его.

Онъ сначала сыгралъ нѣсколько блестящихъ пассажей безъ педали и внимательно прислушиваясь къ звуку рояля, одобрительно кивалъ головой; потомъ, взявъ педаль и беззвучно нажимая правой рукой клавиши, лѣвой рукой сталъ медленно играть мелодію и рояль запѣлъ.

— Хорошъ,—сказалъ Милій Алексѣевичъ и началъ импровизировать.

Боже мой! Что же это была за игра!

Яркіе пассажи, свѣтлые и чистые какъ кристаллы, такъ и разсыпались по роялю потокомъ драгоценныхъ ожерельевъ и между ними какъ жемчужины, въ атмосферѣ благородства и красоты, рождались нѣжныя мелодіи, свѣтлыя какъ лучи солнца... А энергичные пальцы Миліа Алексѣевича, покорные его волѣ, уже создавали новыя картины и, казалось, волшебные цвѣты, въ очарованномъ лѣсу звуковъ, выросли возлѣ сказочнаго ручья... Наклонясь надъ своими руками. Милій Алексѣевичъ самъ, какъ бы съ удивленіемъ, прислушивался къ своимъ творческимъ мыслямъ, сверкавшимъ золотомъ вдохновенія въ его зоркихъ карихъ глазахъ и восхищенные его игрой, мои родители и бабушка, молча стояли возлѣ него и слушали; слушали и мы, дѣти, притаившись за роялемъ.

Окончивъ играть, Балакиревъ замѣтилъ насъ и улыбнулся.

— А! Японскій божокъ, здравствуйте,—ласково протянулъ онъ руку моей маленькой сестрѣ Сонѣ, которую особенно любилъ за ея музыкальность, прозвалъ же онъ ее „японскимъ божкомъ“, потому что, когда она еще была крошкой, у нея очень медленно росли волосики и долго головка была голеньякая.

— Ну что Вы теперь поете?—спросилъ онъ ее.

— Пою изъ Руслана,—не смущаясь отвѣтила Соня; правда, моя шестилѣтняя сестра очень мило пѣла дѣтскимъ контральто арію Ратмира.

— Отлично! — похвалить ее Балакиревъ. — А теперь мнѣ пора,—заторопился онъ.

— Ну, куда Вы, Милій Алексѣевичъ, а чайку съ малиновымъ вареньемъ,—стали упрашивать его остаться мои родители.

— Противъ этого аргумента устоять невозможно — засмѣялся онъ и остался.

И у этого музыкальнаго генія были свои маленькія слабости: онъ любилъ чай съ малиновымъ вареньемъ, носилъ зимой холодное пальто, шарфъ, вмѣсто воротника и кругленькую холодную шапочку, фасона, который такъ и назывался у насъ Балаки-

лескиныя сапожки, а перчатки у него были шерстяныя и не-
примечательно хороши. Когда вышло время покурить онъ ихъ у тор-
чалки.

— Вы же еще никому не въ глаза показались: мы съ отцомъ
иногда и заглядывали въ магазинъ, а уже издали онъ улыбается
и извѣстиво качаетъ своею длинными руками.

— А вы еще и перчатки, и куртка, — смеется отецъ.

— Вы же, Михаилъ Александровичъ, еще одна фантазия: — онъ писалъ
мне письма съ длинной бородою.

— Фантазия же и перчатки, и куртка, — объ-
ясняетъ отецъ, — такъ съ.

ГЛАВА XXVII

Утромъ всталъ въ обычный часъ. Бабушка пригласила ко мнѣ,
какъ и всегда, Николая Ивановича, оставившись въ Ивановскомъ, дру-
гомъ часу съ собой — вѣдника и консерватора.

Утромъ же приходилъ къ намъ Александръ Федоровичъ Мейеръ,
котораго отецъ Ивановичъ часто бывавшій у насъ и
привозившій съ собой куртку, потому что былъ одинокъ и
когда-то въ молодости какъ-то разъ пострадалъ всѣхъ несчаст-
ливыхъ, обидевшись на родителей.

Утромъ же вышло время куртки. Утромъ же самъ отправился въ
консерваторскую и тамъ зашелъ въ кабинетъ.

Сначала же вышло время съ бабушкой перетерпѣемъ, въ на-
стоящемъ же часу уже притерпѣла Рюмочкину скрипочку, пере-
бродилъ же мой, наконецъ затерпѣла ее частью носовымъ плат-
комъ и вынулъ съ чепухи платокъ изъ кармана со смѣчкомъ на рояль.

Вотъ же и вышло время вышло. Анисья отворила
дверь, чтобы опять съшить платокъ, вынулъ кашлянуть, высмор-
каться и въ комнату зашелъ снова.

Длиной хорошеющей, черные густые волосы аккуратно при-
чесаны съ проборою и усами подраблены, а глаза у него бѣло-
ватые съ ободками, какъ у молодыхъ галчаты — въ комнатѣ про-
цесомъ промать ширя.

Позвольте притерпѣемъ, — подошелъ юноша къ бабушкѣ
и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня.

Вѣрно думаетъ: какъ странно, что на скрипкѣ будетъ
у меня дѣвочка, промелькнуло у меня въ мысляхъ въ то время,
одна и ему присѣдала.

— Очень пріятно,—сказала бабушка,—Александръ Ѳедоровичъ передалъ мнѣ Ваши условія, я согласна и уже купила школу Беріо, по Вашему указанію, можно сегодня начать?

— Можно,—важно отвѣтилъ мой новый учитель и, смѣривъ меня довольно строгимъ взглядомъ, спросилъ:

— Ноты знаете? Немножко играете на скрипкѣ?—Ну сыграйте ка мнѣ вотъ это,—открылъ онъ школу Беріо тамъ, гдѣ въ первой позиціи начинаются гаммы съ до мажорной.

Это самая трудная гамма для начинающаго скрипача—напряженіе лѣвой руки, благодаря третьему неустойчивому пальцу, неминуемо передается правой рукѣ, и ученикъ непременно фальшивить и скрипеть.

— Не такъ, не такъ!—затопаль и закричалъ на меня мой преподаватель,—еще разъ и потомъ идите дальше, ну, скорѣе.

Перепугавшись и еще хуже сыгравъ до мажорную гамму, я перешла на la минорную и опять сфальшивила, а мой преподаватель опять разсердился и топнулъ ногой.

Такъ начался и продолжался первый урокъ—я ошибалась, учитель кричалъ, а у бабушки, сидѣвшей на диванѣ съ чулкомъ, отъ волненія дрожали руки и спицы другъ объ друга стучали, она краснѣла, но молчала, а мнѣ хотѣлось плакать.

Играя мажорныя гаммы, я еще кое-какъ крѣпилась, но на минорныхъ, сердце ослабло и слезы сначала закапали, а потомъ полились рѣкой на деку скрипки и, черезъ эфы, въ ея нутро.

Когда урокъ кончился, мой учитель побѣдоносно на меня взглянулъ и улыбнулся.

— Ага! Боишься меня? Такъ и надо, знаю, какъ надо уроки давать,—сказали мнѣ его глаза, а мои, опять наполняясь слезами, отвѣтили ему:

— Зачѣмъ! Зачѣмъ!.. Такой молодой и хорошенькій и такой сердитый.

— Это совершенно невозможно!—говорила на другой день бабушка сконфуженному Мейеру.—Кого вы рекомендовали, развѣ это уроки, это—мученье!

— Онъ малый хорошій и неглухой,—оправдывалъ Мейеръ свою рекомендацію, —это онъ такъ, напускаетъ на себя, его такъ учать и онъ также учить, на него кричатъ и онъ кричитъ и топаетъ, такая ужъ система... Знаете что, я лучше привезу вамъ моего дядю, Михаила Филипповича Кременецкаго, онъ возьметъ немного подороже, зато онъ профессоръ скрипки въ пѣвческой капеллѣ, пожилой, семейный человекъ и очень терпѣливый.

— Ахъ, пожалуйста!—обрадовалась бабушка.—Я ничего не жалѣю для ея воспитанія!

На слѣдующей недѣлѣ вмѣстѣ съ Мейеромъ пріѣхалъ къ намъ Кременецкій, немолодой, небольшого роста, съ бородой и умнымъ, симпатичнымъ лицомъ, хитро, по-хохлацки улыбающимся лѣвымъ глазомъ.

— Славный „дядюшка“,—подумала я, прісѣдая.

Прослушавъ меня, онъ отвелъ бабушку въ сторону и у нихъ начался разговоръ шопотомъ.

Кременецкій что-то доказывалъ, бабушка отпѣкивалась и онъ пожималъ плечами.

— Въ чемъ дѣло?—войдя въ комнату вмѣстѣ съ Мейеромъ, спросилъ мой отецъ.

— Да вотъ,—заволновалась бабушка,—Михаиль Филипповичъ непремѣнно хочетъ изъ нея сдѣлать артистку, а я вовсе этого не желаю, она должна играть для себя, ну, для мужа, когда выйдетъ замужъ...

— И непремѣнно за генерала!—иронически досказалъ отецъ бабушкину мысль.

— А почему же нѣтъ, если онъ будетъ достойный человѣкъ,—вспыхнула бабушка.

— А почему ей непремѣнно замужъ выходить, а не быть артисткой?—возразилъ отецъ.

— Ахъ, полноте пожалуйста! *Ей играть за деньги!* Допустить не могу!—вскипѣла бабушка.

— Да можно быть артисткой, и вездѣ даромъ играть,—успокаивалъ ее отецъ.

Кременецкій, чувствуя, что мой отецъ на его сторонѣ, молчалъ и хитро улыбался.

— Ну, тамъ видно будетъ,—сказалъ онъ,—а пока мы все-таки начнемъ серьезно заниматься.

— Ахъ, вы меня не понимаете, я очень рада, только одного прошу, чтобы она никогда за деньги не играла, — прослезилась бабушка, и отецъ поцѣловалъ у нея руку.

Во время этого разговора мнѣ сначала казалось, что меня хотятъ кому-то отдать и скрипку у меня отнять, и крѣпко, крѣпко мысленно, прижавъ ее къ себѣ, я молча отвѣтила:

— Ни-за-что!..

Потомъ, убѣдившись, что положеніе измѣнилось, про себя рѣшила непремѣнно сдѣлаться артисткой и выйти замужъ за

артиста, и за обѣдомъ, во время разговора о чьей-то предстоящей свадьбѣ, вставила свое слово:

— А я низачто не выйду замужъ за генерала, вотъ вамъ честное слово, ей-Богу!

— Господи, она на себя зарокъ кладеть!—не на шутку перепугалась бабушка.

— Да ты лучше совѣмъ не выходи замужъ, а хорошенько выучись играть на скрипкѣ, поѣдешь за границу, будешь тамъ блистать...

— Васенька, не хочешь ли еще супу?..—перебила его мать.— Что за разговоры съ маленькой дѣвочкой! — укоризненно шепнула она ему.—И зачѣмъ дѣлать непріятности ma tante!

Отецъ замолчалъ, а Ромочка зорко и сочувственно на него взглянулъ.

— Знаешь что, Романъ, учись-ка и ты на виолончели, — обратился къ нему отецъ,—и будетъ у насъ домашнее трио: ты, Шура и мама, вотъ и учитель у насъ есть—Александръ Федоровичъ Мейеръ.

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Мейеръ, обѣдавшій вмѣстѣ съ нами.

Глава XXIX.

Кременецкій отставилъ школу Беріо:

— Развѣ можно съ нея начинать учить на скрипкѣ, надо сначала хорошенько поставить руки ученика, тогда все пойдетъ легко.

Онъ принесъ мнѣ старинную школу Компаніоли, на первой страницѣ которой былъ изображенъ скрипачъ во фракѣ, въ чулкахъ и туфляхъ, съ кудрявой головой и озабоченнымъ лицомъ, правый локоть его былъ привязанъ тесемочкой къ нижней пуговицѣ его фрака, чтобы онъ не могъ поднять локтя, а смычекъ онъ держалъ не у колодки, а у середины — это были старинные приемы, уже упраздненные съ развитіемъ скрипичной техники и свободы веденія смычка, но сама по себѣ школа была отличная и партія ученика красиво сопровождалась второй скрипкой.

Занятія наши пошли очень успѣшно; Кременецкій не сердился, я не боялась и способности мои быстро росли въ тенѣ его ласковаго вниманія.

Къ концу зимы я уже играла этюды и пьески, а на слѣдующій годъ—варіаціи Беріо и довольно трудныя вещи Віетана.

Отецъ мой былъ очень доволенъ и постоянно заставлялъ меня при комъ-нибудь играть.

Кто бы не пришелъ къ намъ въ гости [или по дѣлу, не спрашивая, желаютъ ли меня слушать или нѣтъ, онъ звалъ меня.

— Ну-ка, Шура, сыграй Аделаиду Бетховена!

— Чудесно! Благодарю васъ, Василій Васильевичъ!—выслушавъ меня, расшаркивался передъ отцомъ какой-нибудь его подчиненный, зашедшій къ нему утромъ по дѣламъ и спѣшившій на службу.

— Погодите. погодите,—задерживалъ его отецъ,—она вамъ еще сыграетъ.—Шурочка, ну-ка, серенаду Шуберта!—и бѣдный подчиненный, волнуясь, что опоздаетъ, поневолѣ слушалъ меня, на всякій случай придумывая какой-нибудь маневръ, чтобы освободиться, если бы отецъ вздумалъ еще угощать его моею музыкой.

Въ это время мать, вынужденная аккомпанировать мнѣ, тоже беспокоилась, что обѣдъ еще не заказанъ, или какая-нибудь спѣшная работа брошена.

Мнѣ бывало очень трудно играть во всякое время, по заказу, хотѣлось подъ разными предлогами уклоняться, и техника безпрекословнаго послушанія давалась съ трудомъ.

По вечерамъ, съ согласія бабушки, съ тѣмъ, чтобы мы непременно вернулись къ десяти часамъ, отецъ часто возилъ меня со скрипкой къ своимъ знакомымъ и это было весело, меня одѣвали въ бѣленькое платьице съ голубымъ поясомъ, мы ѣхали въ наемной каретѣ, а въ гостяхъ, гдѣ я играла не только на скрипкѣ, но и на роялѣ, мнѣ подносили цвѣты и конфеты.

Тамъ бывали дѣвочки моихъ лѣтъ, слушавшіе меня съ удивленіемъ, и онѣ тоже собирались учиться на роялѣ и на скрипкѣ.

Кременецкій также разъ пригласилъ насъ къ себѣ послушать квартетъ и, чтобы я сыграла передъ его знакомыми музыкантами.

Помню его маленькую уютную гостиную съ занавѣсями и картинами; милая молодая жена его подавала намъ чай, стараясь не стучать чашками, а въ сосѣдней комнатѣ играли квартетъ,—какое-то торжественное, печальное *adagio*.

Передо мной на стѣнѣ была старинная картина въ потемнѣвшей золотой рамѣ—„Вечеръ въ горахъ“. Солнце уже сѣло, надъ озеромъ въ сумеркахъ темнѣла скала, а на ней былъ вы-

сокій крестъ. Внизу къ скалѣ пристала лодка и въ лодкѣ плакала женщина, съ мольбой простирая руки къ высокому кресту...

Печальное *adagio* и скорбная картина, сливаясь въ единствѣ впечатлѣній образовъ и звуковъ, наполнили мнѣ сердце и оно выросло и углубилось.

Въ этотъ вечеръ перемѣнилась и моя игра.

— Она играетъ, какъ большая, — сказали музыканты, а Кременецкій удивился и внимательно мнѣ посмотрѣлъ въ глаза.

Къ веснѣ мы уже разучивали съ нимъ 1-й концертъ Беріо, чтобы сыграть его съ оркестромъ на любительскомъ музыкальномъ утрѣ, только руки мои еще были малы, пальцы не доставали децимъ финальнаго пассажа и Кременецкій передѣлалъ ихъ на терціи, мнѣ это было жалко и обидно.

Утромъ, въ одно изъ воскресеній Великаго поста, меня опять одѣли въ бѣлое платье съ голубымъ поясомъ и въ четырехъмѣстной каретѣ, бабушка, отецъ и мать повезли меня со скрипкой къ Исаакіевскому мосту, противъ Маріинскаго дворца, въ угловой домъ, гдѣ сдавался большой залъ для репетицій и концертовъ.

Кременецкій уже былъ тамъ и ждалъ насъ.

Оркестръ любителей, собравшись въ залѣ, уже строился и публика занимала мѣста.

Для оркестра эстрады не было и Кременецкій волновался, что меня не будетъ видно, тогда принесли ломберный столъ и поставили его передъ оркестромъ.

Высокій и худой старикъ въ рыжемъ парикѣ, старый-престарый и презнаменитый скрипачъ Мауреръ, дирижеръ любительскаго оркестра, передъ началомъ перелистывалъ партитуру моего концерта и музыканты просматривали свои партіи — мы должны были играть прямо, безъ репетицій.

Помню, что когда меня поставили на столъ, страха во мнѣ не было нисколько, а только хотѣлось скорѣй начать.

— Скоро ли, скоро ли, — мелькало въ мысляхъ нетерпѣливое желаніе слиться съ окружившемъ меня звуковымъ моремъ оркестра, уже начавшаго играть вступленіе концерта.

Вотъ оно стало затихать, давая мѣсто моему вступленію.

— *Tenue!* *Bitte nicht so laut!*¹⁾ — услышала я шопотъ дирижера, обращенный къ оркестру, музыканты заиграли совсѣмъ *piano* и скрипка моя отъ всей души, во всеуслышаніе запѣла на просторѣ въ ритмическомъ согласіи съ оркестромъ.

¹⁾ Пожалуйста, не такъ громко.

Какая-то огромная сила, все увеличиваясь и наполняя мое маленькое тѣло, заставляла меня ускорять темпъ и пальцы, казалось, выросли.

— Ну, Михаилъ Филипповичъ, теперь держитесь,—мысленно обратилась я къ Кременецкому, отыскивая его глазами въ первомъ ряду, и неожиданно для него сыграла трудный финальный пассажъ концерта не терціями, какъ онъ хотѣлъ, а децимами, какъ было написано и хотѣлось мнѣ.

Публика зааплодировала, музыканты одобрительно застучали ногами и смычками и меня сняли со стола.

Кременецкій только головой качалъ:

— Какъ это можно на такія опасныя штуки пускаться.

— Ахъ, очень, очень ха-ра-шо-о, sehr schön! — подошелъ къ намъ старикъ Мауреръ и, ласково потрепавъ меня по щекѣ, обратился къ моимъ родителямъ:

— Удивительно! Такая ма-а-аленькая дѣвочка, съ такимъ огнемъ играетъ и такъ чисто: ти-ти ти-ти-ти!..—представилъ онъ мое стакатто.

— Благодарю васъ, очень, очень ха-ра-шо-о!.. — милостиво протянулъ онъ руку Кременецкому, и Кременецкій, почтительно поклонившись, пожалъ ее.

Когда мы укладывали скрипочку и уходили, насъ окружали любопытные и отецъ мой былъ въ восторгѣ.

Въ это же утро, въ той же каретѣ съ бабушкой, матерью и Кременецкимъ онъ повезъ фотографировать меня со скрипкой.

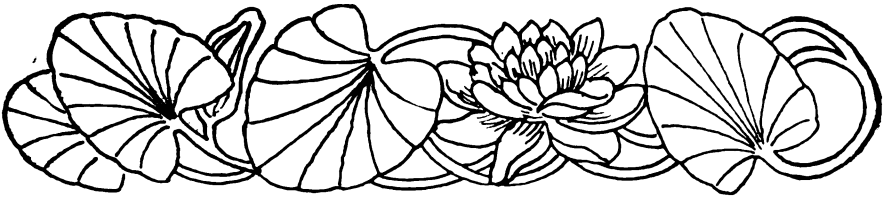
А. Унковская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Первое проявленіе пробужденія души выражается, какъ жажда правды.

Изреч. Фитингофа.

Ароматъ Египта.

Оккультный разсказъ.

Ч. Ледбитера.

Когда человѣкъ, одиноко живущій въ меблированныхъ комнатахъ, затворившись у себя въ зимній вечеръ, усядется съ книгой въ рукахъ у камина, его охватываетъ ощущеніе ни съ чѣмъ не сравнимой уютности и свободы, которое исходитъ изъ увѣренности, что никто ему не помѣшаетъ.

Именно такъ усѣлся я у камина—но не для чтенія, а съ намѣреніемъ писать—въ тотъ вечеръ, когда случилось первое изъ ряда происшествій, о которыхъ я хочу разсказать. Я тогда писалъ свою первую книгу „О современномъ положеніи Закона о передаточныхъ Записяхъ“ и весь углубился въ работу, стараясь разобраться въ одномъ необычайно запутанномъ выраженіи, какъ вдругъ меня охватило смутное ощущеніе, вѣроятно знакомое многимъ изъ насъ—что я не одинъ, что кто-то другой есть въ комнатѣ. Я зналъ, что дверь моя заперта, и что въ виду этого мое предположеніе нелѣпо, но чувство это было такъ опредѣленно, что я инстинктивно приподнялся со стула и быстро оглянулся. Въ комнатѣ дѣйствительно не было никого, и я, внутренно смѣясь надъ своей глупостью, снова принялся за работу, когда неожиданно почувствовалъ, что комната наполняется очень тонкимъ, необычнымъ ароматомъ. Онъ показался мнѣ знакомымъ, хотя опредѣлить его я не могъ; какъ вдругъ въ моемъ умѣ блеснуло воспоминаніе, и я догадался, гдѣ я его слышалъ раньше. Это открытіе наполнило меня крайнимъ удивленіемъ, а почему—это сдѣлается понятнымъ читателю, когда я объясню, въ чемъ дѣло.

Я провелъ длинныя каникулы прошлаго года, путешествуя по Египту, заглядывая тамъ во всѣ уголки и закоулки, стараясь

ознакомиться съ подлинной жизнью страны и держась какъ можно дальше отъ избитыхъ путей, которые обычно избираются толпами туристовъ. Въ Каирѣ мнѣ посчастливилось завязать знакомство съ однимъ шейхомъ (такъ по крайней мѣрѣ онъ называлъ себя), который оказалъ мнѣ много услугъ въ моихъ изслѣдованіяхъ древнихъ обычаевъ и мѣстной старины. Мой слуга совѣтовалъ мнѣ остерегаться этого человѣка, такъ какъ про него говорили, что онъ колдунъ и обвиняли его въ тѣсномъ общеніи съ нечистой силой, но я не слушалъ его, потому что ко мнѣ шейхъ относился всегда дружелюбно и предупредительно, и не разъ указывалъ мнѣ на многія интересныя вещи, которыя я иначе пропустилъ бы безъ вниманія.

Однажды, когда я явился къ нему въ необычный часъ, входя въ его комнату, я былъ сильно пораженъ какимъ-то специфическимъ запахомъ. Подобнаго запаха я никогда и нигдѣ не слыхалъ раньше; страшно сильный и сладкій, почти удушливый, онъ въ тоже время дѣйствовалъ возбуждающимъ и веселящимъ образомъ. Онъ мнѣ такъ понравился, что я умолялъ шейха дать мнѣ немножко этого душистаго снадобья, или по крайней мѣрѣ указать, гдѣ бы я могъ раздобыть его, но онъ, къ моему удивленію, очень вѣжливо, но твердо отказалъ мнѣ и въ томъ, и въ другомъ. Единственное, что онъ сказалъ, я хорошо помнилъ: онъ сообщилъ, что этотъ священный ароматъ употребляется при извѣстныхъ магическихъ дѣйствіяхъ, что приготовленіе его есть тайна, передаваемая съ незапамятныхъ временъ только немногимъ избраннымъ, и что ни за какія сокровища міра нельзя купить даже единаго зернышка этого куренія.

Естественно, что все это до крайности возбудило мое любопытство, но шейхъ не захотѣлъ дать мнѣ больше никакихъ поясненій. Я пробылъ у него около часа, и за это время одежда моя такъ пропиталась этимъ запахомъ, что я когда вернулся домой и мой слуга сталъ чистить мое платье, онъ отшатнулся съ выраженіемъ ужаса и, выйдя изъ обыкновеннаго своего хладнокровія и неизмѣнной почтительности, быстро спросилъ:

— О, господинъ, гдѣ были вы? Откуда въ вашей одеждѣ явился этотъ дьявольскій запахъ?

— Что это значить? — спросилъ я, — почему этотъ запахъ такъ волнуетъ васъ?

— О, господинъ, будьте осторожны! — проговорилъ мой слуга чуть не плача. — Вы не знаете и потому не вѣрите: вы англичане, не понимаете, какимъ страшнымъ могуществомъ обладаетъ

древняя магія Египта. Я не знаю, гдѣ вы были, но,—о, господинъ,— не возвращайтесь больше туда никогда! Вы были въ ужасной опасности. Только колдуны употребляютъ эти ароматы и ни одинъ не можетъ приготовить ихъ самъ, они изготовляются нечистой силой и для каждой склянки требуется человѣческая жертва, поэтому мы и называемъ ихъ „дѣвичья кровь“.

— Какія глупости, Мустафа,—сказалъ я,—никогда не повѣрю я этимъ розсказнямъ. Лучше попытайтесь достать мнѣ немного этого таинственнаго вещества.

— Ни за что въ мірѣ! воскликнулъ Мустафа, и вся его фигура выразила смертельный ужасъ.—И никто не достанетъ его—увѣрю васъ! О, господинъ, держитесь подальше отъ этихъ вещей, ради спасенія вашей души, умоляю васъ!

Я посмѣялся надъ неподдѣльнымъ ужасомъ моего слуги, но обойдя всѣ лавки въ Каирѣ, я нигдѣ не нашелъ духовъ сколько-нибудь похожихъ на тѣ, которые мнѣ такъ хотѣлось достать.

Понятно, что я былъ крайне удивленъ, когда тотъ же самый, хотя слабый, но весьма опредѣленный запахъ поразилъ меня въ моей собственной комнатѣ въ Лондонѣ въ тотъ достопамятный вечеръ. Что это значило? Неужели могло случиться, что онъ сохранился въ какой-либо части моей одежды? Но въ такомъ случаѣ я раньше замѣтилъ бы запахъ, а не теперь, когда прошло уже 14 или 15 мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ. Откуда же взялся онъ? Я былъ вполне убѣжденъ, что ничего похожаго на этотъ ароматъ нельзя было имѣть въ Англии. Вопросъ былъ такъ неразрѣшимъ, что когда запахъ исчезъ, меня взяло сомнѣніе,—не было ли это простой галлюцинаціей? Твердо рѣшивъ выбросить все это изъ головы, я вновь принялся за работу.

Распутавъ удовлетворительно трудное предложеніе, на которомъ моя работа была прервана, я написалъ еще около страницы, когда неожиданно снова почувствовалъ въ комнатѣ чье-то присутствіе; не успѣлъ я оглянуться, какъ ясно ощутилъ на своемъ затылкѣ какъ бы чье-то дыханіе или легкое дуновеніе и затѣмъ услышалъ тихій вздохъ.

Я вскочилъ со стула и сталъ дико озираться, но ничего не было видно, никакихъ слѣдовъ моего таинственнаго посѣтителя. Но черезъ минуту, когда я началъ уже овладѣвать собой, я снова услышалъ тотъ же тонкій ароматъ, соединившійся въ моемъ представленіи съ древней магіей Востока. Было бы нелѣпо отрицать, что я былъ серьезно потрясенъ. Я бросился къ двери

ревскимъ фасономъ, а перчатки у него были шерстяныя и непрѣмѣнно яркаго малиноваго цвѣта, покупалъ онъ ихъ у торгововъ.

Какъ сейчасъ вижу его въ этомъ костюмѣ: мы съ отцомъ гуляемъ и встрѣчаемъ Балакирева и уже издали онъ улыбается и привѣтливо машетъ намъ малиновыми руками.

— Чудакъ Милій, ну ужъ и перчатки,—смѣется отецъ.

Была у Милія Алексѣевича еще одна фантазія:—онъ писалъ свою фамилію съ маленькой буквы.

— Фамилія не существительное, а прилагательное,—объяснялъ онъ эту странность.

Глава XXVIII.

Когда начался учебный сезонъ, бабушка пригласила ко мнѣ, вмѣсто Василя Гавриловича, оставшагося въ Ивановскомъ, другого учителя скрипки—ученика консерваторіи.

Его рекомендовалъ намъ Александръ Федоровичъ Мейеръ. виолончелистъ Маріинскаго театра, часто бывавшій у насъ и проводившій съ нами цѣлые дни, потому что былъ одинокъ и несчастливъ, родители же мои умѣли пригрѣвать всѣхъ несчастныхъ, обездоленныхъ и одинокихъ.

Желая сдѣлать намъ пріятное, Мейеръ самъ отправился въ консерваторію и тамъ нашелъ мнѣ учителя.

Ожидая перваго урока съ большимъ нетерпѣніемъ, въ назначенный день, я уже приготовила Ромочкину скрипочку, перешедшую ко мнѣ, тщательно вытерла ее чистымъ носовымъ платкомъ и вмѣстѣ съ нотами положила рядомъ со смычкомъ на рояль.

Вотъ въ прихожей раздался звонокъ, Анисья отворила дверь, кто-то сталъ снимать пальто, галоши, кашлянуть, высморкался и въ комнату вошелъ юноша.

Какой хорошенькій—черные густые волосы аккуратно причесаны съ проборомъ и усики подфабрены, а глаза у него бѣловатые съ ободками, какъ у молодыхъ галчатъ—въ комнатѣ пронесся аромат шипра.

— Позвольте представиться,—подошелъ юноша къ бабушкѣ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня.

— Вѣрно думаетъ: какъ странно, что на скрипкѣ будетъ учиться дѣвочка,—промелькнуло у меня въ мысляхъ въ то время, какъ я ему присѣдала.

— Очень приятно,—сказала бабушка,—Александръ Ѳедоровичъ передалъ мнѣ Ваши условія, я согласна и уже купила школу Беріо, по Вашему указанію, можно сегодня начать?

— Можно,—важно отвѣтилъ мой новый учитель и, смѣривъ меня довольно строгимъ взглядомъ, спросилъ:

— Ноты знаете? Немножко играете на скрипкѣ?—Ну сыграйте ка мнѣ вотъ это,—открылъ онъ школу Беріо тамъ, гдѣ въ первой позиціи начинаются гаммы съ до мажорной.

Это самая трудная гамма для начинающаго скрипача—напряженіе лѣвой руки, благодаря третьему неустойчивому пальцу, неминуемо передается правой рукѣ, и ученикъ непремѣнно фальшивить и скрипитъ.

— Не такъ, не такъ!—затопаль и закричалъ на меня мой преподаватель,—еще разъ и потомъ идите дальше, ну, скорѣе.

Перепугавшись и еще хуже сыгравъ до мажорную гамму, я перешла на la минорную и опять сфальшивила, а мой преподаватель опять разсердился и топнулъ ногой.

Такъ начался и продолжался первый урокъ—я ошибалась, учитель кричалъ, а у бабушки, сидѣвшей на диванѣ съ чулкомъ, отъ волненія дрожали руки и спицы другъ объ друга стучали, она краснѣла, но молчала, а мнѣ хотѣлось плакать.

Играя мажорныя гаммы, я еще кое-какъ крѣпилась, но на минорныхъ, сердце ослабло и слезы сначала закапали, а потомъ полились рѣкой на деку скрипки и, черезъ эфы, въ ея нутро.

Когда урокъ кончился, мой учитель побѣдоносно на меня взглянулъ и улыбнулся.

— Ага! Боишься меня? Такъ и надо, знаю, какъ надо уроки давать,—сказали мнѣ его глаза, а мои, опять наполняясь слезами, отвѣтили ему:

— Зачѣмъ! Зачѣмъ!.. Такой молодой и хорошенькій и такой сердитый.

— Это совершенно невозможно!—говорила на другой день бабушка сконфуженному Мейеру.—Кого вы рекомендовали, развѣ это уроки, это—мученье!

— Онъ малый хорошій и неглупый,—оправдывалъ Мейеръ свою рекомендацію, —это онъ такъ, напускаетъ на себя, его такъ учать и онъ также учить, на него кричатъ и онъ кричитъ и топаеть, такая ужъ система... Знаете что, я лучше привезу вамъ моего дядю, Михаила Филипповича Кременецкаго, онъ возьметъ немного подороже, зато онъ профессоръ скрипки въ пѣвческой капеллѣ, пожилой, семейный человѣкъ и очень терпѣливый.

— Ахъ, пожалуйста!—обрадовалась бабушка.—Я ничего не жалѣю для ея воспитанія!

На слѣдующей недѣлѣ вмѣстѣ съ Мейеромъ пріѣхалъ къ намъ Кременецкій, немолодой, небольшого роста, съ бородой и умнымъ, симпатичнымъ лицомъ, хитро, по-хохлацки улыбающимся лѣвымъ глазомъ.

— Славный „дядюшка“,—подумала я, присѣдая.

Прослушавъ меня, онъ отвелъ бабушку въ сторонку и у нихъ начался разговоръ шопотомъ.

Кременецкій что-то доказывалъ, бабушка отнѣкивалась и онъ пожималъ плечами.

— Въ чемъ дѣло?—войдя въ комнату вмѣстѣ съ Мейеромъ, спросилъ мой отецъ.

— Да вотъ, —заволновалась бабушка,—Михаилъ Филипповичъ непремѣнно хочетъ изъ нея сдѣлать артистку, а я вовсе этого не желаю, она должна играть для себя, ну, для мужа, когда выйдетъ замужъ...

— И непремѣнно за генерала!—иронически досказалъ отецъ бабушкину мысль.

— А почему же нѣтъ, если онъ будетъ достойный человекъ,—вспыхнула бабушка.

— А почему ей непремѣнно замужъ выходить, а не быть артисткой?—возразилъ отецъ.

— Ахъ, полноте пожалуйста! *Ей играть за деньги!* Допустить не могу!—вскипѣла бабушка.

— Да можно быть артисткой, и вездѣ даромъ играть,—успокоивалъ ее отецъ.

Кременецкій, чувствуя, что мой отецъ на его сторонѣ, молчалъ и хитро улыбался.

— Ну, тамъ видно будетъ, —сказалъ онъ,—а пока мы все-таки начнемъ серьезно заниматься.

— Ахъ, вы меня не понимаете, я очень рада, только одного прошу, чтобы она никогда за деньги не играла, — прослезилась бабушка, и отецъ поцѣловалъ у нея руку.

Во время этого разговора мнѣ сначала казалось, что меня хотятъ кому-то отдать и скрипку у меня отнять, и крѣпко, крѣпко мысленно, прижавъ ее къ себѣ, я молча отвѣтила:

— Ни-за-что!..

Потомъ, убѣдившись, что положеніе измѣнилось, про себя рѣшила непремѣнно сдѣлаться артисткой и выйти замужъ за

артиста, и за обѣдомъ, во время разговора о чьей-то предстоящей свадьбѣ, вставила свое слово:

— А я низачто не выйду замужъ за генерала, вотъ вамъ честное слово, ей-Богу!

— Господи, она на себя зарокъ кладеть!—не на шутку перепугалась бабушка.

— Да ты лучше совсѣмъ не выходи замужъ, а хорошенько выучись играть на скрипкѣ, поѣдешь за границу, будешь тамъ блистать...

— Васенька, не хочешь ли еще супу?..—перебила его мать.— Что за разговоры съ маленькой дѣвочкой! — укоризненно шепнула она ему.—И зачѣмъ дѣлать неприятности ma tante!

Отецъ замолчалъ, а Ромочка зорко и сочувственно на него взглянулъ.

— Знаешь что, Романъ, учись-ка и ты на віолончели, — обратился къ нему отецъ,—и будетъ у насъ домашнее тріо: ты, Шура и мама, вотъ и учитель у насъ есть—Александръ Ѳедоровичъ Мейеръ.

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Мейеръ, обѣдавшій вмѣстѣ съ нами.

Глава XXIX.

Кременецкій отставилъ школу Беріо:

— Развѣ можно съ нея начинать учить на скрипкѣ, надо сначала хорошенько поставить руки ученика, тогда все пойдетъ легко.

Онъ принесъ мнѣ старинную школу Компаніоли, на первой страницѣ которой былъ изображенъ скрипачъ во фракѣ, въ чулкахъ и туфляхъ, съ кудрявой головой и озабоченнымъ лицомъ, правый локоть его былъ привязанъ тесемочкой къ нижней пуговицѣ его фрака, чтобы онъ не могъ поднять локтя, а смычекъ онъ держалъ не у колодки, а у середины — это были старинные приемы, уже упраздненные съ развитіемъ скрипичной техники и свободы веденія смычка, но сама по себѣ школа была отличная и партія ученика красиво сопровождалась второй скрипкой.

Занятія наши пошли очень успѣшно; Кременецкій не сердился, я не боялась и способности мои быстро росли въ тенѣ его ласковаго вниманія.

Къ концу зимы я уже играла этюды и пьески, а на слѣдующій годъ—варіаціи Беріо и довольно трудныя вещи Віетана.

Отецъ мой былъ очень доволенъ и постоянно заставлялъ меня при комъ-нибудь играть.

Кто бы не пришелъ къ намъ въ гости [или по дѣлу, не спрашивая, желаютъ ли меня слушать или нѣтъ, онъ звалъ меня.

— Ну-ка, Шура, сыграй Аделаиду Бетховена!

— Чудесно! Благодарю васъ, Василій Васильевичъ!—выслушавъ меня, расшаркивался передъ отцомъ какой-нибудь его подчиненный, зашедшій къ нему утромъ по дѣламъ и спѣшившій на службу.

— Погодите, погодите,—задерживалъ его отецъ,—она вамъ еще сыграетъ.—Шурочка, ну-ка, серенаду Шуберта!—и бѣдный подчиненный, волнуясь, что опоздаетъ, поневолѣ слушалъ меня, на всякій случай придумывая какой-нибудь маневръ, чтобы освободиться, если бы отецъ вздумалъ еще угощать его моей музыкой.

Въ это время мать, вынужденная аккомпанировать мнѣ, тоже безпокоилась, что обѣдъ еще не заказанъ, или какая-нибудь спѣшная работа брошена.

Мнѣ бывало очень трудно играть во всякое время, по заказу, хотѣлось подъ разными предлогами уклоняться, и техника безпрекословнаго послушанія давалась съ трудомъ.

По вечерамъ, съ согласія бабушки, съ тѣмъ, чтобы мы непременно вернулись къ десяти часамъ, отецъ часто возилъ меня со скрипкой къ своимъ знакомымъ и это было весело, меня одѣвали въ бѣленькое платьице съ голубымъ поясомъ, мы ѣхали въ наемной каретѣ, а въ гостяхъ, гдѣ я играла не только на скрипкѣ, но и на роялѣ, мнѣ подносили цвѣты и конфекты.

Тамъ бывали дѣвочки моихъ лѣтъ, слушавшіе меня съ удивленіемъ, и онѣ тоже собирались учиться на роялѣ и на скрипкѣ.

Кременецкій также разъ пригласилъ насъ къ себѣ послушать квартетъ и, чтобы я сыграла передъ его знакомыми музыкантами.

Помню его маленькую уютную гостиную съ занавѣсками и картинами; милая молодая жена его подавала намъ чай, стараясь не стучать чашками, а въ сосѣдней комнатѣ играли квартетъ,—какое-то торжественное, печальное *adagio*.

Передо мной на стѣнѣ была старинная картина въ потемнѣвшей золотой рамѣ—„Вечеръ въ горахъ“. Солнце уже сѣло, надъ озеромъ въ сумеркахъ темнѣла скала, а на ней былъ вы-

сокій крестъ. Внизу къ скалѣ пристала лодка и въ лодкѣ плакала женщина, съ мольбой простирая руки къ высокому кресту...

Печальное *adagio* и скорбная картина, сливаясь въ единствѣ впечатлѣній образовъ и звуковъ, наполнили мнѣ сердце и оно выросло и углубилось.

Въ этотъ вечеръ перемѣнилась и моя игра.

— Она играетъ, какъ большая,—сказали музыканты, а Кременецкій удивился и внимательно мнѣ посмотрѣлъ въ глаза.

Къ веснѣ мы уже разучивали съ нимъ 1-й концертъ Беріо, чтобы сыграть его съ оркестромъ на любительскомъ музыкальномъ утрѣ, только руки мои еще были малы, пальцы не доставали децимъ финальнаго пассажа и Кременецкій передѣлалъ ихъ на терціи, мнѣ это было жалко и обидно.

Утромъ, въ одно изъ воскресеній Великаго поста, меня опять одѣли въ бѣлое платьице съ голубымъ поясомъ и въ четырехъмѣстной каретѣ, бабушка, отецъ и мать повезли меня со скрипкой къ Исаакіевскому мосту, противъ Маріинскаго дворца, въ угловой домъ, гдѣ сдавался большой залъ для репетицій и концертовъ.

Кременецкій уже былъ тамъ и ждалъ насъ.

Оркестръ любителей, собравшись въ залѣ, уже строился и публика занимала мѣста.

Для оркестра эстрады не было и Кременецкій волновался, что меня не будетъ видно, тогда принесли ломберный столъ и поставили его передъ оркестромъ.

Высокій и худой старикъ въ рыжемъ парикѣ, старый-престарый и знаменитый скрипачъ Мауреръ, дирижеръ любительскаго оркестра, передъ началомъ перелистывалъ партитуру моего концерта и музыканты просматривали свои партіи — мы должны были играть прямо, безъ репетицій.

Помню, что когда меня поставили на столъ, страха во мнѣ не было нисколько, а только хотѣлось скорѣй начать.

— Скоро ли, скоро ли,—мелькало въ мысляхъ нетерпѣливое желаніе слиться съ окружившемъ меня звуковымъ моремъ оркестра, уже начавшаго играть вступленіе концерта.

Вотъ оно стало затихать, давая мѣсто моему вступленію.

— Тс-с-с! Bitte nicht so laut! ¹⁾ — услышала я шопотъ дирижера, обращенный къ оркестру, музыканты заиграли совѣмъ *piano* и скрипка моя отъ всей души, во всеуслышаніе запѣла на просторѣ въ ритмическомъ согласіи съ оркестромъ.

¹⁾ Пожалуйста, не такъ громко.

Какая-то огромная сила, все увеличиваясь и наполняя мое маленькое тѣло, заставляла меня ускорять темпъ и пальцы, казалось, выросли.

— Ну, Михаилъ Филипповичъ, теперь держитесь,—мысленно обратилась я къ Кременецкому, отыскивая его глазами въ первомъ ряду, и неожиданно для него сыграла трудный финальный пассажъ концерта не терціями, какъ онъ хотѣлъ, а децимами, какъ было написано и хотѣлось мнѣ.

Публика заплодировала, музыканты одобрительно застучали ногами и смычками и меня сняли со стола.

Кременецкій только головой качалъ:

— Какъ это можно на такія опасныя штуки пускаться.

— Ахъ, очень, очень ха-ра-шо-о, sehr schön! — подошелъ къ намъ старикъ Мауреръ и, ласково потрепавъ меня по щекѣ, обратился къ моимъ родителямъ:

— Удивительно! Такая ма-а-ленькая дѣвочка, съ такимъ огнемъ играетъ и такъ чисто: ти-ти ти-ти-ти!..—представилъ онъ мое стакатто.

— Благодарю васъ, очень, очень ха-ра-шо-о!.. — милостиво протянулъ онъ руку Кременецкому, и Кременецкій, почтительно поклонившись, пожалъ ее.

Когда мы укладывали скрипочку и уходили, насъ окружали любопытные и отецъ мой былъ въ восторгѣ.

Въ это же утро, въ той же каретѣ съ бабушкой, матерью и Кременецкимъ онъ повезъ фотографировать меня со скрипкой.

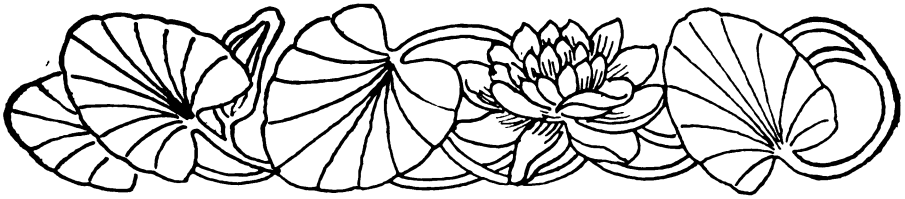
А. Унковская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Первое проявленіе пробужденія души выражается, какъ жажда правды.

Изреч. Фитингофа.

Ароматъ Египта.

Оккультный разсказъ.

Ч. Ледбитера.

Когда человекъ, одиноко живущій въ мебелированныхъ комнатахъ, затворившись у себя въ зимній вечеръ, усядется съ книгой въ рукахъ у камина, его охватываетъ ощущеніе ни съ чѣмъ не сравнимой уютности и свободы, которое исходитъ изъ увѣренности, что никто ему не помѣшаетъ.

Именно такъ усѣлся я у камина—но не для чтенія, а съ намѣреніемъ писать—въ тотъ вечеръ, когда случилось первое изъ ряда происшествій, о которыхъ я хочу разсказать. Я тогда писалъ свою первую книгу „О современномъ положеніи Закона о передаточныхъ Записяхъ“ и весь углубился въ работу, стараясь разобраться въ одномъ необычайно запутанномъ выраженіи, какъ вдругъ меня охватило смутное ощущеніе, вѣроятно знакомое многимъ изъ насъ—что я не одинъ, что кто-то другой есть въ комнатѣ. Я зналъ, что дверь моя заперта, и что въ виду этого мое предположеніе нелѣпо, но чувство это было такъ опредѣленно, что я инстинктивно приподнялся со стула и быстро оглянулся. Въ комнатѣ дѣйствительно не было никого, и я, внутренне смѣясь надъ своей глупостью, снова принялся за работу, когда неожиданно почувствовалъ, что комната наполняется очень тонкимъ, необычайнымъ ароматомъ. Онъ показался мнѣ знакомымъ, хотя опредѣлить его я не могъ; какъ вдругъ въ моемъ умѣ блеснуло воспоминаніе, и я догадался, гдѣ я его слышалъ раньше. Это открытіе наполнило меня крайнимъ удивленіемъ, а почему—это сдѣлается понятнымъ читателю, когда я объясню, въ чемъ дѣло.

Я провелъ длинныя каникулы прошлаго года, путешествуя по Египту, заглядывая тамъ во всѣ уголки и закоулки, стараясь

ознакомиться съ подлинной жизнью страны и держась какъ можно дальше отъ избитыхъ путей, которые обычно избираются толпами туристовъ. Въ Каирѣ мнѣ посчастливилось завязать знакомство съ однимъ шейхомъ (такъ по крайней мѣрѣ онъ называлъ себя), который оказалъ мнѣ много услугъ въ моихъ изслѣдованіяхъ древнихъ обычаевъ и мѣстной старины. Мой слуга совѣтовалъ мнѣ остерегаться этого человѣка, такъ какъ про него говорили, что онъ колдунъ и обвиняли его въ тѣсномъ общеніи съ нечистой силой, но я не слушалъ его, потому что ко мнѣ шейхъ относился всегда дружелюбно и предупредительно, и не разъ указывалъ мнѣ на многія интересныя вещи, которыя я иначе пропустилъ бы безъ вниманія.

Однажды, когда я явился къ нему въ необычный часъ, входя въ его комнату, я былъ сильно пораженъ какимъ-то специфическимъ запахомъ. Подобнаго запаха я никогда и нигдѣ не слышалъ раньше; страшно сильный и сладкій, почти удушливый, онъ въ тоже время дѣйствовалъ возбуждающимъ и веселящимъ образомъ. Онъ мнѣ такъ понравился, что я умолялъ шейха дать мнѣ немножко этого душистаго снадобья, или по крайней мѣрѣ указать, гдѣ бы я могъ раздобыть его, но онъ, къ моему удивленію, очень вѣжливо, но твердо отказалъ мнѣ и въ томъ, и въ другомъ. Единственное, что онъ сказалъ, я хорошо помнилъ: онъ сообщилъ, что этотъ священный ароматъ употребляется при извѣстныхъ магическихъ дѣйствіяхъ, что приготовленіе его есть тайна, передаваемая съ незапамятныхъ временъ только немногимъ избраннымъ, и что ни за какія сокровища міра нельзя купить даже одинаго зернышка этого куренія.

Естественно, что все это до крайности возбудило мое любопытство, но шейхъ не захотѣлъ дать мнѣ больше никакихъ поясненій. Я пробылъ у него около часа, и за это время одежда моя такъ пропиталась этимъ запахомъ, что я когда вернулся домой и мой слуга сталъ чистить мое платье, онъ отшатнулся съ выраженіемъ ужаса и, выйдя изъ обыкновеннаго своего хладнокровія и неизмѣнной почтительности, быстро спросилъ:

— О, господинъ, гдѣ были вы? Откуда въ вашей одеждѣ явился этотъ діавольскій запахъ?

— Что это значитъ? — спросилъ я, — почему этотъ запахъ такъ волнуетъ васъ?

— О, господинъ, будьте осторожны! — проговорилъ мой слуга чуть не плача. Вы не знаете и потому не вѣрите; вы англичане, не понимаете, какимъ страшнымъ могуществомъ обладаетъ

древняя магія Египта. Я не знаю, гдѣ вы были, но,—о, господинъ,— не возвращайтесь больше туда никогда! Вы были въ ужасной опасности. Только колдуны употребляютъ эти ароматы и ни одинъ не можетъ приготовить ихъ самъ, они изготовляются нечистой силой и для каждой склянки требуется челоувѣческая жертва, поэтому мы и называемъ ихъ „дѣвичья кровь“.

— Какія глупости, Мустафа,—сказалъ я,—никогда не повѣрю я этимъ розказнямъ. Лучше попытайтесь достать мнѣ немного этого таинственнаго вещества.

— Ни за что въ мірѣ! воскликнулъ Мустафа, и вся его фигура выразила смертельный ужасъ.— И никто не достанетъ его—увѣрю васъ! О, господинъ, держитесь подальше отъ этихъ вещей, ради спасенія вашей души, умоляю васъ!

Я посмѣялся надъ неподдѣльнымъ ужасомъ моего слуги, но обойдя всѣ лавки въ Каирѣ, я нигдѣ не нашелъ духовъ сколько-нибудь похожихъ на тѣ, которые мнѣ такъ хотѣлось достать.

Понятно, что я былъ крайне удивленъ, когда тотъ же самый, хотя слабый, но весьма опредѣленный запахъ поразилъ меня въ моей собственной комнатѣ въ Лондонѣ въ тотъ достопамятный вечеръ. Что это значило? Неужели могло случиться, что онъ сохранился въ какой-либо части моей одежды? Но въ такомъ случаѣ я раньше замѣтилъ бы запахъ, а не теперь, когда прошло уже 14 или 15 мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ. Откуда же взялся онъ? Я былъ вполне убѣжденъ, что ничего похожаго на этотъ ароматъ нельзя было имѣть въ Англіи. Вопросъ былъ такъ неразрѣшимъ, что когда запахъ исчезъ, меня взяло сомнѣніе,—не было ли это простой галлюцинаціей? Твердо рѣшивъ выбросить все это изъ головы, я вновь принялся за работу.

Распутавъ удовлетворительно трудное предложеніе, на которомъ моя работа была прервана, я написалъ еще около страницы, когда неожиданно снова почувствовалъ въ комнатѣ чье-то присутствіе; не успѣлъ я оглянуться, какъ ясно ощутилъ на своемъ затылкѣ какъ бы чье-то дыханіе или легкое дуновеніе и затѣмъ услышалъ тихій вздохъ.

Я вскочилъ со стула и сталъ дико озираться, но ничего не было видно, никакихъ слѣдовъ моего таинственнаго посѣтителя. Но черезъ минуту, когда я началъ уже овладѣвать собой, я снова услышалъ тотъ же тонкій ароматъ, соединившійся въ моемъ представленіи съ древней магіей Востока. Было бы нелѣпо отрицать, что я былъ серьезно потрясенъ. Я бросился къ двери

и сталъ изъ всѣхъ силъ толкать ее, но она была заперта, какъ и раньше. Я заглянулъ въ спальню, но и тамъ не было никого. Я обыскалъ обѣ комнаты, тщательно заглядывая подъ кровать, подъ диванъ и столы, открывая всѣ шкафы и сундуки и нигдѣ ничего не нашелъ подозрительнаго. Я былъ совершенно озадаченъ. Я сѣлъ и сталъ обдумывать мое странное приключеніе; но чѣмъ больше я думалъ, тѣмъ меньше понималъ.

Наконецъ я рѣшилъ отогнать отъ себя всѣ мысли объ этой загадкѣ и попробовать опять приняться за дѣло. Я не могъ овладѣть собой, въ ушахъ моихъ все еще раздавался тихій печальный вздохъ, и ощущение посторонняго присутствія въ комнатѣ не покидало меня. Я бросился въ кресло у камина и сталъ читать. Тонкій ароматъ египетскихъ духовъ по временамъ снова доносился до меня.

Я читалъ уже съ полчаса, когда легкій шумъ заставилъ меня поднять голову. Вообразите мое удивленіе, когда на разстояніи не болѣе пяти ярдовъ отъ меня, на томъ самомъ мѣстѣ у стола, съ котораго я только что ушелъ, я увидѣлъ фигуру человѣка, занятаго повидимому писаніемъ. Но какъ только я взглянулъ на него, перо выпало изъ его рукъ, онъ поднялся со стула, бросилъ на меня взглядъ полный раздирающей тоски и горькаго разочарованія—и исчезъ!

Слишкомъ пораженный, чтобы встать съ мѣста, я остался какъ прикованный, машинально протирая глаза, словно желая стереть съ нихъ слѣды отъ страшнаго сновидѣнія. Но какъ ни велико было потрясеніе, я вскорѣ почувствовалъ сильное облегченіе: ощущение невидимаго присутствія исчезло, странный запахъ быстро испарился и я испыталъ то чувство свободы и легкости, которое долженъ испытывать человѣкъ, вышедшій изъ мрачнаго подземелья на яркій солнечный свѣтъ.

Можетъ быть это чувство освобожденія болѣе чѣмъ что либо другое убѣдило меня въ томъ, что въ комнатѣ дѣйствительно присутствовалъ кто-то, что этому невидимкѣ удалось наконецъ сдѣлать себя видимымъ, послѣ чего онъ и покинулъ меня. Я заставилъ себя остаться на своемъ мѣстѣ и, припомнивъ всѣ подробности, тщательно записалъ все, что случилось со мной.

Прежде всего я описалъ наружность моего ночного посетителя. У него была высокая властная фигура, лицо съ выраженіемъ силы и рѣшимости и въ тоже время съ печатью сильныхъ страстей и затаенной жестокости, что, взятое вмѣстѣ, могло вызвать скорѣе страхъ и недовѣріе, чѣмъ симпатію къ этому

человѣку. Я особенно ясно замѣтилъ твердыя линіи его губъ, потому что отъ нижней губы спускался странный бѣлый шрамъ; а затѣмъ я ясно видѣлъ, какъ жесткое выраженіе смѣнилось выраженіемъ гнѣва, отчаянія и мольбы о помощи, и на всемъ этомъ былъ налетъ мрачной гордости, которая какъ бы говорила:

— Я сдѣлалъ все, что могъ, я поставилъ послѣднюю карту и проигралъ; я никогда не унижался до просьбы о помощи у смертнаго, и вотъ теперь я прошу ее у васъ.

Какъ ни зловѣще было его появленіе, я все же рѣшилъ, что его мольба о помощи не останется безъ отвѣта, если только удастся узнать, кто онъ и чего ему отъ меня нужно. Я никогда не вѣрилъ въ привидѣнія, не совсѣмъ увѣренъ, что и теперь вѣрю въ нихъ, но каждое страдающее существо, въ физическомъ ли тѣлѣ или внѣ его, есть братъ, которому нельзя не помочь. Эти мысли уничтожили во мнѣ послѣдніе слѣды страха, и мнѣ думается, что если бы привидѣніе явилось снова ко мнѣ, я попросилъ бы его сѣсть и изложить свое дѣло, и я сдѣлалъ бы это также спокойно, какъ и со всякимъ другимъ кліентомъ.

Тщательно записалъ я всѣ подробности этого вечера, обозначивъ число и часъ появленія страшнаго посѣтителя и поставилъ свою подпись. Случайно вниманіе мое привлекли двѣ, три бумажки, валявшіяся на полу. Я вспомнилъ, что когда духъ, писавшій за столомъ, поднялся съ мѣста, широкой рукавъ его темной одежды смахнулъ эти бумажки на полъ. Подумавъ, что въ нихъ-то я можетъ быть и найду ключъ къ тайнѣ, я поднялъ ихъ съ пола, и у меня сильно забилося сердце, когда я увидѣлъ рядомъ съ ними странный клочекъ бумаги, котораго несомнѣнно не было раньше на моемъ столѣ. Это былъ небольшой продолговатый обрывокъ, около пяти дюймовъ въ длину и около трехъ въ ширину, повидимому, вырванный изъ небольшой книги, такъ какъ съ одной стороны его края были такъ издерганы, какъ будто его съ трудомъ отрывали отъ остального листа. И немудрено: бумага была необыкновенно плотная, что-то вродѣ пергамента. Удивительнымъ показалось мнѣ то, что весь клочекъ былъ пожелтѣвшій и выцвѣтшій отъ времени, тогда какъ линія разрыва имѣла совершенно свѣжій видъ. Одна сторона бумаги была совсѣмъ чистая—на ней или ничего не было написано, или все выцвѣло отъ времени, но на другой оказалось нѣсколько неясныхъ знаковъ, до того блѣдныхъ, что ихъ почти невозможно было разобрать и рядомъ съ ними свѣжими чернилами смѣлымъ почеркомъ начертанныя двѣ буквы „P a“. Изъ того,

что чернила, которыми онѣ были написаны, оказались совершенно сходными съ тѣми, которыя я имѣлъ обыкновеніе употреблять, я заключилъ, что буквы эти были написаны здѣсь, за моимъ столомъ, что онѣ представляютъ изъ себя начало того признака, которое духъ хотѣлъ, но почему-то не могъ написать. Я не понималъ только, зачѣмъ понадобилось ему приносить свою бумагу! Рѣшивъ, что тайна заключалась вѣроятно въ пожелтѣвшихъ знакахъ, я все свое вниманіе обратилъ на нихъ; но несмотря на всѣ мои усилія, я ровно ничего не могъ разобрать и отложилъ свое изслѣдованіе до утра.

Ночь я провелъ совершенно спокойно, а утромъ досталъ увеличительное стекло и возобновилъ свой осмотръ. Я увидалъ двѣ строчки, написанныя, очевидно, на иностранномъ языкѣ и любопытный знакъ, въ родѣ монограммы, который стоялъ вмѣсто подписи. При всемъ стараніи я не могъ разобрать ни буквъ монограммы, ни языка, на которомъ эти строчки были написаны. Насколько я могъ возстановить написанное, строчки эти состояли изъ слѣдующихъ буквъ:

Qomt vja dapusa zita ep vja vjesec qyram.

Я не зналъ, что предпринять. Показать кому-нибудь другому этотъ листокъ мнѣ не хотѣлось, потому что это повело бы къ разспросамъ, а я вовсе не хотѣлъ говорить о событіяхъ прошлаго вечера. Кончилось тѣмъ, что, не разрѣшивъ своего недоумѣнія, я тщательно спряталъ таинственный клочекъ бумаги въ свою записную книжку и рѣшилъ ждать.

Но мнѣ ничего не удалось выяснить, пока черезъ двѣ недѣли, не произошло слѣдующее событіе.

Я снова сидѣлъ за письменнымъ столомъ и у меня было твердое намѣреніе отвѣтить наконецъ на безчисленное количество накопившихся у меня писемъ; между ними было три приглашенія на Рождественскіе праздники и мнѣ предстояло сдѣлать между ними выборъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ я имѣлъ обыкновеніе проводить Рождество въ семьѣ моего брата, но на эту зиму братъ уѣхалъ изъ-за болѣзни жены за-границу и мнѣ было въ сущности безразлично, гдѣ провести праздники. Громкій стукъ въ дверь неожиданно прервалъ мои мысли; я открылъ дверь и увидѣлъ красиваго смуглаго юношу, который съ перваго взгляда показался мнѣ незнакомымъ.

— Вотъ-те и на! Керстонъ, старый товарищъ, да вы кажется забыли меня!—весело воскликнулъ онъ.

Я тотчасъ узналъ въ немъ одного изъ своихъ школьныхъ

товаришей, Джэка Фернлей; съ нимъ у меня была самая тѣсная дружба, несмотря на то, что онъ былъ значительно моложе меня и поступилъ въ Оксфордъ, когда мнѣ осталось всего нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска. Мы навсегда сохранили съ нимъ добрыя отношенія и, хотя не очень аккуратно, но постоянно писали другъ другу. Изъ его писемъ я зналъ, что вслѣдствіе размолвки съ дядей, онъ долженъ былъ разстаться съ нимъ и уѣхать попытать счастье въ Западную Индію. Переписка наша съ тѣхъ поръ почти прекратилась, но я слышалъ, что онъ устроился хорошо и потому былъ крайне удивленъ, увидавъ его на порогѣ своей комнаты.

Послѣ первыхъ радостныхъ привѣтствій, я усадилъ его поближе къ камину и началъ разспрашивать. Оказалось, что адвокатъ вызвалъ его телеграммой по случаю внезапной смерти дядюшки. Получивъ это извѣстіе, Джэкъ бросилъ всѣ дѣла и уѣхалъ съ первымъ пароходомъ въ Англию. Не желая тревожить адвоката въ такой поздній часъ и не имѣя близкихъ друзей въ Лондонѣ, онъ заглянулъ ко мнѣ, чтобы посмотрѣть—какъ онъ выразился—не забылъ ли я своего стараго пріятеля.

Я настоялъ, чтобы Джэкъ ночевалъ у меня и мы провели съ нимъ весь вечеръ, перебирая одно за другимъ воспоминанія прошлаго. Утромъ онъ отправился къ своему адвокату, а оттуда уѣхалъ въ Фернлей-Холлъ, имѣніе, перешедшее къ нему по наслѣдству—взявъ съ меня обѣщаніе отказаться отъ первыхъ трехъ приглашеній и провести Рождество у него.

Порѣшивъ на этомъ, 23 декабря, въ четыре часа, я снова увидѣлся съ Джэкомъ, который поджидалъ меня на платформѣ маленькой провинціальной станціи въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Фернлея. Когда мы подѣзжали къ дому, короткій зимній день уже угасалъ, и я едва различилъ общіе контуры замка. Это было большое строеніе Елизаветинскихъ временъ, повидимому, плохо сохранившееся. Но комнаты, въ которыя мы вошли, имѣли достаточно свѣтлый и веселый видъ. Мы уютно пообедали, послѣ чего Джэкъ предложилъ мнѣ осмотрѣть домъ. Торжественно сопровождаемые дворецкимъ, который шелъ впереди, неся въ рукахъ лампу, мы пошли по безконечному лабиринту комнатъ, пересѣкали большія пустынные залы, обошли болѣе дюжины спаленъ, обитыхъ тканями и панелями, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли такія толстыя стѣны, что глядя на нихъ, невольно думалось о потайныхъ дверяхъ и скрытыхъ проходахъ. Кончилось тѣмъ, что въ головѣ у меня помутилось и мнѣ казалось, что

останься я одинъ, мнѣ бы никогда не выпутаться изъ этого лабиринта.

— Ну, Джэкъ, вы могли бы помѣстить здѣсь цѣлую армію, — сказалъ я.

— Да, — отвѣтилъ онъ, — въ доброе старое время Фернлей славился своимъ гостепріимствомъ, но теперь, какъ видите, все въ запустѣніи, комнаты ободраны и почти безъ мебели.

Я посовѣтовалъ Джэку жениться, такъ какъ только заботливая женская рука могла бы привести весь домъ въ порядокъ, но Джэкъ покачалъ отрицательно головой. Я зналъ, что въ ранней юности Джэкъ былъ влюбленъ въ дочь приходскаго священника, Лиліанъ Физерстонъ, и что съ годами ихъ дружба перешла въ болѣе глубокое чувство; изъ его разсказа оказалось, что долгая разлука не измѣнила ихъ отношеній, но о свадьбѣ не могло быть и рѣчи, потому что отецъ Лиліанъ не имѣлъ никакихъ средствъ, а все, что Джэкъ получилъ въ наслѣдство отъ дядюшки, было до такой степени раззорено и запутано, что по уплатѣ долговъ, ему одному едва будетъ хватать на существованіе. Гдѣ-же тутъ думать о женитьбѣ?

— Но я молодъ и силенъ, — прибавилъ онъ, — я могу работать и думаю, что она меня подождетъ. Вы увидите ее въ четвергъ, они приглашали меня провести у нихъ первый день Рождества и я предупредилъ ихъ, что привезу съ собой стараго друга.

Въ эту минуту мы подошли къ двери, ведущей въ портретную галерею, но я уговорилъ Джэка отложить ея осмотръ до утра.

— Вернемся-ка лучше къ камину, — сказалъ я, — вы подробно разскажете мнѣ ту старинную легенду о вашей семьѣ, о которой я слышалъ еще въ училищѣ.

— Напрасно эту исторію называютъ легендой, — началъ Джэкъ, когда мы уютно усѣлись въ небольшой комнатѣ, которая служила ему кабинетомъ, — и произошло это совсѣмъ не такъ давно, — лишь во второй половинѣ 18-го вѣка. Главнымъ лицомъ въ этой исторіи является сэръ Ральфъ Фернлей, послѣдній баронетъ, который по отзывамъ всѣхъ, знавшихъ его, отличался очень оригинальнымъ характеромъ. Это былъ странный, очень замкнутый въ себѣ человекъ, съ сильными страстями, желѣзной волей и непобѣдимой гордостью. Большую часть своего времени онъ проводилъ за-границей и слухи носились, что добытыя имъ огромныя богатства онъ пріобрѣлъ такими путями, о которыхъ

лучше не упоминать. Его прозвали „нечестивый сэръ Ральфъ“ и нѣкоторые суевѣрные сосѣди были твердо увѣрены, что во время продолжительныхъ своихъ отлучекъ на Востокъ, онъ изучалъ черную магію. Другіе считали его за морского пирата, такъ какъ въ то смутное время можно было разбойничать на морѣ совершенно безнаказанно.

Слухи ходили, что онъ обладалъ богатѣйшей въ мірѣ коллекціей драгоцѣнныхъ камней, въ которыхъ онъ былъ большимъ знатокомъ; говорили также, что въ его подвалахъ лежали горами куски золота и серебра, но наслѣдники его ничего подобнаго не нашли, и я заключаю изъ этого, что или всѣ эти богатства разворовали, или всѣ рассказы были просто сказкой. Вѣрно лишь то, что сэръ Ральфъ былъ дѣйствительно очень богатъ, и что послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ здѣсь, въ полномъ уединеніи. Онъ отпустилъ всѣхъ своихъ слугъ, кромѣ одного итальянца, который сопровождалъ его во всѣхъ его странствіяхъ. И жили они здѣсь вдвоемъ какъ отшельники, не имѣя никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и несмотря на огромное количество накопленныхъ сокровищъ, вели нищенское существованіе.

Тѣ немногіе люди, которые видѣли сэра Ральфа, шепотомъ рассказывали о страшномъ выраженіи на его гордомъ лицѣ, глухо упоминая о какомъ-то совершенномъ имъ ужасномъ преступленіи, но ничего достовѣрнаго я объ этомъ не слыхалъ.

Однажды утромъ сэръ Ральфъ таинственнымъ образомъ исчезъ; по крайней мѣрѣ такъ говорилъ его слуга-итальянецъ, явившійся въ деревню съ перепуганнымъ видомъ и спрашивавшій на своемъ ломанномъ языкѣ, не видаль-ли кто его господина. По его словамъ, сэръ Ральфъ два дня тому назадъ приказалъ съ вечера, чтобы рано утромъ для него была оседлана верховая лошадь. На утро лошадь была готова, но *его* уже не было. Слуга обыскалъ всѣ комнаты большого стараго дома—никто не откликнулся на его зовъ; хозяинъ исчезъ безслѣдно. Постель его оказалась нетронутой и единственное, что могъ предположить итальянецъ, это— что господина его унесли демоны, которыхъ онъ такъ часто вызывалъ. Поселяне отнеслись подозрительно къ рассказу итальянца и намѣревались даже арестовать его, но тотъ, прослышавъ объ этомъ, такъ перепугался, что въ слѣдующую ночь тоже исчезъ и никто никогда больше не видѣлъ его.

Два дня спустя нѣсколько смѣльчаковъ изъ деревни взялись

разслѣдовать это дѣло. Они тщательно обыскали весь домъ и паркъ, но ни хозяина, ни слуги, ни сокровищъ, о которыхъ такъ много говорили въ народѣ,—они не нашли. Рѣшили, что итальянецъ навѣрно убилъ своего хозяина, скрылъ его трупъ и унесъ всѣ сокровища съ собой. Съ тѣхъ поръ въ народѣ ходитъ слухъ, что духъ сэра Ральфа бродитъ по замку; увѣряютъ, что комната его отличалась отъ всѣхъ прочихъ комнатъ этого стараго дома своей особой, ей одной присущей атмосферой, но теперь это уже отошло въ область преданій и никто не знаетъ, въ какой части дома находилась его комната. Послѣ исчезновенія сэра Ральфа замокъ пустовалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока одинъ изъ дальнихъ родственниковъ не предъявилъ на него свои права. Отъ него этотъ замокъ перешелъ по наслѣдству моему дядѣ.

— Это преинтересная легенда, Джэкъ!—воскликнулъ я.—Но не осталось-ли у васъ какихъ-либо вещей, принадлежавшихъ этому таинственному сэру Ральфу?

— Въ портретной галлерее виситъ его портретъ,—сказалъ Джэкъ; есть также въ библиотекѣ нѣсколько старинныхъ книгъ, принадлежавшихъ ему; но не удалось отыскать ничего, что могло бы пролить свѣтъ на его исчезновеніе.

Какъ далеки мы были оба въ эти минуты отъ мысли, что въ самомъ скоромъ времени намъ предстоитъ найти ключъ къ тайнѣ этого исчезновенія!

Въ спальнѣ, гдѣ я долженъ былъ ночевать, оказались чрезвычайно толстыя стѣны, украшенныя прекрасной старинной рѣзбой по дубовой панели; по верхнему краю ея шелъ бордюръ изъ лилій и розъ, особенно привлекшій мое вниманіе необыкновенной красотой и тонкостью работы. Есть всегда что то жуткое въ большихъ спальняхъ Елизаветинскихъ временъ, съ ихъ высокими кроватями подъ балдахиномъ, а послѣднее мое приключеніе съ привидѣніемъ въ Лондонѣ сдѣлало меня до крайности воспримчивымъ и чувствительнымъ; вѣроятно, поэтому, укладываясь въ постель при свѣтѣ огня, зажженнаго Джэкомъ въ каминѣ, который весело отражался во всѣхъ углахъ комнаты—я поймалъ себя на такой мысли:—„А что, если это и есть та забытая комната, въ которой жилъ сэръ Ральфъ и онъ самъ явится сюда и нарушить мой покой, какъ тотъ посѣтитель, что явился ко мнѣ въ городѣ“?—Эта мысль назойливо возвращалась ко мнѣ снова и снова; мнѣ уже чудилось, что я ощущаю ту особенную атмосферу комнаты, о которой говорилъ Джэкъ, ка-

кія-то тончайшія вибраціи, которыя все сильнѣе и сильнѣе дѣйствовали на меня.

Это пройдетъ, если я хорошенько выплусь“, думалъ я, стараясь измѣнить нездоровое направленіе своихъ мыслей, но, несмотря на всѣ мои усилія отогнать мысль о привидѣніяхъ, странное происшествіе той ночи снова и снова возставало во всѣхъ подробностяхъ въ моемъ воображеніи.

Наконецъ я заснулъ тревожнымъ сномъ, но и во снѣ образъ моего таинственнаго посѣтителя и то представленіе, которое я составилъ себѣ о сэрѣ Ральфѣ Фернлей, казалось, гонялись одно за другимъ, пока наконецъ всѣ эти смутныя видѣнія не слились въ необыкновенно живой и яркій сонъ. Мнѣ приснилось, будто я лежу въ постели, какъ это и было въ дѣйствительности, и темно-красное пламя догораетъ въ каминѣ. Вдругъ передо мной появляется та самая фигура, которую я видѣлъ въ своей комнатѣ въ Лондонѣ. Она одѣта въ ту-же черную одежду, только на этотъ разъ привидѣніе держитъ въ лѣвой рукѣ маленькую книжку, вѣроятно ту самую, изъ которой былъ вырванъ листокъ, найденный мной на полу—мнѣ даже было видно то мѣсто, откуда онъ былъ вырванъ; указательнымъ пальцемъ правой руки привидѣніе указываетъ на послѣднюю страницу книги и въ то-же время напряженно и пристально глядитъ мнѣ въ лицо. Я вскочилъ и хотѣлъ подойти къ нему, но оно начало медленно отступать до самой стѣны, въ которой и исчезло, все время не переставая указывать на послѣднюю страницу книги и глядѣть на меня съ напряженно-умоляющимъ выраженіемъ. Я сильно вздрогнулъ и проснулся. Я стоялъ возлѣ стѣны, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ только что исчезло привидѣніе; темно-красный отблескъ огня отражался на рѣзбѣ стѣны, точь въ точь какъ я видѣлъ это во снѣ, и странный сладкій запахъ восточныхъ духовъ снова поразилъ мое обоняніе. И тогда мгновенное открытіе неожиданно озарило меня. Въ этой комнатѣ дѣйствительно стояла особенная атмосфера (недаромъ я это чувствовала) и странность ея заключалась какъ разъ въ постоянномъ присутствіи знакомаго мнѣ магическаго аромата, но онъ былъ вначалѣ такъ слабъ, что я сразу не узналъ его.

Былъ ли то сонъ, спросилъ я себя, или я снова видѣлъ своего таинственнаго посѣтителя? Я не могъ этого рѣшить, но знакомый ароматъ былъ въ комнатѣ несомнѣнно. Я попробовалъ—не открыта ли дверь, но она была крѣпко заперта. Я подбросилъ угля въ каминъ, развелъ яркій огонь и легъ въ по-

стель, заснувъ на этотъ разъ крѣпкимъ освѣжительнымъ сномъ до самого утра.

Раздумывая утромъ надъ приключеніями прошедшей ночи я былъ склоненъ принять ихъ за плоды разыгравшагося воображенія. Я рѣшилъ ничего не говорить объ этомъ Фернлею, такъ какъ мнѣ пришлось бы рассказать и о привидѣніи, явившемся ко мнѣ въ Лондонѣ, а я никому не хотѣлъ говорить о томъ. Поэтому, когда Джэкъ спросилъ у меня, хорошо ли я спалъ, я отвѣтилъ: „Очень хорошо къ утру, но нѣсколько тревожно съ вечера“.

Послѣ завтрака мы гуляли по обширному парку, съ разныхъ его концовъ любуясь величественнымъ видомъ стараго замка. Я былъ пораженъ красотой строенія и окружающихъ его окрестностей, и хотя всюду замѣтны были печальные слѣды запустѣнія, было ясно, что истративъ сравнительно небольшую сумму, можно было привести этотъ замокъ въ такой видъ, что онъ сталъ бы наряду съ самыми значительными помѣстьями королевства. Я съ увлеченіемъ сталъ говорить объ этомъ Джэку, но тотъ съ грустью возразилъ, что необходимая для этого сумма намного превышаетъ его средства.

Побродивъ такъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, мы вернулись домой и Джэкъ предложилъ мнѣ осмотрѣть картинную галерею и нѣсколько другихъ комнатъ, которыя мы не успѣли доглядѣть наканунѣ. Мы начали съ картинной галереи, гдѣ была собрана обычная коллекція фамильныхъ портретовъ; нѣкоторые изъ нихъ были исполнены очень живо и тщательно, другіе—просто намалеваны. Мы проходили мимо нихъ довольно равнодушно, какъ вдругъ глаза мои упали на одинъ портретъ, который сразу приковалъ къ себѣ мое вниманіе. При видѣ его морозъ пробѣжалъ по моей спинѣ: съ полотна глядѣло на меня то самое лицо, которое принадлежало моему таинственному Лондонскому посѣтителю и которое такъ живо приснилось мнѣ въ прошедшую ночь!

Тотъ же повелительный взглядъ, выражающій желѣзную волю и неустрашимую отвагу, тотъ же отпечатокъ скрытой страстности и жестокости и тотъ же—особенно тщательно подчеркнутый художникомъ—бѣлый шрамъ, идущій отъ нижней губы внизъ. Только вмѣсто длинной черной одежды на немъ былъ богатый придворный костюмъ и для полного сходства недоставало только молящаго о помощи взгляда.

Мое смущеніе вѣроятно отразилось на моемъ лицѣ, потому что Джэкъ схватилъ меня за руку и воскликнулъ:

— Что съ вами, Томъ? Вы нездоровы? Почему вы съ такимъ ужасомъ смотрите на портретъ сэра Ральфа?

— Сэръ Ральфъ? Да, вотъ онъ—нечестивый сэръ Ральфъ! Я его знаю. Онъ приходилъ въ мою комнату прошлую ночь. Я два раза видѣлъ его.

Бормоча эти несвязныя фразы, я бросился на широкій диванъ и старался привести въ порядокъ свои разстроенныя чувства. Истина вдругъ предстала передо мной съ такой ослѣпляющей силой, что мнѣ было трудно овладѣть собой. То слово, которое привидѣніе пыталось написать и которое начиналось съ буквъ „Ра...“ было его собственное имя; онъ предвидѣлъ какимъ-то непонятнымъ образомъ, что мнѣ предстоитъ посѣтить Фернлей и проникъ ко мнѣ съ цѣлью заранѣе запечатлѣть свой образъ въ моемъ мозгу.

Теперь я былъ вынужденъ рассказать Джэку всю исторію, и мнѣ было приятно, что онъ не только не смѣялся, но отнесся къ моимъ словамъ съ глубокимъ интересомъ.

— Я никогда не вѣрилъ въ духовъ,—сказалъ онъ,—но этотъ случай слишкомъ убѣдителенъ. Вся цѣль доказательствъ на лицо.

— Но почему онъ явился именно ко мнѣ?—сказалъ я. Я ничего не знаю о духахъ и ихъ обычаяхъ. Я вовсе не принадлежу къ тѣмъ, кого спиритуалисты считаютъ медиумами. Развѣ не проще было бы обратиться непосредственно къ вамъ? Почему именно я удостоился его посѣщенія?

— Ну, это трудно сказать,—отвѣтилъ Джэкъ,—вѣроятно вы ему понравились. Но что ему надо? Гдѣ тотъ клочекъ бумаги?

Я досталъ свою записную книжку и подаль листокъ Джэку.

-- О,—воскликнулъ онъ тотчасъ-же,—это несомнѣнно монограмма сэра Ральфа, я видѣлъ ее на нѣкоторыхъ его книгахъ въ библіотекѣ.

Мы немедленно отправились въ библіотеку и стали слнчать надписи на нѣкоторыхъ книгахъ съ тѣми буквами, что стояли на листкѣ, почеркъ былъ одинъ и тотъ же, только на листкѣ буквы были выведены болѣе тщательно. Что касается монограммы, то въ ней каждая линія, каждая черточка соответствовала въ точности монограммѣ сэра Ральфа. Джэкъ взялъ увеличительное стекло и принялся внимательно изучать обѣ написанныя строчки.

— Вы совершенно правильно разобрали эти буквы, — сказалъ онъ наконецъ. Но что это за нарѣчіе? Я знаю, что это не испанскій языкъ, и не португальскій, и не итальянскій; вы знакомы съ нѣсколькими восточными языками и тоже не признаете ни одного изъ нихъ. Знаете-ли, Томъ, мнѣ оно кажется болѣе похожимъ на шифрованное письмо!

Я было усумнился въ этомъ, но Джэкъ настаивалъ на своемъ.

— Когда-то, отъ нечего дѣлать, я сдѣлалъ это занятіе своей спеціальностью, — сказалъ онъ, — и теперь врядъ-ли найдется шифръ, котораго мнѣ не удалось бы разобрать при извѣстной затратѣ времени и терпѣнія.

Я попросилъ Джэка примѣнить къ дѣлу свои знанія и таланты и добратся до смысла таинственныхъ строчекъ, и я съ истиннымъ наслажденіемъ сталъ наблюдать за тѣмъ, какъ мастерски онъ принялся за работу, какъ ловко и умѣло пользовался самими, казалось-бы, незначительными нитями и указаніями.

Тайна его расшифровки заключалась въ томъ, что онъ замѣнялъ каждую гласную буквой, слѣдующей за ней по алфавиту, а каждую согласную — другой согласной, которая предшествуетъ ей въ алфавитѣ.

Прочитанная такимъ образомъ строчка означаетъ слѣдующее: „Потяни среднюю розу на третьей панели“¹⁾.

Легко представить себѣ, какъ мы взволновались, прочитавъ эти слова! Я тотчасъ догадался, къ чему они относятся, такъ какъ отлично помнилъ рѣзной бордюръ вокругъ панели той комнаты, гдѣ я ночевалъ. Въ это время дворецкій пришелъ доложить, что завтракъ готовъ, но намъ было не до завтрака; точно два школьника бросились мы стремглавъ вверхъ по лѣстницѣ прямо въ комнату съ дубовой панелью.

— Третья панель — съ какого конца? — спросилъ Джэкъ.

Я помнилъ въ какой стѣнѣ исчезло привидѣніе и отсчитавъ третью панель отъ угла, показалъ это мѣсто Джэку. Верхній край панели находился такъ высоко, что достать до розы можно было только подставивъ столъ. Джэкъ влѣзъ на столъ и потянулъ розу. Оказалось, что часть бордюра была вырѣзана и держалась на шалнерѣ. Потянувъ за розу, можно было отодвинуть эту часть и за ней открывалось отверстіе, приблизительно 6-ти дюймовъ въ ширину и длину, въ глубинѣ котораго находилась большая металлическая ручка, какая бываетъ у дверей. Довольно

¹⁾ Pull the centre rose in the third panel.

долго она не поддавалась нашимъ усилямъ, но наконецъ намъ удалось ее повернуть, и въ ту-же минуту вся большая панель, сдвинувшись съ мѣста, распахнулась подобно двери и обнаружила темный сводчатый проходъ, въ которомъ виднѣлось нѣсколько ступеней, ведущихъ внизъ; какъ только потайная дверь открылась, до меня ясно донесся странный сладкій запахъ египетскихъ духовъ, такъ долго преслѣдовавшій меня.

Джэкъ хотѣлъ тотчасъ прыгнуть туда, но я удержалъ его.

— Подожди, голубчикъ, сказалъ я.—Это помѣщеніе не открывалось вѣроятно въ теченіе многихъ лѣтъ, и ты не можешь себѣ представить, какіе вредные газы скопляются въ этихъ ужасныхъ подземельяхъ. Надо дать сначала чистому воздуху проникнуть туда. И лучше можетъ быть запереть дверь спальни, чтобы намъ не помѣшалъ никто.

Мы рѣшили выждать пять минутъ и въ это время мы дивились на необычайную толщину стѣны и на то искусство, съ какимъ устроенъ былъ этотъ потайной ходъ. Потомъ мы вооружились двумя свѣчами и со смѣшаннымъ чувствомъ страха и любопытства вступили въ темной проходъ. Лѣстница сразу круто сворачивала влѣво и шла въ толщѣ стѣны. Мои опасенія относительно спертаго воздуха оказались напрасными, такъ какъ мы сразу почувствовали сильную тягу, говорившую за то, что въ подземелье откуда-то проникаетъ свѣжій воздухъ.

Спустившись съ лѣстницы, мы очутились въ длинной узкой комнатѣ со сводами, не болѣе шести футъ въ ширину и около тридцати футъ въ длину и не менѣе четырнадцати или пятнадцати въ вышину. И полъ, и потолокъ были каменные, а подъ самымъ потолокомъ было небольшое отверстіе, черезъ которое проходило немного свѣта и та струя чистаго воздуха, о которой я упоминалъ выше. На полу, въ дальнемъ углу комнаты, стояло два сундука и на одномъ изъ нихъ лежала какая-то темная куча, которая при мерцающемъ свѣтѣ нашихъ свѣчей, напоминала человѣческую фигуру.

— Что-бы это могло быть?—спросилъ я, невольно отступая; но Джэкъ продолжалъ итти впередъ. Дойдя до конца комнаты, онъ вдругъ вскрикнулъ и, уронивъ свѣчу, ринулся назадъ съ поблѣвшимъ отъ ужаса лицомъ.

— Это трупъ,—проговорилъ онъ перепуганнымъ шопотомъ,—это должно быть сэръ Ральфъ.

— Вѣроятно дверь какъ-нибудь захлопнулась и онъ тутъ умеръ съ голода,—проговорилъ я тоже шопотомъ.

— Боже милосердный!—вдругъ воскликнулъ Джэкъ и сломя голову бросился мимо меня вверхъ по лѣстницѣ. Въ первое мгновеніе я подумалъ, что онъ до того перепугался, что убѣжалъ совѣмъ, но черезъ нѣсколько секундъ Джэкъ вернулся, хотя лицо его было все еще блѣдно отъ волненія.

— Подумайте только,—проговорилъ онъ,—вѣдь то же самое могло бы случиться и съ нами, если-бы какъ нибудь нечаянно захлопнулась та дверь! Никто не знаетъ о существованіи этого подвала, никому и въ голову не пришло бы искать насъ здѣсь, а намъ самимъ отсюда не выбраться бы ни за что. Я укрѣпилъ раскрытую панель и теперь намъ нечего бояться.

— Какъ ни ужасенъ этотъ предметъ, но намъ слѣдуетъ его осмотрѣть,—сказалъ я.

Мы подошли. Джэкъ поднялъ свою свѣчу и снова зажегъ ее. Зрѣлище, представшее передъ нашими глазами, было дѣйствительно ужасно. На одномъ изъ сундуковъ, закутанный въ длинную черную одежду съ широкими рукавами, лежалъ скелетъ; его оскаленное лицо глядѣло вверхъ, руки были небрежно раскинуты, словно онъ спалъ. Передъ нимъ на полу валялся необыкновеннаго вида сосудъ съ широкимъ горлышкомъ, а на другомъ сундукѣ—я вздрогнулъ, увидавъ ее—та самая памятная книжка, которую я видѣлъ во снѣ въ рукахъ привидѣнія. Я схватилъ эту книжку и мы тотчасъ принялись разглядывать ее. На томъ мѣстѣ, гдѣ она раскрылась, виднѣлись слѣды недавно вырваннаго листка, но я поспѣшилъ найти ту послѣднюю страницу, на которую такъ настойчиво указывало привидѣніе. Тамъ я прочелъ слѣдующее: „Эти послѣднія предсмертныя свои слова пишу я, Ральфъ Фернлей, баронетъ. По велѣнію Бога или благодаря гнусной измѣнѣ я оказался крѣпко запертымъ въ этомъ моемъ тайникѣ, изъ котораго нѣтъ выхода. Здѣсь я провелъ уже три дня и три ночи и такъ какъ мнѣ очевидно предстонтъ голодная смерть, я рѣшилъ положить конецъ моимъ мученіямъ, принявъ ядовитаго вещества, которое къ счастью оказалось при мнѣ. Но раньше я хочу покаяться въ страшномъ преступленіи, которое тяготитъ мою душу и хочу возложить торжественное порученіе на того, кто найдетъ здѣсь мое тѣло и прочтетъ эти строчки¹⁾ . . . . .“

И если тотъ, кто прочтаетъ эти слова, не исполнитъ моей воли или откроетъ кому-либо изъ смертныхъ то преступленіе, въ ко-

¹⁾ Дальнѣйшее содержаніе документа объясняетъ, почему мой пріятель долженъ былъ пропустить эту его часть.

торможъ я признаюсь—мое проклятіе будетъ вѣчно тяготѣть надъ нимъ и духъ мой будетъ преслѣдовать его до могилы. Если же онъ честно исполнить мою волю—я охотно отдаю ему всѣ богатства, которыя онъ найдетъ здѣсь, въ надеждѣ, что онъ сумѣетъ употребить ихъ лучше, чѣмъ это сдѣлалъ я. Да умиосердится Господь надъ душой моею“.

Ральфъ Фернлей.

Легко можно себѣ представить, какъ мы глубоко были потрясены, читая это странное посланіе въ присутствіи написавшаго его мертвеца. Джэкъ поднялъ сосудъ съ широкимъ горлышкомъ, на днѣ котораго еще оставалось немного темнаго смолистаго вещества, но сообразивъ, что это вѣроятно и есть тотъ ядъ, о которомъ упоминалось въ запискѣ, онъ въ ужасѣ бросилъ его на полъ и сосудъ разлетѣлся на тысячу осколковъ. Я не могъ осуждать его за это, хотя и зналъ, что въ сосудѣ находилось именно то египетское ароматное вещество, о которомъ я такъ давно мечталъ.

Скажу кстати, что въ послѣдствіи мнѣ удалось раздобыть нѣсколько зернышекъ этого вещества и я подвергъ ихъ анализу; оказалось, что это персидскій *labhan*, но въ соединеніи съ белладонной, индійской коноплей и нѣкоторыми другими растительными веществами, точное происхожденіе которыхъ я не могъ опредѣлить.

Намъ предстояло еще осмотрѣть сундуки, но для этого надо было сдвинуть скелетъ, лежавшій на одномъ изъ нихъ, намъ-же было страшно даже смотрѣть на него, не только прикоснуться къ нему. Однако необходимо было рѣшиться. Мы принесли изъ спальни простыню, осторожно переложили на нее страшные останки, поднявъ ихъ съ того ложа, на которомъ они такъ долго лежали. Потомъ, не безъ волненія, открыли сундуки, что было не трудно сдѣлать, такъ какъ ключъ, отпиравшій оба сундука, былъ тутъ же, въ замкѣ. Первый сундукъ былъ туго набитъ ларчиками и мѣшками; послѣдніе были наполнены главнымъ образомъ золотыми и серебряными монетами различныхъ странъ, тогда какъ содержаніе первыхъ вполне оправдывало народную молву о сэрѣ Ральфѣ; тщательно уложенная, въ нихъ находилась коллекція драгоценныхъ камней, отшлифованныхъ и неотшлифованныхъ, которая даже на нашъ неопытный глазъ казалась намъ неоцѣнимой.

— Джэкъ, мой милый,—сказалъ я, схвативъ его за руку—

даже присутствіе скелета не могло сдержать моей радости—теперь вы будете имѣть возможность жениться на Лиліанъ! Вѣдь даже исполнивъ всѣ желанія сэра Ральфа, вы все же останетесь богатымъ человѣкомъ.

— Да, Томъ,—отвѣтилъ онъ,—но помните, что половина всѣхъ этихъ богатствъ принадлежитъ вамъ. Безъ васъ я бы никогда не узналъ объ ихъ существованіи.

Сначала я отказался наотрѣзъ, но уступая настойчивымъ просьбамъ Джэка, согласился взять на память два драгоцѣнные камня.

Второй сундукъ заключалъ въ себѣ большое количество массивнаго фамильнаго серебра и съ полдюжины небольшихъ золотыхъ слитковъ, которые и послужили основаніемъ для упомянутой басни.

Когда мы кончили нашъ осмотръ, наступилъ уже вечеръ и мы съ большимъ аппетитомъ принялись за обѣдъ, а потомъ бесѣдовали и мечтали до глубокой ночи.

Очень тихо, но радостно провели мы день Рождества, а въ четвергъ обѣдали у пастора. Джэкъ нисколько не преувеличивалъ, говоря о привлекательности прелестной Лиліанъ, и когда я увидѣлъ ихъ выходящими вмѣстѣ изъ оранжереи съ смущенными и счастливыми лицами, я понялъ, что могу поздравить своего дорогого друга.

Мнѣ почти нечего больше добавить. Посмертная воля сэра Ральфа была тщательно исполнена; мы съ Джэкомъ ѣздили на континентъ и немало времени потратили на розыски нужныхъ намъ старыхъ документовъ и забытыхъ родословныхъ. Наконецъ, послѣ многихъ усилій, мы добились удовлетворительныхъ результатовъ: преступленіе, совершенное въ прошломъ столѣтіи было—насколько это возможно—заглажено, и традиціонная ненависть, которая существовала въ нѣсколькихъ семьяхъ къ памяти англійскаго лорда—колдуна, замѣнилась неожиданно чувствомъ живой благодарности. Джэкъ проявилъ большую щедрость и мы имѣемъ полное основаніе думать, что сэръ Ральфъ былъ удовлетворенъ. Какъ бы то ни было, но онъ никогда болѣе не появлялся и мы вѣримъ, что съ той поры душа его нашла упокоеніе.

Три мѣсяца спустя я снова былъ въ Фернлеѣ въ качествѣ шафера, и когда мы проѣзжали мимо кладбища, счастливый женихъ молча указалъ мнѣ на бѣлый мраморный крестъ съ надписью: Баронетъ Сэръ Ральфъ Фернлей, 1795.

Хотя я не былъ самъ очевидцемъ этой исторіи, но ручаюсь за ея достовѣрность, имѣя на это неопровержимыя доказательства. Съ рассказчикомъ я былъ знакомъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Его друга, м-ра Фернлей, я видѣлъ всего одинъ разъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Лондонъ, и онъ вполне подтвердилъ рассказъ м-ра Керстона. Я получилъ отъ м-ра Фернлея приглашеніе пріѣхать въ Фернлей-Холлъ, чтобы лично ознакомиться съ мѣстомъ происшествія, но, къ сожалѣнію, я не могъ имъ воспользоваться; послѣ этого онъ былъ настолько любезенъ, что прислалъ мнѣ ту старую памятную книжку съ вырваннымъ листкомъ и самый листъ съ загадочными словами, которыя сыграли такую видную роль въ рассказѣ.

Правъ мой другъ или не правъ, что въ немъ нѣтъ медиумическихъ свойствъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, я не могу сказать. Есть нѣкоторыя особенности въ его характерѣ, которыя могутъ объяснить, почему сэръ Ральфъ выбралъ именно *его* для своего сообщенія. Онъ отличается способностью глубоко чувствовать и быстро и легко отзываться на страданія другихъ, къ его душѣ приложимы слова поэта:

„Son coeur est un luth suspendu;
„Si tot qu'on le touche, il résonne ¹⁾).

Весьма возможно, что эта способность сочувствовать и привлекла сэра Ральфа къ нему, какъ къ проводнику, съ помощью котораго онъ могъ осуществить свое намѣреніе.

Исторія эта отличается отъ остальныхъ подобныхъ исторій двумя особенностями: во 1-хъ, появленіемъ духа на значительномъ разстояніи отъ сцены смерти и притомъ къ человѣку, не имѣвшему никакого отношенія къ этой смерти; и во 2-хъ, въ предвидѣніи, которое духъ, повидимому, имѣлъ относительно посѣщенія Керстономъ его бывшаго дома, и не только ранѣе, чѣмъ приглашеніе состоялось, но даже ранѣе, чѣмъ самая мысль о приглашеніи могла возникнуть въ сознаніи Джека Фернлея или Керстона.

Возможно, что вниманіе сэра Ральфа было привлечено къ м-ру Керстону благодаря узамъ дружбы, связывавшимъ послѣдняго съ Джэкомъ Фернлей и что, найдя его достаточно впечатлительнымъ, онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы передать ему свое сообщеніе въ его Лондонскомъ помѣщеніи; когла же эта попытка

¹⁾ Его сердце подобно повѣшенной лютнѣ,

Стоять дотронуться до него, оно звучитъ въ отвѣтъ.

не удалась, онъ внушилъ Джэку—что было для него уже вполне возможно—пригласить своего пріятеля въ собственныя владѣнія сэра Ральфа, гдѣ онъ могъ легче воздѣйствовать, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ. Тотъ фактъ, что рѣдкій магическій ароматъ египетскаго происхожденія былъ извѣстенъ обоимъ, и духу, и живому человеку, можетъ быть простой случайностью, хотя и въ высшей степени драматической.

Пер. съ англ. К. Трунева.

Въ духовной сферѣ, какъ и въ матеріальной, нужно дерзновеніе, чтобы имѣть успѣхъ.

Сердце очищается постолько, поскольку оно искренне. Посредствомъ страданія оно освобождается отъ всего смутнаго, ложнаго, смѣшаннаго; ибо добровольно принятое страданіе его освобождаетъ отъ всего несовершеннаго.

Человѣкъ рождается матерьяльнымъ, онъ долженъ бороться, чтобы стать духомъ. Когда духъ созрѣлъ, т. е. научился править, онъ становится господиномъ всѣхъ вещей. Изъ повинующагося ребенка онъ становится господиномъ, который приказываетъ.

Добро не есть совершенная модель, добро есть могущество, которое находится въ творческомъ процессѣ.

Мы часто забываемъ въ своихъ отношеніяхъ съ братьями, что мы должны помнить о степени ихъ развитія и быть терпѣливы къ раскрытію въ нихъ добра. Мы можемъ желать, чтобы каждый былъ правдивымъ въ томъ фазисѣ, черезъ который онъ проходитъ, но больше мы не должны ничего требовать отъ него.

Изреч. Фитингофа.

Орфические гимны.

LXV. Аресу (возжиганія ладана).

Неистребимый, великогоучий, съ отважной душой сильный демонъ,
Любишь оружіе, непобѣдимый, убійца людей, рушишь стѣны,
Властный Аресъ, со звенящимъ оружіемъ, забрызганный вѣч-
нымъ убійствомъ,
Крови ты радъ челоуѣкоубійной, войны возбудитель ужасный,
Копьямъ своимъ и мечамъ ты желаешь *непоэтичнаго боя* ¹⁾,
Споръ подымаешь свирѣпый, смягчаешь гнетущее сердце стра-
данье;
Но на желанье Киприды стремишься ты въ Освободительный
праздникъ.
Если бъ смѣнилъ ты оружія силу на трудъ и усилія Зевса!
И возжелалъ бы дающаго счастье, младенцевъ кормящаго мира!

LXVI. Гефесту (возжиганія ладановой манны).

Сердцемъ отважный, великогоучий Гефестъ, огонь неустанный,
Свѣтлыми пламенами ты сіяешь, для смертныхъ блистающій
демонъ,
Вѣчный, искусству единому преданный, свѣтъ ты несешь, силь-
норукій,
Космоса часть, элементъ безупречный, кузнецъ, всеглотающій
властный,
Всепожирающій, высшій, эвиръ ты, и солнце, и звѣзды, и мѣсяцъ,
Свѣтъ незапятнанный... Столько заботы о смертныхъ Гефестъ
проявляетъ!
Всѣмъ, какъ жилищемъ, владѣешь, во всѣхъ городахъ и во всѣхъ
ты народахъ,

¹⁾ *Непоэтичнаго, ἀποροσόν* (боя, въ которомъ вѣтъ Музы).

Въ смертныхъ тѣлахъ обитаешь ты, многосчастливый, властитель могучій.
 Слушай, блаженный, тебя къ возліяніямъ въ молены зову благочинномъ,
 Вѣчно чтобъ ты нисходилъ къ намъ—за днемъ, полнымъ нашей
 счастливой работы,
 Ты—неустаннымъ огнемъ прекращаешь—и освобождаешь безумье.
 Ибо въ тѣлахъ нашихъ вѣчно идетъ сожиганіе плотской природы.

LXVII. Асклепю (возжиганія манны).

Всѣмъ исцѣлитель, Асклепій, Пэанъ всевластитель,
 Горестныхъ ты испытанья болѣзней людей закликаешь,
 Сладостнодарный, властитель, приди, принеси намъ здоровье,
 И прекрати ты болѣзни тяжеля смертнаго сердца.
 Юноша ростоцвѣточный, счастливый, гонитель печали
 Сильный, блестящепочетный цвѣтокъ Аполлона ты Феба,
 Врачъ ты болѣзней, супруга твоя—безупречная *Гигія* ¹⁾
 Шествуй, блаженный, *спаситель* ²⁾, дай жизни конецъ благородный.

LXVIII. Гигіи (возжиганія манны).

Многоцвѣтушая, милая, всѣми любимая ты, всецарица,
 Слушай, блаженная Гигія, мать для всѣхъ, приносящая счастье,
 Благодаря лишь тебѣ прекращаются заболѣванія смертныхъ,
 Благодаря лишь тебѣ каждый домъ процвѣтаетъ въ веселіи многомъ
 И расцвѣтаютъ науки; царица, ты космосомъ всѣмъ обладаешь,
 Только тебя лишь одну ненавидитъ Аидъ—вѣчный душегубитель;
 Благожеланнѣйшая, вѣчноюная, отдохновеніе смертнымъ.
 Удалено отъ тебя все, что суетно и бесполезно для смертныхъ,
 Ибо на праздникахъ сладкихъ не явится Плутось, несущій всѣмъ
 счастье,
 Ни многостраждущій старецъ, ни мужъ не придетъ, отъ тебя
 удаленный,
 Ибо единственно ты надо всѣмъ управляешь и всѣмъ обладаешь.
 Но, о богиня, сойди къ посвященнымъ, ты ихъ покровитель безсмертный,
 Ты удержи возникающія злодѣянія тяжкихъ болѣзней.

Перев. съ греч. Н. Павлиновой.

¹⁾ *Гигія*—богиня здоровья. Отъ ея имени слово—*гигиена*.

²⁾ *Спаситель*—*сштѣр*—эпитетъ боговъ.

Скрижали Учителя или египетское учение о Свѣтѣ, рожденномъ отъ Матери-Дѣвы.

В. Маршамъ Адамсъ.

Глава IV.

Разливъ рѣки и ориентъ звѣзды.

Въ то время, какъ солнечные и лунные періоды налагали печать своей стройной гармоніи на египетское лѣтосчисленіе, другой циклъ природы, совершенно оригинальный и гораздо болѣе характерный для данной страны, опредѣлялъ ея времена года и устанавливалъ главныя ея празднества.

Въ одномъ только Египтѣ, изъ числа обитаемыхъ странъ, единственнымъ источникомъ жизни является рѣка. Эта узкая полоса земли, чрезвычайно плодородная, когда она орошается водами Нила, является сама по себѣ лишь частью безплодныхъ и безбрежныхъ пустынь, простирающихся по обѣ стороны ея отъ моря до моря, и если бы изсякли плодоносныя воды, изливающіяся изъ далекихъ горныхъ источниковъ на экваторѣ, Египетъ пересталъ бы существовать какъ населенная страна. Это обстоятельство неукоснительно и неумолимо запечатлѣвается въ умахъ ея обитателей, и оно же отличаетъ Египетъ не только отъ нашихъ сѣверныхъ областей, но и вообще отъ всѣхъ другихъ государствъ; нигдѣ мы не встрѣтимъ высоко-культурной и многочисленной націи, стоящей въ столь исключительной зависимости, въ смыслѣ насущнаго хлѣба, отъ дождей, падающихъ не въ ея собственныхъ предѣлахъ, а въ отдаленныхъ и даже невѣдомыхъ странахъ.

Подобно другимъ установленіямъ въ Египтѣ, его празднества носили на себѣ характерный отпечатокъ его почвы. Какъ

и всѣ египетскія концепціи, они были полны мистическаго значенія, и внѣшнія событія, отмѣчавшіяся ими, стояли въ связи съ ежегоднымъ разливомъ и убылью рѣчныхъ водъ, изображавшихъ для нихъ неизсякаемые потоки „небеснаго Нила“. Египтяне утверждали, что ихъ рѣка „ниспадала съ южнаго неба“, въ силу того, что она питалась тропическими дождями, падавшими въ далекихъ южныхъ областяхъ; отсюда же, согласно дружному свидѣтельству древняго преданія и современныхъ изысканій, изошли и родоначальники ихъ. Вслѣдствіе этого, разливъ Нила омывалъ какъ бы сверкающимъ потокомъ какъ религію такъ и науку Египта; и въ виду того, что постепенный подъемъ и убыль его неизсякаемыхъ водъ свидѣтельствовали о теченіи нашей планеты вокругъ свѣтила—отца, небесныя событія, отмѣчавшія явленія, связанная съ его поступательнымъ движеніемъ, соединялись съ торжествами, привѣтствовавшими поднятіе водъ въ рѣкѣ.

Изъ трехъ временъ года, состоявшихъ каждое изъ нихъ изъ ста двадцати дней, главнымъ былъ несомнѣнно такъ называемый Разливъ (Се), начинавшійся непосредственно послѣ священнаго промежуточнаго періода, когда праздновался цѣлый рядъ божественныхъ рожденій. Приближеніе этого времени возвѣщалось еще за нѣсколько недѣль различными признаками на верховьяхъ рѣки, и эти предварительные симптомы отмѣчались празднествами, завершавшими собой только-что минувшій годъ. Въ концѣ марта и въ первой половинѣ апрѣля (начала египетскаго мѣсяца Елифи), начинается дуть сильный вѣтеръ, Камзинъ, представляя собой дыханіе „Тифона“, разрушителя. Затѣмъ наступаетъ зимнее равноденствіе, „Око Солнца“, вновь выглядывающее изъ зимняго мрака. Нѣсколько позднѣе тропическіе дожди, неся передъ собою всю массу разложившейся въ рѣкѣ растительности предыдущаго года, дѣлаютъ на нѣсколько дней воды Нила зелеными и нездоровыми, когда Озирисъ, какъ гласитъ Ритуаль, производитъ такое зловоніе въ рѣкѣ, что боги и люди и сами дьяволы ужасаются ему;—этотъ удивительный образъ символизируетъ нравственное очищеніе всего человѣчества Озирисомъ и отпущеніе грѣховъ Оправданіемъ, согласно Ритуалу, „четырьмя Правителями, провозглашающими Истину передъ лицомъ Владыки Вселенной“. Черезъ нѣсколько дней послѣ „Зеленаго Нила“, какъ называется этотъ фазисъ, слѣдуетъ періодъ, когда рѣка дѣлается красной, и воды ея становятся необыкновенно сладкими. Это необычайное явленіе неизмѣнно сопровождается собой разливъ и наблюдается и до нынѣшняго времени. Геродотъ оставилъ намъ прекрасное

описание его, пространно цитированное проф. Масперо и являющееся замѣчательнымъ доказательствомъ устойчивости характерныхъ свойствъ Нила. На верховьяхъ рѣки это явленіе наблюдается въ началѣ мая, каковое время и назначено было Дендерскимъ календаремъ для отплытія барки Ра; но барка доходитъ до Филэ лишь въ срединѣ іюня, такъ что въ Нижнемъ Египтѣ оно какъ бы находилось въ связи съ солнцестояніемъ и отмѣчалось торжествомъ, носившимъ наименованіе „Глаза, налитаго кровью“. Приблизительно за пять дней до лѣтняго солнцестоянія (мы ведемъ наше счисленіе отъ этой эпохи) происходитъ торжество, извѣстное теперь подъ названіемъ „Ночи капли“, но тогда именовавшееся „Слезамъ Изиды“. Затѣмъ наступаетъ періодъ наиболѣе низкаго уровня воды, — смерти рѣки, когда Озирисъ обертывается „въ свои пелены“; за этимъ вскорѣ слѣдуетъ рожденіе Божества въ солнцестояніе и другія божественныя рожденія, слѣдовавшія за нимъ. На слѣдующій день послѣ завершения священнаго промежутка, праздновалось начало Новаго Года или первый день мѣсяца Тотъ; а на второй день этого мѣсяца, когда подъемъ рѣки становился уже замѣтнымъ въ Мемфисѣ, наступалъ праздникъ „Розоваго Вѣнца Хапи“, генія Нила и духа, охранявшаго Святыхъ Усопшихъ при ихъ вступленіи въ новую жизнь. Пятьдесятъ дней спустя, вода настолько высоко поднималась въ рѣкѣ, что можно было открыть общественныя шлюзы въ Верхнемъ Египтѣ, на каковое событіе, повидимому, и намекалось въ празднествѣ „Раскрытія Дверей“; два дня спустя наступалъ праздникъ высшаго полноводія Нила и „Воздвиженія Тата“, т. е. священнаго измѣренія воды—церемоніи, сохранившейся до очень недавняго времени. Еще черезъ пятьдесятъ дней разливъ достигалъ кульминаціонной точки, и наступали десятидневныя празднества водъ. За сезономъ Разлива слѣдовала зима (Пиръ), когда начинался важный періодъ „Вспахиванія Земли“; въ теченіе этого сезона воды постепенно падали до своего нормальнаго уровня, причемъ убыль ихъ начиналась въ Филэ и кончалась въ Нижнемъ Египтѣ. Затѣмъ наступалъ сезонъ Сему (или жары), когда созрѣвала жатва, и начинались предварительныя торжества по поводу приближенія Новаго Года,

Въ этомъ соединенномъ хорѣ ликованій, исходившихъ отъ неба и отъ земли, принимали участіе и звѣзды. Какъ бы неопостижимо отдаленными ни были эти пламенные солнца, столь далеко превосходящія нашу планету величиной и силой, само ихъ отдаленіе позволяетъ имъ выполнять нѣкоторыя функціи

въ смыслѣ небесныхъ измѣреній, которыя отказаны болѣе близкимъ и видимымъ для насъ свѣтиламъ. Напримѣръ, промежутокъ между двумя послѣдовательными прохожденіями солнца черезъ меридіанъ даннаго мѣста (или, другими словами, длина солнечнаго дня) зависитъ не только отъ періода времени, въ который земля обращается вокругъ своей оси, но отчасти и отъ перемѣны, происходящей въ положеніи земли въ теченіе этого промежутка; и въ виду того, что скорость этого движенія подвержена нѣкоторымъ колебаніямъ,—то оно быстрое, то медленнѣе,—то и промежутокъ между этими двумя прохожденіями слегка разнится ото дня въ день и вслѣдствіе этого не представляетъ неизблемой мѣры времени. Что же касается звѣздъ, разстоянія ихъ настолько велики, что громадная орбита земли сокращается въ сравненіи съ ними до точки въ пространствѣ; и промежутокъ между двумя послѣдовательными прохожденіями одной и той же звѣзды (или длина такъ называемаго звѣзднаго дня) зависитъ исключительно отъ времени, потребнаго для полнаго обращенія земли вокругъ своей оси. Но скорость этого вращенія, насколько извѣстно, никогда не подвергается какому-либо замѣтному измѣненію; поэтому послѣдовательное прохожденіе каждой данной звѣзды опредѣленнаго мѣста даетъ необходимое условіе для небеснаго измѣренія, т. е. опредѣленную и неизмѣнную мѣру времени.

По той же причинѣ солнечный день нѣсколько длиннѣе звѣзднаго дня, при чемъ разница выражается въ среднемъ приблизительно въ четырехъ минутахъ, т. е. во времени, нужномъ для прохожденія землею одного градуса небесной сферы. Всякій, наблюдавшій какую-нибудь звѣзду въ теченіе нѣсколькихъ ночей подъ рядъ, вѣроятно, замѣтилъ, что она восходитъ каждый вечеръ на четыре минуты раньше, и что въ опредѣленную часть каждую ночь она продвигается на одинъ градусъ въ сравненіи съ предшествовавшей ночью. Черезъ пятнадцать дней эта разница выражается уже въ цѣломъ часѣ и въ силу этого, какъ мы узнаемъ изъ чрезвычайно интересной статьи профессора Ренуфа о календарѣ Девятнадцатой династіи, наблюденія надъ звѣздами производились каждые пятнадцать дней. Въ этихъ соотношеніяхъ въ связи съ однимъ явленіемъ необычайной красоты, мы черпаемъ ключъ къ наиболѣе знаменитому способу египетскаго лѣтосчисленія.

Разъ данная звѣзда встаетъ въ данномъ мѣстѣ, какъ, напримѣръ, въ Мемфисѣ, около четырехъ минутъ раньше каждый

день, изъ этого слѣдуетъ, что въ каждомъ году наступаетъ та-кой день, когда звѣзда появляется въ томъ же мѣстѣ ровно настолько раньше зари, чтобы быть видимой на горизонтѣ нѣсколько секундъ до исчезновенія своего въ разгорающемся блескѣ ея, каковое явленіе астрономически именуется „гелиа-кальнымъ восходомъ“ звѣзды, но который короче и удобнѣе называть просто оріентомъ ея. На сколько градусовъ солнце находится ниже горизонта въ періодъ оріента звѣзды, точно не установлено, и это число нѣсколько мѣняется сообразно съ мѣстностью, но обычно считаютъ, что солнце стоитъ на десять градусовъ ниже горизонта въ ту минуту, когда звѣзда меркнетъ въ сіяніи зари; такимъ образомъ, случается это приблизительно за сорокъ минутъ до полного восхода солнца. Выяснимъ теперь отношеніе между двумя послѣдовательными оріентами (на разстояніи, конечно, одного года между собой) какой-нибудь звѣзды; для этого выберемъ, по примѣру египтянь, Сириуса, или, какъ они называли его, Сотиса¹⁾, наиболѣе яркое изъ далекихъ солнцъ, представляющее для насъ пламеннаго стража огненныхъ воинствъ въ пространствѣ. Положимъ, что въ опредѣленный день, напримѣръ, въ серединѣ лѣта, Сотисъ находится на горизонтѣ Мемфиса въ то время, какъ солнце стоитъ на одиннадцать градусовъ ниже горизонта, т. е. на одинъ градусъ ниже точки зари. Въ тотъ день оріентъ Сотиса произойдетъ или, иначе, онъ взойдетъ какъ-разъ передъ зарей и будетъ виденъ на горизонтѣ около четырехъ минутъ (пока земля проходитъ черезъ одинъ градусъ), послѣ чего онъ померкнетъ въ сіяніи зари. Но въ годовщину этого дня (благодаря соотношеніямъ между быстротой вращенія и обращенія земли слишкомъ сложнымъ, чтобы ихъ можно было объяснить на этихъ страницахъ), это явленіе происходитъ на минуту позднѣе, такъ что звѣзда бываетъ видна три минуты, затѣмъ двѣ, затѣмъ одну минуту. Въ четвертую годовщину она поднимается до горизонта лишь въ ту секунду, когда зачинается заря и, слѣдовательно, вовсе не бываетъ видна въ этотъ день, но оріентъ ея будетъ имѣть мѣсто на слѣдующее утро, когда она будетъ видна четыре минуты, и все явленіе повторится сначала²⁾. Въ силу этого, по окончаніи каждаго большого цикла (четыре года) оріентъ звѣзды будетъ

¹⁾ Египтяне называли его, собственно говоря, Софтомъ, но мы придерживаемся здѣсь болѣе извѣстнаго наименованія Сотисъ.

²⁾ Это явленіе было математически вычислено въ трактатѣ, напечатанномъ въ 1640 г. Оксфордскимъ астрономомъ, профессоромъ Гревсомъ.

разниться на одинъ день и, слѣдовательно, на триста шестьдесятъ пять дней въ циклѣ 4×365 или 1460 гражданскихъ лѣтъ. Но разница въ одинъ день точно совпадаетъ съ днемъ, который вносился въ священный календарь каждый четвертый или Великій годъ, точно такъ же, какъ и въ нашъ високосный годъ. Слѣдовательно, эта особенность не являлась плодомъ какихъ-нибудь условностей, а основывалась на опредѣленныхъ астрономическихъ вычисленіяхъ.

Этотъ чудесный циклъ съ его тетракордомъ звѣзднаго сіянія, вспыхивающаго на горизонтѣ и затѣмъ меркнушаго въ разгорающемся свѣтѣ, имѣлъ, судя по указаніямъ, содержащимся въ Ритуалѣ, духовную аналогію съ праздникомъ „Образовъ“ или божественныхъ формъ красоты, въ которыя усопшій облакался, по образу звѣздныхъ духовъ, передъ погруженіемъ своего свѣта, если не своего существованія, въ велелѣпіе проявленнаго Божества.

Пер. В. Пушкиной.

(Продолженіе слѣдуетъ).

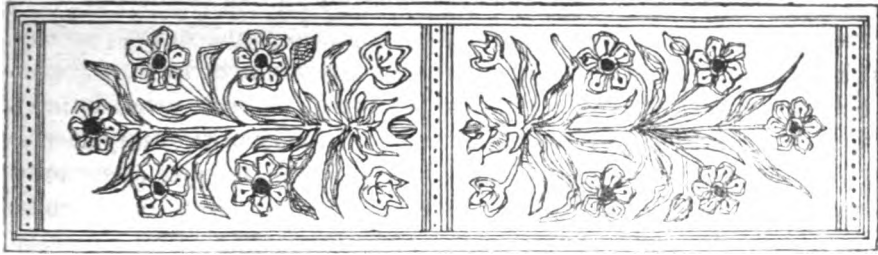

Стремящійся къ Истинѣ идетъ къ Свѣту даже тогда, когда онъ ошибается. Но дѣлающій сознательно зло закрываетъ свою душу всякому свѣту.

Наше счастье больше всего зависитъ не отъ другихъ душъ, а отъ нашей собственной души.

Душа имѣетъ чудесный даръ уходить отъ всѣхъ внѣшнихъ условій и творить по желанію рай среди самой безплодной пустыни.

Изреч. Фитингофа.

Условія послѣ смерти.

Ч. Ледбитера.

Часто спрашиваютъ, что желательнѣе на астральномъ планѣ: безсознательное состояніе или дѣятельное существованіе. Это зависитъ отъ рода дѣятельности и отъ степени развитія Эго. Обыкновенно люди умираютъ съ опредѣленнымъ количествомъ неизжитыхъ желаній, и эти силы должны изжиться, прежде чѣмъ для него станетъ возможнымъ погрузиться въ подсознательное состояніе. Если единственная возможная для него дѣятельность—низшія желанія, то очевидно очень желательно, чтобы ничто не помѣшало ему возможно скорѣе погрузиться въ сравнительную безсознательность, ибо всякая новая карма, которую онъ могъ бы создать, едва ли была бы хорошей кармой.

Если же, съ другой стороны, онъ достаточно развитъ, что бы быть полезнымъ другимъ людямъ на астральномъ планѣ, въ особенности, если онъ уже привыкъ работать на помощь другимъ во время сна, то почему же человѣку не использовать время, которое онъ принужденъ провести тамъ, хотя конечно нежелательно, чтобы онъ приводилъ въ дѣйствіе такія силы, которыя продлили бы его пребываніе тамъ. Работающіе подъ руководствомъ учениковъ Учителей Мудрости естественно воспользуются ихъ совѣтомъ, такъ какъ они приобрѣли большой опытъ по этимъ линіямъ и, въ свою очередь, могутъ посоветоваться съ тѣми, чьи знанія еще обширнѣе.

Астральная жизнь можетъ быть направлена волей, подобно физической, въ опредѣленныхъ границахъ, указанныхъ кармой, т. е. нашими прежними дѣйствіями. У обыкновеннаго человѣка

мало волевой силы или инициативы, гораздо чаще онъ—въ большой степени твореніе окружающаго, созданнаго имъ же, какъ на физическомъ, такъ и на астральномъ планѣ; человѣкъ съ опредѣленной волей можетъ всегда использовать окружающія условія наилучшимъ образомъ и жить своей жизнью, несмотря на нихъ. Все, что было создано его волей, можетъ быть ею же измѣнено, поскольку время позволяетъ это сдѣлать.

Человѣкъ на астральномъ планѣ не избавится отъ дурныхъ наклонностей, если онъ не будетъ надъ этимъ работать такъ же, какъ и въ этой жизни. Многія желанія, подчасъ очень сильныя, могутъ быть удовлетворены только при посредствѣ физическаго тѣла, а такъ какъ его больше нѣтъ, то они причиняютъ ему острые и продолжительныя страданія; но съ теченіемъ времени они изживаются, они какъ бы атрофируются и постепенно умираютъ благодаря невозможности удовлетворить ихъ. Такимъ же путемъ матерія астральнаго тѣла понемногу отпадаетъ и разлагается по мѣрѣ того, какъ отъ него уходитъ сознание, увлекаемое полусознательнымъ усиленіемъ. Это, и такимъ образомъ, человѣкъ постепенно избавляется отъ того, что его удерживаетъ отъ перехода въ небесный міръ.

Самой большой бѣдой является то, что человѣкъ обыкновенно не понимаетъ необходимости избавиться отъ зла, которое его задерживаетъ. Очевидно, что если онъ сознаетъ факты и предается работѣ, то онъ, конечно, можетъ ускорить свой прогрессъ. Если онъ знаетъ, что нужно убить земныя желанія и отступить внутрь себя какъ можно скорѣе, то онъ серьезно возьмется за это дѣло; а между тѣмъ, обыкновенно, онъ разжигаетъ эти свои желанія, усиливаетъ ихъ жизненность и отчаянно цѣпляется за грубѣйшія частицы астральной матеріи насколько можетъ дольше, ибо чувствованіе, соединенное съ ними, болѣе всего напоминаетъ ту физическую жизнь, которой онъ такъ страстно желаетъ. Вотъ почему главная работа невидимыхъ помощниковъ состоитъ въ томъ, чтобы объяснять умершимъ факты какъ они есть, и вотъ почему даже чисто интеллектуальное знакомство съ истинами Теософіи является такимъ неоцѣнимымъ приобрѣтеніемъ для каждаго человѣка.

Умершій, попадая на астральный планъ, далеко не всегда понимаетъ, что онъ умеръ, и даже если онъ наконецъ приходитъ къ этому сознанію, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онъ понимаетъ различіе астральнаго плана отъ физическаго. На физическомъ планѣ человѣкъ—рабъ опредѣленнаго количества

настоятельныхъ потребностей; ему необходима пища, одежда и кровь; чтобы получить все это необходимы деньги; и, въ большинствѣ случаевъ, чтобы имѣть деньги, онъ долженъ работать. Все это такъ обычно здѣсь на землѣ, что, освободившись отъ этого рабства, человѣку долгое время трудно повѣрить въ свою дѣйствительную свободу, и многіе продолжаютъ накладывать на себя совершенно напрасно оковы, которыя, въ сущности, ими сброшены.

Такъ иногда можно наблюдать, какъ недавно умершій старается ѣсть, усаживаясь за столъ, приготовляя воображаемый обѣдъ, или онъ строитъ себѣ домъ. Я дѣйствительно видѣлъ, какъ въ странѣ вѣчнаго лѣта человѣкъ строилъ себѣ домъ, кладя камень за камнемъ и, хотя онъ создавалъ каждый камень усиліемъ мысли, онъ все-таки не соображалъ, что онъ могъ бы, потративъ то-же усиліе, создать сразу весь домъ. Его привели къ этому пониманію, обративъ его вниманіе на то, что камни не имѣли вѣса, и это указало ему на разницу его настоящихъ условій отъ тѣхъ, съ которыми ему приходилось считаться на землѣ, и такимъ образомъ заставили его заняться дальнѣйшими изслѣдованіями.

Въ странѣ вѣчнаго лѣта люди окружаютъ себя созданной ими же природой; нѣкоторые не утруждаютъ себя этимъ и пользуются ландшафтами, созданными уже кѣмъ-либо другимъ. Люди, живущіе на 6-мъ подпланѣ, на поверхности земли, окружены астральными отображеніями физическихъ горъ, озеръ, деревьевъ, а потому не нуждаются въ производствѣ красивыхъ мѣстностей; тѣ же, которые находятся въ высшихъ подпланахъ, и витаютъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, обыкновенно запасаются пейзажами по собственному вкусу вышеописаннымъ способомъ.

Наиболѣе часто бываетъ, что люди окружаютъ себя тѣми чарующими видами и обстановкой, о которыхъ они читали въ различныхъ своихъ писаніяхъ, и потому тамъ часто можно встрѣтить неуклюжія, лишеныя воображенія попытки воспроизвести деревья, на которыхъ растутъ драгоцѣнные камни, озера изъ стекла, смѣшаннаго съ огнемъ, существа, покрытыя очами, и божества съ сотнями головъ и съ соотвѣтствующимъ количествомъ рукъ. Такимъ образомъ, какъ послѣдовательный результатъ невѣдѣнія и предразсудковъ физической жизни, многіе исполняютъ большое количество ненужной работы вмѣсто того, чтобы помогать другимъ.

Для того, кто изучалъ Теософію и слѣдовательно понимаетъ

эти высшіе планы, ихъ наибрѣятнѣйшимъ свойствомъ является именно эта полная свобода и отдохновеніе, возможныя только благодаря освобожденію отъ всѣхъ настоятельныхъ потребностей, которыя составляютъ бѣдствіе нашей физической жизни. Только умершій человѣкъ абсолютно свободенъ дѣлать то, что ему хочется, и распоряжаться своимъ временемъ, какъ ему нравится, слѣдовательно, можетъ посвятить все свое время помощи ближнимъ.

Пер. Е. Родзевичъ.

Добро есть рожденіе и развитіе въ насъ божественной жизни; это есть черезъ вѣру открытіе невидимаго міра.

Добро, которое мы творимъ на землѣ, не есть противуестественное усиліе, но расцвѣтъ нашей истинной природы.

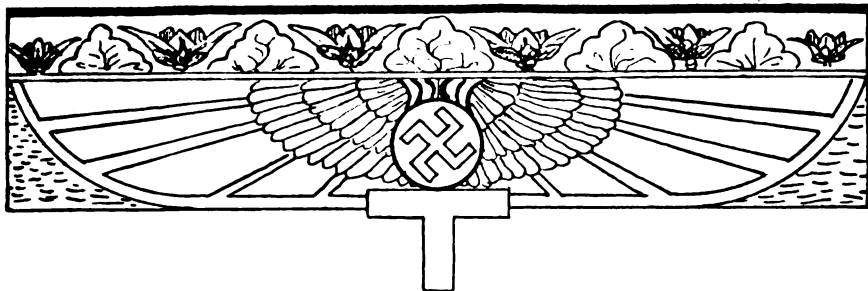
Безкорыстіе есть первое условіе добра. Я долженъ научиться желать изъ любви къ красотѣ, а не изъ любви къ наслажденію, и я узнаю, что красота есть самое широкое, полное изъ всѣхъ наслажденій.

Всѣ признаютъ, что добро содержитъ въ себѣ всѣ пассивныя качества: кротость, смиреніе, безкорыстіе, терпѣніе. Но кто помнитъ, что въ самой сути своей добро есть сила, воля, мощь, которой суждено достигнуть торжества черезъ борьбу?

Нѣтъ ничего болѣе тонкаго, чѣмъ благородное чувство. Есть внутренняя ложь: она рождается не отъ желанія дѣлать зло, а отъ отсутствія желанія дѣлать добро.

У насъ двѣ судьбы, точно такъ же, какъ у насъ двѣ природы: судьба, принадлежащая нашему первобытному существу и сопровождающая насъ съ самой колыбели, запоздалое отраженіе нашего предыдущаго существованія; и высшая судьба, излучающаяся отъ нашего эволюціоннаго существа. Первая задерживаетъ наши истинныя стремленія; вторая имъ отвѣчаетъ и имъ благопріятствуетъ.

Изреч. Фитингофа.

«Книга Достовѣрности».

(Китабъ-Эль-Иганъ).

Бэхъ-Улы.

Скажите:

Нынѣ день свершенія Доказательства, проявленія Слова и пришествія Утвержденья!

Богъ повелѣваетъ вамъ то, что для васъ благотворно, и завѣщаетъ вамъ то, что васъ приблизитъ къ Нему, Владыкъ всѣхъ вѣроисповѣданій.

Во имя Господа нашего
Всеславнаго,
Всевышняго!

Цѣль этихъ строкъ — разъяснить, что не могутъ люди отыскать Море Вѣдѣнія, если не отрѣшатся отъ всего, что существуетъ. О народы земные, скиньте всякіе узы, если хотите вы достигнуть Становья, уготованнаго для васъ Богомъ, и войти въ царство, воздвигнутое Имъ въ Небѣ Бэйяна ¹⁾!

Тѣ, что идутъ Путемъ Вѣры и желаютъ пить изъ Чаши Достовѣрности, должны освятить душу свою и очистить ее отъ всего случайнаго, т. е. отрѣшить уши свои отъ словъ человѣческихъ, сердце—отъ сомнѣнія, порожденнаго *великими завѣсами* ²⁾, умъ—отъ мірскихъ попеченій, очи—отъ вида вещей тлѣнныхъ,—и, положившись на Бога и взывая къ Нему непрестанно, слѣдо-

¹⁾ Бэйянь — Изъясненіе, Ясное Изложеніе, книга Баба.

²⁾ Завѣсы, скрывающія божественныя тайны, препятствуютъ людямъ увѣрять въ откровенія пророковъ.

вать путемъ своимъ доколѣ не удостоятся принять Свѣтъ божественнаго Знанія и стать вмѣстилищемъ явленія безконечныхъ Благъ.

Ибо, если вздумаетъ человѣкъ оспаривать поученія Бога и Избранниковъ, помощью словъ, либо дѣйствій тѣхъ, кто ему подобенъ, ученыхъ ли, или невѣждъ, — никогда не войдетъ онъ въ Садъ Знанія, никогда не приступитъ къ Источнику Мудрости и Познанія единаго Царя, и никогда не достигнетъ вѣчнаго Становья, ни вкуситъ изъ Чаши Приближенія и Утоленія.

* * *

Оглянитесь на прошлое: сколько людей всякаго званья ждали проявленія Бога въ чистомъ образѣ человѣка, молясь и надѣясь ежемгновенно, что повѣтетъ дыханьемъ божественной милости, и Женихъ, выйдя изъ тайнственнаго облака, сойдетъ на землю! И когда отверзлась дверь Благости, то облака Милосердія поднялись, Солнце Истины взошло на небосклонѣ Силы — но никто не увѣровалъ въ Него, и всѣ отвратились отъ взора Его, и однако то былъ взоръ Божій! Вотъ что являютъ намъ священныя книги. Повѣдайте нынѣ, почему тѣ, что взыскали Его и ожидали, стали прекословить Ему такъ, что не выразить того ни перомъ, ни словомъ? Ни одно изъ чистыхъ Проявленій, ни одна изъ Зорь единства Божія не могла показаться, не возбуждая противодѣйствій и ненависти повсюду. Вѣдь сказано Богомъ: „О, какъ несчастны сіи люди! Къ нимъ приходитъ пророкъ, и они только смѣются надъ нимъ 1). Каждое изъ тѣхъ племенъ составляло умыслы противъ посланника къ нему, чтобы взять верхъ надъ нимъ: они вступали съ нимъ въ споры, чтобы ложью опровергнуть истину“ 2).

И слова, какъ бы нисшедшія изъ Облаковъ Силы и Неба Величія, столь многочисленны, что ихъ всѣхъ не познать. Для людей разумныхъ и проницательныхъ довольно Сурать-эль-Гудъ'а 3). Перечтите главу эту со вниманіемъ и размыслите, пока не поймете назначенія Пророковъ и противодѣйствій, которымъ подвергались они со стороны Проклятаго. Быть можетъ,

1) Коранъ, XXXVI, 29 [Для цитатъ изъ Корана пользуюсь переводомъ Г. С. Саблукова, изд. 5-е, Казань, 1907. *Прим. перев.*]

2) Коранъ, XL, 5.

3) 11-ая глава Корана; слово Сура—глава—обозначаетъ рядъ кирпичей въ постройкѣ, либо линію въ книгѣ или письмѣ; главы Корана составляютъ какъ бы отдѣльные ряды въ аданіи цѣлаго.

тогда удастся заставить людей бѣжать отъ состоянія безпечности, въ которомъ обрѣтается душа ихъ, къ Гнѣзду Единства и Знанія, заставить ихъ пить Воду вѣчнаго Вѣдѣнія и обрѣсти Плоды Познанія Божія величества.

То жребій святой и вѣчный, удѣлъ чистыхъ душъ за божественной трапезой, нисшедшей съ небесъ.

Когда узнаете вы о терзаніяхъ, которыя пришлось избыть этимъ сіяющимъ Солнцамъ, и разсужденія ихъ сопровитниковъ, то уже станете весьма свѣдуши; и чѣмъ въ большихъ убѣдитесь противодѣйствіяхъ отъ людей этимъ Зорямъ божественныхъ солнцъ, тѣмъ болѣе укрѣпитесь и утвердитесь въ исповѣданіи своемъ и въ Божьемъ Дѣлѣ. И вотъ разскажу я вкратцѣ на этихъ страницахъ повѣсть о нѣкоторыхъ пророкахъ, дабы сообщить и доказать, что во всякомъ вѣкѣ и во всякую пору такъ относились люди къ Проявленіямъ Силы и Славы, что перо стыдится описывать это. Быть можетъ, эти разсказы избавятъ кого-нибудь отъ смущенія, возникшаго вслѣдствіе противорѣчій между учеными или невѣждами этого вѣка, и умножатъ ихъ увѣренность и довѣріе.

Одинъ изъ пророковъ былъ Ной. Онъ стоналъ, видя людей въ невѣдѣннѣи и призывалъ ихъ къ Трапезѣ духовной Дѣла Божія въ теченіе 950 лѣтъ; никто не отозвался ему. Всякій день чинили этому святому человѣку столько зла, что надѣялись этимъ уморить его, и подвергали его посмѣянію, по-сказанному: *„Вельможы изъ народа его, всякій разъ, какъ проходили мимо него, смѣялись надъ нимъ; вы смѣетесь надъ нами, но и мы послѣ будемъ смѣяться надъ вами, такъ же, какъ теперь вы смѣетесь. Вы узнаете, кого постигнетъ казнь“* ¹⁾.

Часто обѣщавъ онъ ученикамъ своимъ пришествіе побѣды въ срокъ опредѣленный, и обѣщаніе его не сбывалось. Иные, обманутые въ ожиданіи своемъ, покинули Дѣло,—какъ написано о томъ во многихъ и знаменитыхъ книгахъ, которыя вы конечно читали, либо прочтете однажды, такъ что въ концѣ концовъ, слѣдуя лѣтописцамъ, у Ноя сохранились лишь 40 или 72 ученика, и онъ воскликнулъ: *„Господи мой! не оставляй на землѣ ни одного невѣрнаго“* ²⁾!

Какая же причина, въ то давнее время, заставляла людей прекословить пророку своему, запрещала имъ увѣровать и смѣнить одежды отрицанія на одежды вѣрности?

¹⁾ Коранъ, XI, 10—1.

²⁾ Коранъ, LXXI, 27.

И почему также не сбылись обѣтованія Бога, причинивъ такимъ образомъ множество отпаденій среди вѣрующихъ? Много нужно размыслить, чтобы понять явленія Незримаго, обонять благовонія мяты изъ Сада Истины, узнать что Богу всегда было и всегда будетъ угодно испытывать творенія Свои, дабы различить свѣтъ отъ тьмы, добро отъ зла, истинное отъ ложнаго, правду отъ заблужденія, благополучіе отъ злосчастья, тернія отъ розы. Вѣдь сказалъ Онъ: „Эти люди думаютъ, что они послѣ того, какъ говорятъ „мы вѣруемъ.“ останутся неиспытанными“ 1)!

Послѣ Ноя, Красота Гуда взшла на небосклонѣ Нововведенія и въ теченіе 700 лѣтъ, или болѣе, по преданію, онъ призывалъ людей въ Садъ Приближенія Всеславнаго. Сколько бѣдствій низверглось на него, словно дождь! чѣмъ больше призывалъ онъ людей, тѣмъ маловѣрнѣе они становились, чѣмъ больше заботился онъ о нихъ, тѣмъ сильнѣе они противились ему: „Кто будетъ невѣрнымъ, на того и ляжетъ его невѣріе, невѣрные своимъ невѣріемъ увеличатъ только ненависть къ себѣ въ Господь своею“ 2).

Послѣ того явленіе пророка Салеха пришло изъ незримаго и духовнаго Сада; онъ призывалъ людей къ вѣчнымъ Источникамъ Приближенія и въ теченіе ста лѣтъ, или болѣе, обращалъ къ нимъ повелѣнія и запреты Бога. Его усилія не принесли никакого плода, и ни одного знаменія не появилось; многократно бывалъ онъ вынуждаемъ покидать учениковъ своихъ и удаляться въ пустыню.

Эта вѣчная Красота звала, однако, людей лишь въ Городъ Единства, по сказанному: „Посылали мы къ Ѳемудьянамъ брата ихъ Салеха, онъ сказалъ: „Народъ мой, поклоняйтесь Богу, кромѣ Его для васъ нѣтъ никого достойнаго поклоняемаго“ 3). Они сказали: Салехъ, ты уже прежде сего бѣлъ ожидаемъ нами; ты запрещаешь намъ поклоняться тому, чему поклонялись отцы наши? Но мы въ крайнемъ сомнѣніи о томъ, къ чему ты призываешь насъ“ 4).

Но тщетны были всѣ предупрежденія пророка, и были они наконецъ обращены во прахъ.

Позднѣе Величество Друга (Авраамъ) совлекло завѣсы, и знамя Управленія взвѣяло вновь. Онъ призвалъ обитателей

1) Коранъ, XXIX, 1.

2) Коранъ, XXXV, 37.

3) Коранъ., XI, 64.

4) Коранъ, XI, 65.

міра къ свѣту справедливости. Просвѣщенные совѣты его произвели лишь зависть и безпечность, за исключеніемъ нѣсколькихъ людей, которые отрѣшились отъ всего, кромѣ Бога, и вознеслись на крыльяхъ достовѣрности въ края непостижныхъ высотъ. Повѣсть объ Авраамѣ знаменита: сколько враговъ окружали его и возбуждали противъ него зависть и пререканія! Послѣ случая съ огнемъ, они изгнали изъ города этотъ Свѣтильникъ Божій, какъ повѣдано о томъ въ книгахъ.

Тогда окончилось время его, и настала пора Моисея. Съ жезломъ Дѣланія и Чистоты Познанія, съ высоты Горы Парана ¹⁾ Закона Божія, съ Змѣемъ Могущества и Силы Божіей, съ Синая Свѣта, онъ явился въ міръ.

Онъ призывалъ всѣ народы земли къ Вѣчному Царству и къ плодамъ Древа Свершенія. Извѣстно, какъ Паранъ и народъ его прекословили ему, и сколько камней сомнѣнія брошено было невѣрующими въ это Священное Древо,—до того, что Паранъ и народъ его стремились погасить пламя пылающей Купины водою отрицанія и противорѣчія. Не замѣчали они, что огонь Познанія Бога нельзя было истребить никакой водою, и что Свѣтильникъ Силы Божіей не погасить было вѣтромъ сопротивленія; что, напротивъ, вода возбудила бы пламя, и вѣтеръ его поддержалъ бы. И вы поймете это, лишь только взглянете очами души и пойдете Путемъ Изволенія Божьяго.

А что за дивныя слова произнесъ вѣрующій человѣкъ изъ семьи Фараона, какъ открылъ о томъ Господь Славы возлюбленному своему (Мохаммеду): *„Ужели убьете человека за то, что онъ говоритъ: Богъ мой есть Господь мой!“* тогда какъ онъ привелъ отъ Господа вашего ясныя доказательства? *Если онъ лжецъ, то его ложь будетъ на бѣду ему самому; а если онъ справедливъ, то васъ постигнетъ которая-либо изъ угрозъ его; потому что Богъ — не вождь тому, кто своеволенъ, кто лжецъ“* ²⁾.

Ни на что не взирая, они предали, наконецъ, смерти этого вѣрующаго, среди жесточайшихъ истязаній. *Да будутъ прокляты несправедливые Богомъ!*

Подумайте объ этихъ событіяхъ: почему столько розни происходитъ во вселенной, когда какой-нибудь пророкъ является на землю съ небосклона безконечности? Почему столько поро-

¹⁾ Горы Парана обозначаютъ Мекку и страну Хаджаса; Паранъ есть имя одного изъ амалекитскихъ царей, владыкъ Хаджаса. См. II. Цвѣтковъ, Исламизмъ, т. II: Вѣра Ислама, стр. 13, 15.

²⁾ Коранъ, XI, 29.

ковъ, смятеній, неправды и преступленій? И однако всякій пророкъ въ свое время возвѣщаль народамъ о пришествіи своего преемника и давалъ знаменія слѣдующаго Проявленія, какъ о томъ гласятъ Писанія. Хотя извѣстно бывало и ожидалось это новое Проявленіе, почему каждый пророкъ и каждый избранникъ Божій бывалъ причиной столькихъ мятежей и ослушаній? Вѣдь сказано: *„А вы, не каждый ли разъ, когда какой-либо посланникъ приносилъ къ вамъ такое, что не льстило вашимъ страстямъ, надмевались надъ нимъ? Однихъ считали вы лжецами, другихъ и убивали“* ¹⁾. Т. е.: каждый разъ, какъ возставалъ одинъ изъ пророковъ Господа вашего, противъ страстей вашихъ, вы надмевались, не вѣрили, относились къ нему, какъ къ лжецу, и иногда убивали его. Какая же причина заставляла относиться такъ къ Явленію Красоты Всеславнаго? Ибо причины, запрещавшія вѣрить, и закрывавшія очи народамъ въ былое время, и понынѣ тѣ же! Если бы мы предположили, что несовершенно и неполно было свидѣтельство Бога, и вызвало тѣмъ невѣріе, мы поступили бы подобно невѣрнымъ; ибо всего несвойственнѣе Благости Всемиловитаго и Его безграничному Милосердію выбрать одного изъ людей для руководительства созданіями Его и не дать ему полнаго и достаточнаго доказательства, а послѣ карать людей за ихъ невѣріе. Напротивъ, благодать Царя Жизни всегда разоблачалась созданіямъ Его черезъ Его Проявленія. Ни на мгновеніе не перестанетъ она изливаться, какъ благодатный дождь, на людей. Стало-быть, приписать причину этихъ заблужденій нужно людямъ, ищущимъ въ долинахъ гордости и пустыняхъ отъединенія. Они слѣдуютъ своимъ мыслямъ, либо словамъ священнослужителей своихъ и приходятъ лишь къ невѣрію и смыканію глазъ.

Всѣ умбюшіе читать, знаютъ, что если бы, въ пору проявленія этихъ Солницъ правды, люди очищали свои очи, уши и сердце тѣмъ что они видѣли, слышали или воспринимали, вѣроятно, не отвращались бы они отъ красоты Божіей и не сторонились бы отъ Земли Приближенія святыхъ Проявленій. Потому лишь, что пожелали они взвѣсить свидѣтельства Божіи съ тѣмъ, что извѣстно имъ было отъ священнослужителей своихъ, а слабый разумъ ихъ немощенъ былъ въ пониманіи, - могли столь неестественныя событія свершиться въ мірѣ.

* * *

¹⁾ Коранъ., II, 81.

Во всѣ времена держали священнослужители подъ игомъ своимъ народы и отвращали ихъ отъ берега моря Единства, одни—изъ любви къ власти, другіе—по невѣжеству. Это чрезъ нихъ всѣ пророки испивали изъ Сальсабиля ¹⁾ Мученичества и воспаряли на высоту неба славы. Сколько несправедливостей заставили правители и священнослужители всѣхъ временъ испытать этихъ Царей жизни и эти Драгоценности! Они отвращены были отъ безсмертныхъ Владѣній силою благъ земныхъ и тлѣнныхъ и продолжали закрывать глаза передъ свѣтомъ Возлюбленного, затыкать уши отъ дивной пѣсни вождѣннаго Голубя. Такъ гласятъ намъ священныя книги о свойствахъ священнослужителей во всякомъ народѣ. Сказано: „*Читающіе Писаніе! для чего отвергаете сіи знаменія Божіи, тогда какъ вы очевидцы этому*“ ²⁾? И также: „*Читающіе Писаніе! для чего облагаете истину въ ложь,—скрываете истину, когда ее знаете*“ ³⁾? И еще: „*Читающіе Писаніе! Зачѣмъ уклоняете вѣрующіхъ отъ пути Божія*“ ⁴⁾?

Вѣдь извѣстно, что получившими Писанія и совращавшими людей съ прямого пути бывали всегда священнослужители, чьи имена и положенія передали намъ священныя книги, и чьи дѣянія мы можемъ оцѣнить, если рассмотримъ ихъ при свѣтѣ Бога. Старайтесь понять, при помощи вышняго созерцанія, которое дастъ вамъ достигнуть божественнаго знанія, и которое пребываетъ въ созвучіи съ душою вѣчныхъ вещей,—чтобы тайны духовной Мудрости разоблачились вамъ ясно съ высоты столпа Благодати и Милосердія.

Противленіе людей пророкамъ, ихъ суетныя пререканія, проистекаютъ лишь изъ невѣжества: ибо слова, изреченныя явленіями Красоты Божіей для распознанія слѣдующихъ Проявленій, никогда не бывали поняты, и люди не постигали ихъ настоящаго смысла; такъ раздвигали они предѣлы порока и возносили стягъ смятенія. Извѣстно, что изъясненіе словъ вѣчныхъ Голубей принадлежитъ лишь пророкамъ Бога, и пѣснь ихъ можетъ быть услащена лишь этими вѣчными людьми. Неправедные египтяне никогда не вкусятъ вина, предназначеннаго праведнымъ евреямъ, и невѣрный Фараонъ никогда не сможетъ понять Моисеева свѣта. Такъ сказала Онъ: „*Но истолкованіе тому знаетъ*

1) Одинъ изъ 4-хъ мистическихъ источниковъ, выходящихъ изъ-подъ трона Господня.

2) Коранъ, III, 63.

3) Коранъ, III, 64.

4) Коранъ, III, 94.

только Богъ. Основательные въ знаніи говорятъ: „мы втрѣмъ въ это; все отъ Господа нашего; только разсудительные вразумляются“¹⁾.

Однако, люди всегда испрашивали объясненія книгъ у тѣхъ, чей разумъ былъ глухъ, и кто не утруждался исканіемъ истины въ ея источникѣ. Такъ, когда минуло время Моисея, и блескъ Иисуса, Зари Духа, засверкалъ надъ міромъ, всѣ іудеи отвергли Его, говоря, что обѣщанный въ Библии долженъ придти, чтобы подтвердить законъ, тогда какъ юный Назарянинъ, называвшій себя Мессіей, нарушилъ законъ о разводѣ и о субботахъ, идущій отъ Моисея. Къ тому же знаменіи Проявленія еще не бывало. И понынѣ ждуть іудеи Мессію, обѣщаннаго Библией. Сколько Святыхъ Проявленій Единства и вѣчныхъ Свѣтовъ являлось въ мірѣ послѣ Моисея, и, однако, іудеи—все еще подъ вліяніемъ духа Сатаны и сомнѣнія, рожденнаго имъ! Они ждуть, чтобы явился тотъ, кого создало ихъ воображеніе, со знаменіями, ему приписанными ими! Такъ покаралъ ихъ Богъ, отнялъ у нихъ Духъ Вѣры и терзалъ ихъ адскимъ огнемъ. Ибо не уразумѣли они пророчества Библии, и не сбылось оно буквально; устранены они были отъ Красы Иисусовой и не достигли лицезрѣнія Бога; они остались въ ожиданіи, и, держась постоянно своихъ ложныхъ вѣрованій, лишились свѣтлаго и чистаго Источника.

Ради разъясненія изложеннаго, я написалъ для одного изъ вѣрующихъ чудесную скрижаль по-арабски, и, по желанію вашему, я скажу вамъ о томъ нынѣ; да направятся народы, изжаждавшіеся въ пустыняхъ Удаленія, къ Морямъ Приближенія, да пойдутъ люди Разлуки къ шатрамъ Встрѣчи, и да исчезнутъ тучи заблужденія предъ солнцемъ Управленія, восходящимъ на Небосклонѣ Духа. Я полагаюсь на Бога, да потекутъ съ пера моего струи жизни къ сердцамъ людей, чтобы возстали они съ ложа Безпечности и внимали пѣснѣ Голубя изъ Вышняго Рая, на Древлѣ, которое могучей рукою Своею насадилъ Богъ въ Салу Единства²⁾.

* * *

Люди освѣдомленные знаютъ, что послѣ того, какъ любовь Иисуса уничтожила суевѣріе іудеевъ (когда началъ Онъ пріобрѣтать учениковъ), Его заповѣди не замедлили распространиться. Однажды, когда эта Тайнственная Красота—Иисусъ говорилъ одному изъ учениковъ своихъ о своемъ исчезновеніи и зажегъ

1) Коранъ, III, 5.

2) Въ этой метафорѣ Баха-Улла разумѣетъ себя.

въ немъ огонь тоски: „Я уйду, но Я возвращусь“, сказалъ Онъ. И въ другой разъ: „Я уйду: придетъ другой и скажетъ вамъ, чего Я не сказалъ, и дополнитъ слова Мои“. Эти два выраженія тождественны, если божественнымъ разумомъ размыслите вы надъ Проявленіями Единства.

Когда въ послѣдствіи явился Мохаммедъ, законъ и вѣроученіе Іисуса Христа до того уже утвердились, что самъ онъ сказалъ: Я — Христосъ, принимая такимъ образомъ законъ и слова Іисуса, какъ исшедшія отъ Бога. И нѣтъ разницы между ихъ законами, ибо предъявляли оба заповѣди Бога, вдохновенные Имъ. На это и намекалъ Іисусъ, говоря: Я уйду—и возвращусь. Такъ Солнце остается сегодня тѣмъ же, что было вчера, и однако мѣняется оно каждый день; дни также разнятся одни отъ другихъ, хотя бы по названіямъ и по отличающимъ ихъ событіямъ, и все-таки естество ихъ едино. Усмотри поэтому различіе и въ то же время единство святыхъ Проявленій и умѣй понять сокровенное значеніе словъ этого Создателя Названій и Символовъ о томъ, что касается Единства, и почему Вѣчная Красота проявлялась подъ различными Именами и разнообразными Обликами.

Ученики Христа часто вопрошали Его о признакахъ Его возвращенія, и въ какое время это случится, и всякій разъ Его Величество отвѣтствовалъ имъ, какъ писано о томъ въ 4 Евангеліяхъ. Я приведу вамъ одинъ изъ Его отвѣтовъ и, ради Любви Божіей, передамъ людямъ сокровенную благодать Священныхъ Деревъ, да не лишатся смертныя ихъ тѣла плодовъ вѣчныхъ. Быть можетъ, такимъ образомъ,—и безъ ожиданія мною за то малѣйшаго воздаянія,—обрѣтутъ они нѣсколько капель изъ вѣчныхъ Рѣкъ Величества Божія, что текутъ нынѣ въ Обители Міра въ Багдадѣ ¹⁾. „Мы питаемъ васъ ради Бога, не требуемъ отъ васъ ни платы, ни благодарности“ ²⁾.

Эта пища и дастъ просвѣщенному уму и сердцу вѣчную Жизнь: это та трапеза, ради которой Іисусъ сказалъ: „Боже, Господи нашъ, ниспосли намъ съ неба трапезу“ ³⁾! И никогда не будетъ недостатка у народовъ въ этой пищѣ, она никогда не истощится, ибо ежесекундно нарождается она отъ Древа Благодати и нисходитъ съ неба Правды: „Доброе Слово подобно доброму

¹⁾ Вѣха-Улла написалъ Иганъ во время пребыванія своего въ Багдадѣ.

²⁾ Коранъ, LXXVI, 9.

³⁾ Коранъ, V, 114.

дереву, котораго корень крѣпокъ и котораго вершина на высотѣ; это приноситъ въ свѣдѣніе плодъ свой во всякое время" ¹⁾.

Какъ жаль, что человѣкъ лишился этого сладостнаго дара, отказался отъ этого вѣчнаго блага, этой вѣчной Жизни!

Но вы умѣйте распознать цѣнность этой духовной трапезы, чтобы заставить мертвыхъ воскреснуть по чудесной благодати Солнца Правды и вернуть ослабѣвшимъ душамъ Духъ безконечный. О братъ мой, пока еще время, устремимся пить изъ этой Чаши, ибо не всегда духовныя вѣянія стануть дуть съ возлюбленной Земли, рѣки Изъясненія будутъ течь не вѣчно, и Врата Рая не всегда будутъ отверсты. Придетъ время, когда Соловей Рая улетитъ изъ чистаго сада къ божественнымъ гнѣздамъ. И вы не услышите больше его пѣсни и уже не увидите красоты Розы!.. Итакъ, пока Вѣчные Голуби покоятъ любовно, божественная весна преображаетъ и озаряетъ міръ, ловите случай, не лишайте себя ихъ пѣсенъ. То совѣтъ смиреннаго служителя вамъ лично и всѣмъ вѣрующимъ.

Пусть желающіе этого его примуть, и не желающіе отвергнутъ. Богъ довольно могуществененъ, чтобы обойтись безъ нихъ и безъ всѣхъ зримыхъ вещей.

И вотъ пѣснь Иисуса, сына Маріи, роскошно воспѣтая въ Саду Евангелія въ знакъ Его возвращенія.

Мы видимъ въ книгѣ св. Матѳея, что отвѣтствовалъ Онъ вопрошающимъ Его объ этомъ: *„И вдругъ, послѣ скорби дней тѣхъ, солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта, и звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя поколеблются. Тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небѣ, и тогда восплачутся всѣ племена земныя и увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою.—И пошлетъ ангеловъ Своихъ съ трубою громогласною“* ²⁾. Въ прочихъ Евангеліяхъ, св. Луки, св. Марка и св. Іоанна, оказываются тѣ же слова, подробно разъясненныя нами въ другомъ мѣстѣ, и потому удовольствуемся этой ссылкой.

Такъ какъ читатели Евангелія никогда не понимали значенія этихъ словъ, ни ихъ особаго умысла и держались буквального смысла, они были лишены Рѣки Благодати Мохаммеда и облаковъ Благоволенія Ахмедова ³⁾; и невѣжды, преданные

¹⁾ Коранъ, XIV, 29.

²⁾ Еванг. отъ Матѳ., XXIV, 29—31.

³⁾ Ахмедъ по-арабски то же, что Параклетъ по-гречески: Духъ Святой. Сл. Цвѣтковъ, Исламизмъ, т. I, Мухаммедъ и Коранъ, стр. 38, 76; т. II, стр. 14. Мухаммедъ—носитель Его.

руководителямъ своимъ, подавно не видѣли Красоты Всеславнаго Царя; ибо при Проявленіи Солнца Ахмеда не произошло вышереченныхъ знаковъ. Дѣйствительно, много вѣковъ протекло, и зтотъ Духъ отъ Духа вернулся въ вѣчную свою обитель; вѣяніе новаго духовнаго вѣтра дохнуло въ божественной трубѣ, и мертвещы собрались съ береговъ Безпечности и Заблужденія въ страну Управленія и на берега Благости; и однако народы эти (христіане) все ждутъ и ждутъ появленія пресловутыхъ знаковъ, дабы распознать пришествіе Жениха и пожертвовать ему всѣмъ, даже душой и жизнью. Другія племена въ подобныхъ же сомнѣніяхъ лишены безконечной Благости Божіей и упорствуютъ въ своихъ мысляхъ. Не сказалъ ли Іисусъ еще въ Евангеліяхъ: „*Небо и Земля прейдутъ, но Слова Мои не прейдутъ*“? Народы Евангелія заключаютъ изъ того, что заповѣди Христа никогда вычеркнуты не будутъ, и когда бы ни пришелъ Женихъ со всѣми знаменіями, Онъ долженъ будетъ подтвердить вѣроученіе Евангелія, пока не распространится оно, исключая всякое другое, по всей землѣ. И въ этомъ ихъ непреложное убѣжденіе. Такъ что, если бъ посланъ былъ къ нимъ кто-либо при всѣхъ обѣщанныхъ знаменіяхъ, и постановилъ заповѣди, съ виду отличныя отъ евангельскихъ, они, конечно, ему не повиновались бы, обратились бы въ невѣрныхъ и посмѣялись бы надъ нимъ, какъ сдѣлали это съ Мохаммедомъ. И, однако, если бы спрашивали они со смиреніемъ у cadaго Проявленія Единства о значеніи словъ Священныхъ Книгъ, не понятыхъ ими и лишившихъ ихъ вышняго обѣтованія и Сидратъ-уль-Мунтаха ¹⁾, они, конечно, отыскали бы свѣтъ Солнца Управленія и познали бы Тайны Мудрости и Знанія.

Я изложу о томъ нѣсколько объясненій, чтобы люди, по природѣ добрые, узнали символы священныхъ Реченій и Притчи чистыхъ Проявленій, и чтобы, подъ вліяніемъ словъ, не удалились они отъ Моря Названій и Свойствъ и впредь не лишились Свѣта Единства, преображающаго Божію Сущность.

Слова Іисуса *посль скорби дней сихъ* означаютъ: когда люди будутъ постигнуты затрудненіями и невзгодами, т. е. когда слѣды Солнца Истины исчезнутъ, плоды Древа Знанія и Мудрости истощатся, и людьми будутъ руководить невѣжды. Тогда Врата, ведущія къ Единству и Познанію Бога, высшая цѣль творенья, закроются, знаніе смѣнится сомнѣнѣемъ, и управленіе — нищетою.

¹⁾ Вышнее Проявленіе Ваха-Уллы.

Вотъ что въ наши дни явно. Развѣ народы не руководимы невѣждами, ведущими ихъ куда угодно, и знаютъ ли они о Богѣ что-либо иное, кромѣ названья, и о волѣ Его — далѣе первой буквы? Вихрь желаній и наслажденій такъ свирѣпствуетъ въ мірѣ, что погасилъ въ сердцахъ свѣточъ знанія и разума. Однако, лишь отъ людей зависить вновь открыть Врата божественнаго Познанія небесными ключами Силы и вновь повести избранныхъ при Свѣтѣ Мудрости и Святой Благости: ибо во всякой вещи находятся врата Познанія, и въ каждомъ атомѣ зримъ отблескъ солнца.

Несмотря на всѣ Проявленія Вѣдѣнія, прошедшія въ мірѣ, люди думаютъ, что Врата закрыты, и дожди Милосердія изсякли. Они держатся въ отдаленіи отъ лучшей опоры знанія, цѣпляясь за суевѣрія: какъ не взыщутъ они истинное Вѣдѣнье? Они уже не помышляютъ о пророкахъ съ тѣхъ поръ какъ, чрезъ свои предположенія и сомнѣнья, нашли способъ обогащаться, тогда какъ Проявленія Вѣдѣнія учатъ лишь жертвовать жизнью. И вотъ отреклись они отъ истиннаго Знанія для суевѣрій.

И хотя знали объ единствѣ заповѣдей Божьихъ, все же слушались они приказаній людскихъ, идущихъ съ разныхъ сторонъ: найдутся ли двое людей, подчиненныхъ одинаковымъ законамъ? Это происходитъ оттого, что никто не ищетъ иного Бога, кромѣ Бога своихъ личныхъ желаній, и не можетъ слѣдовать другимъ путемъ, кромѣ дурного. Люди думаютъ, что власть — лучшее средство удовлетворять свои желанія, и что гордость и пристрастіе навѣрное приводятъ къ Возлюбленному. Они противопоставятъ вѣчной волѣ Бога лицемѣріе своихъ душъ, чуждаясь духа смиренномудрія и довольства, и всѣми силами утверждаютъ въ своемъ положеніи, дабы никто не посягнулъ на ихъ власть и не смутилъ ихъ славы. Если бы пелену, закрывающую ихъ очи, снять при помощи снадобья божественнаго Вѣдѣнія, имъ представились бы догматисты, отвращающіе ихъ отъ праваго пути, какъ хищные звѣри, нападающіе на людскіе трупы.

Какія бѣдствія больше этихъ? Человѣкъ, желающій познать Истину или Вѣдѣніе, не знаетъ, куда идти, кого спросить, такъ многочисленны и противорѣчивы понятія и пути. Это подтверждается передъ пришествіемъ каждаго Проявленія: иначе не было бы смысла для пришествія когда-либо Солнца Правды.

Дѣйствительно, явленіе Утра Управленія должно необходимо сопровождать Ночь Заблужденія. Объ этомъ сказано во всѣхъ

Хадисахъ ¹⁾, т. е. что неправда воцарится на землѣ и мгла обойметъ ее. Все это такъ извѣстно, что я не вижу надобности въ повтореньи.

Скорби дней тьмы, стало быть, не имѣютъ иного значенія; всякое другое толкованіе несообразно дѣйствительности; и будь это иначе, людямъ было бы основаніе говорить, что это условіе не исполнилось, какъ они, къ тому же и говорили и повторяли. Эта скорбь происходитъ отъ недостатка божественнаго Вѣдѣнія и разумѣнія священныхъ Словъ; она слѣдуетъ за исчезновеніемъ Солнца и Зерцаль ²⁾, когда міръ оставленъ безъ руководителя. Таково истолкованіе Словъ и Тайна Мудрости, вамъ сообщаемой нынѣ, дабы стали вы въ числѣ тѣхъ, что пьютъ изъ Чаши Вѣдѣнія и Наставленія.

Въ выраженіи Иисуса: *Солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта, и звезды спадутъ съ неба*,—слова *солнце* и *луна* примѣняются не только къ видимымъ солнцу и лунѣ, но они имѣютъ еще много значеній соотвѣтственно обстоятельствамъ ихъ употребленія. Солнце означаетъ иногда Солнцъ Истины, что поднимаются на вѣчномъ Небосклонѣ и изливаютъ благодать на Вселенную; они—совершенныя Проявленія Бога въ мірѣ Его Именъ и Свойствъ. И подобно тому, какъ свѣтило солнца даетъ жизнь всѣмъ зримымъ вещамъ: плодамъ, деревьямъ, минераламъ, краскамъ и всему прочему, такъ деревья и плоды Единства, листья Отрѣшенья, Розы Вѣдѣнія и Увѣренности, цвѣты Мудрости и Изъясненія являются вслѣдствіе благодати и попеченія духовныхъ Солнцъ, обновляющихъ міръ при всякомъ своемъ появленіи; они даютъ теченіе потокамъ Жизни вѣчной, вздымаютъ волны Моря великодушія, навлекаютъ облака благоволенія и вѣяніе вѣтровъ Милосердія на всѣ живыя существа.

Благодаря жару этихъ божественныхъ Солнцъ и духовныхъ Огней, можетъ пламя любви Божіей проникать въ члены людей.

Благодаря благодати этихъ духовъ, отрѣшенныхъ отъ земныхъ вещей, животворящій Духъ дарованъ смертнымъ. Зримое солнце—лишь образъ духовнаго Солнца, неподобнаго и несравненнаго, и его Бытіемъ существуетъ всякая тварь: отъ его Благодати оно происходитъ и къ ней же возвращается. И когда говорятъ, что эти Солнца разнятся по именамъ и свойствамъ, это истина лишь для умовъ слабыхъ и поверхностныхъ, но въ дѣй-

¹⁾ Словахъ, приписываемыхъ Пророку, либо Имамамъ.

²⁾ Пророковъ.

ствительности, они свободны отъ всякихъ именъ, и свойствъ. Сущность именъ не имѣетъ доступа къ ихъ Святому Пребыванію, и возвышенныя опредѣленія не примѣнимы къ ихъ славному царству. Возблагодаримъ Бога, что Избранники Его не могутъ быть познаны иначе, какъ сами собою, и опредѣлены иначе, какъ своею душой. Они достославнѣе, нежели могутъ познать или высказать люди.

Въ рѣчахъ Непорочныхъ ¹⁾ имя Солнца равно дается духовнымъ свѣтамъ, Имамамъ; такъ, въ молитвѣ Нотбэ ²⁾ говорится: „Гдѣ возстанія Солнца, гдѣ сіяніе Лунь, гдѣ блестящія Звѣзды“?

Солнце, луна, звѣзды означаютъ, стало-быть, во-первыхъ, пророковъ, ихъ друзей и учениковъ. Они-то свѣтомъ своего знанія озаряютъ міръ видимый и незримый.

Во-вторыхъ, они примѣняются къ ученымъ и священникамъ предыдущаго Проявленія, живущимъ во время новаго и держащимъ въ рукахъ управление и вѣроученіе. Если, при появленіи новаго Солнца, они возсіяютъ его свѣтомъ, они—причастники; они сверкаютъ тогда новымъ блескомъ. Если, напротивъ, останутся они равнодушны, то, хотя бы съ виду они и казались предводителями людей, пребываютъ они въ ночи. Ибо всѣ эти состоянія невѣрности и преданности, правоты и уклоненія, блаженства и горя, свѣта и тьмы, зависятъ отъ признанія божественнаго и духовнаго Солнца. Въ дни невзгодъ и радостей Проявленій Бога ³⁾, тѣ священники, что примутъ даръ вѣры ⁴⁾,—учены, счастливы, просвѣщенны; прочіе же—невѣжды, отступники, невѣрны, нечестивы.

И для обладающаго разумѣніемъ очевидно, что, когда свѣтъ звѣздъ исчезаетъ, стало-быть, встаетъ солнце. Значитъ, когда появляется Солнце Истины, сіянія ученыхъ и священниковъ меркнутъ. Они—также Солнца по причинѣ своего блистанія среди людей своихъ странъ. Если уподобятся они своимъ положеніемъ божественному Солнцу, то станутъ они также восшедшими солнцами; иначе сдѣлаются они солнцами ада. „Солнце и луна имѣются въ аду“ ⁵⁾. Всѣ отразившіе свѣтъ этихъ солнцъ и

¹⁾ Имамы.

²⁾ Молитва, вдохновенная смертью пророка Хуссейна.

³⁾ Въ дни суда, когда должно намъ каяться въ грѣхахъ нашихъ и радоваться срѣтенью Бога.

⁴⁾ Въ новомъ проявленіи.

⁵⁾ Коранъ, LV, 4

лунъ (пребывающихъ въ аду) принимаютъ ложь и отвращаются отъ истины. Взаправду, приходятъ они изъ ада и туда возвращаются. Стало-быть, о искатель, примкнемъ къ крѣпчайшей опорѣ, да обратимся отъ ночи заблужденія къ свѣту правды, покинемъ сѣнь отрицанія для сѣни вѣры и, освободившись отъ адскаго огня, озаримся красотою Благодатнаго. И да будетъ Миръ съ вами! Таковы плоды Древа Знанія, которые мы вручаемъ вамъ, да возрадуетесь вы въ Раю Мудрости Божіей.

Въ-третьихъ, слова солнце, луна, звѣзды употребляются при выраженіи свѣдѣній и заповѣдей, возвѣщаемыхъ въ каждомъ вѣроученіи. Такъ, въ Исламѣ, по смерти Мохаммеда, молитва и постъ были главными заповѣдями, какъ учать насъ тому Хадисы и книги: и это обстоятельство такъ извѣстно, что распространяться о немъ было бы бесполезно. Къ тому же, во всѣ времена молитва предписывалась особливо, какъ повелѣть и самъ Мохаммедъ; всѣ пророки давали по поводу ея одинаковыя повелѣнія. Но она измѣнялась во всякое время, сообразно различнымъ состояніямъ людей. При каждомъ новомъ Проявленіи обычаи, нравы, и знанія, дотолѣ считавшіеся возвышенными и благородными, терпятъ превращенія; и символическія слова: солнце, луна, звѣзды, употребляемыя Проявленіями въ такомъ случаѣ, предназначены къ испытанію людей. „дабы испытать, кто изъ васъ лучше по своей дѣятельности“ ¹⁾.

Хадисы равнымъ образомъ содержатъ названія солнца и луны въ значеніи поста и молитвы: *Постъ есть сіяніе, и молитва — свѣтъ*. Однажды я покоился въ тѣни сада, когда одинъ изъ знаменитыхъ улемовъ отыскалъ меня. По нѣкоторомъ времени, въ разговорѣ, онъ упомянулъ это слово и объяснилъ его, говоря: „Постъ разогрѣваетъ настроеніе, почему и уподобляютъ его сіянію солнца; а вечерняя молитва, освѣжающая, уподоблена сіянію луны“. Я увидѣлъ, что этотъ бѣдный челоѣкъ не обрѣлъ ни единой капли духовности, не узрѣлъ ни единой искры отъ пламени Деревъ божественной мудрости ²⁾. Спустя мгновеніе, я замѣтилъ ему смиренно: „О Дженабъ, объясненіе твое заурядно; но я думаю, что есть иное: Печать Пророковъ и Господь Избранниковъ ³⁾ уподобилъ небу вѣроученіе

¹⁾ Коранъ, LXVII, 2.

²⁾ Намекъ на пылающую Кушину.

³⁾ Мохаммедъ.

Фуркана ¹⁾, вслѣдствіе его возвышенности; достоинства и величія, потому что оно заключаетъ въ себѣ всѣ другія вѣроученія. А такъ какъ на видимомъ небѣ имѣются два главныхъ свѣтила, два свѣта, солнце и луна, то въ Небѣ Вѣроученія установлены два свѣта, постъ и молитва“.

Такъ пользуются Проявленія Бога иносказательной рѣчью. Затменіе солнца и луны и паденіе звѣздъ означаютъ упадокъ ученыхъ и нарушеніе заповѣдей. Никто не можетъ пить изъ символической чаши пророковъ, кромѣ праведныхъ и честныхъ. „*Благочестивые же будутъ пить изъ чаши, въ которой питіе будетъ растворено камфорой*“ ²⁾. Извѣстно, что при всякомъ новомъ Проявленіи, Солнце заповѣдей и запрещеній, возникшее при предыдущемъ, вдругъ перестаетъ блестя, какъ и народы, жившіе подъ сѣнью его заповѣдей внезапно опускаются: власть предшествующаго Проявленія отмѣнена.

Подумай: если бы народы Евангелія поняли значеніе этихъ словъ или хотя бы спросили о нихъ у Проявленій божественнаго Вѣдѣнія, сомнѣніе не царило бы нынѣ въ ихъ сердцахъ, и душа ихъ не пребывала бы во тьмѣ. Не черная Вѣдѣнія изъ его источника, повержены были они въ ужасную долину невѣрности и заблужденія: не видѣли они, что всѣ знаменія явились, что обѣщанное солнце сверкаетъ на небосклонѣ Проявленія, и что древнія солнца и луны вѣдѣнія и управленія отнынѣ померкли, если не исчезли вполнѣ.

Нынѣ разумомъ вашимъ и разсудкомъ проникните въ область достовѣрности. „*Скажи: Богъ,—а послѣ того, оставь ихъ въ этомъ омутѣ, въ которомъ купаться имъ любо*“ ³⁾. Будьте изъ тѣхъ, что молвятъ: „*Богъ есть Господь нашъ!*“ и потомъ идутъ прямымъ путемъ (и къ нимъ) нисходятъ ангелы“ ⁴⁾. Тогда узрите всѣ тайны собственными очами вашими.

О братъ мой, чтобы разомъ преодолѣть глубокіе Доли Удаленія и Разлуки, войти въ Рай Приближенія и Встрѣчи и разомъ овладѣть божественною душою, прими крылья духа, ибо разстоянія эти непреодолимы для воплощеннаго существа, чьи желанья не утолимы. Миръ тьмѣ, что послѣдуютъ Богу по

¹⁾ Коранъ называется также „аль-фурканъ“, т. е. различеніе, т. к. служить руководствомъ для различенія добра и зла.

²⁾ Коранъ, LXXVI, 5.

³⁾ Коранъ, VI, 91.

⁴⁾ Коранъ, XII, 30.

прямоу пути и на тропѣ Причины къ берегамъ Наставленія держатся дѣйствиємъ Имени Его Святого.

Вы разумѣете теперъ значеніе священнаго стиха: „Клянусь Господомъ Востоковъ и Западовъ“ ¹⁾. Всѣ Солнца, о коихъ мы только-что говорили, каждое въ мѣстѣ иномъ встають и заходятъ; и т. к. ученые толковники не поняли сущности этихъ Солнцъ, то и старались объяснить этотъ стихъ, говоря, будто понятіе множества употреблено здѣсь потому, что Солнце встаетъ и заходитъ каждый день въ иномъ мѣстѣ. Ихъ знаніе останавливается на этомъ; и сколько грубыхъ ошибокъ распространяли они по поводу источниковъ вѣдѣнія и мудрости!

Благодаря этому бѣглому изложенію, ты можешь также понять значеніе „Неба, которое расторгнется въ часъ воскресенія“ ²⁾. То Небо вѣроученія, которое раскрывается во время каждаго Проявленія и при наступленіи слѣдующаго Проявленія расторгается, т. е. становится бесполезнымъ и рушится. Клянусь Богомъ: если мы подумаемъ, то увидимъ, что заставить прейти Небо какого-либо вѣроученія куда сложнѣе, нежели уничтожить Небо надъ нашими головами. Вѣроученіе установлено издавна, и подъ его сѣнью воспитались народы, слѣдуя его заповѣдямъ; такъ что въ теченіе цѣлыхъ поколѣній лишь о немъ и говорили, видѣли лишь слѣдствіе его вліянья, повиновались лишь его законамъ. И вотъ приходитъ человѣкъ, облеченный божественной властью, чтобы все разрушить, все отмѣнить. Не чрезвычайнѣе ли это всякаго чуда, ожидаемаго ограниченными умами: дѣйствительнаго расторженія небесъ?

Подумай, сколько трудностей и тревогъ должны были перенести Проявленія? Безъ малѣйшей помощи и вещественнаго пособія, пророки утверждаютъ передъ всѣми заповѣди Божьи въ то время, какъ бѣдствія всякаго рода сыплются на ихъ благословенную личность; но ихъ сила дѣлаетъ ихъ терпѣливыми, и они все переносятъ не возмущаясь.

И вотъ, что означаютъ слова „земля преидетъ“. Когда съ Неба причины Божіей милосердныя тучи изливаютъ благодатный дождь на сердца, неплодная почва сердець этихъ превращается въ почву вѣдѣнія и знанія. Сколько Цвѣтовъ Единства возрастаетъ тогда въ саду сердець, сколько Анемоновъ Мудрости тотчасъ тамъ расцвѣтаетъ! Если бы почва этихъ сердець не обновлялась, какъ возмogli бы люди—не ученые, не посѣщавшіе

¹⁾ Коранъ, LXX, 40.

²⁾ Коранъ, LXXXII, 1.

никакого учителя, никакой школы—говорить со знаніемъ и властью, которыхъ превзойти не могъ бы никто? Думается, что сдѣланы были они изъ самой земли вѣчнаго Вѣдѣнія и замѣнены на водѣ божественной Мудрости! *Вѣдѣнне есть свѣтъ, владаемый Богомъ въ сердце угодное Ему.* Такое Вѣдѣніе было и будетъ всегда чудеснымъ, тогда какъ знаніе, идущее къ намъ изъ затемненныхъ и смутныхъ умовъ людскихъ, не имѣетъ вовсе цѣнности, и напрасно гордятся имъ. Да будетъ Богу угодно, чтобы очистились всѣ сердца отъ темныхъ наущеній: божественное Солнце Вѣдѣнія и драгоценные Камни вѣчной Мудрости тогда ихъ преобразили бы. Если бы эти бесплодные земли не обновлялись, какъ могли бы тайны единства появиться тамъ въ красѣ божественныхъ драгоценностей? Вѣдь сказалъ Онъ: *„Настанетъ день, когда земля и небо измѣнятся“* 1).

Милосерднымъ дыханіемъ Царя жизни, земля, обитаемая нами, обновлялась также. Уразумѣйте же величіе и тайну настоящего Проявленія! *„Вся земля будетъ горстью праха въ руки Его, и небеса—книжнымъ свиткомъ въ десницу Его“* 2).

Чтобы понять смыслъ этого стиха нужна нѣкоторая проницательность: если бы эти стихи означали лишь то, что разумѣется о томъ обычно, къ чему бы это послужило? Извѣстно, что Всевышній не имѣетъ рукъ; лишь невѣрные и лжецы могутъ Ему приписывать ихъ. Если скажешь ты, что десница Божія относится къ Его Проявленіямъ, которыя въ день Воскресенья пріемлютъ Его власть, это не устраняетъ того, что бесполезно было бы представлять ихъ захватившими всю землю въ свою десницу. Та земля есть Земля наставленія и вѣдѣнія, небо есть Небо вѣры.

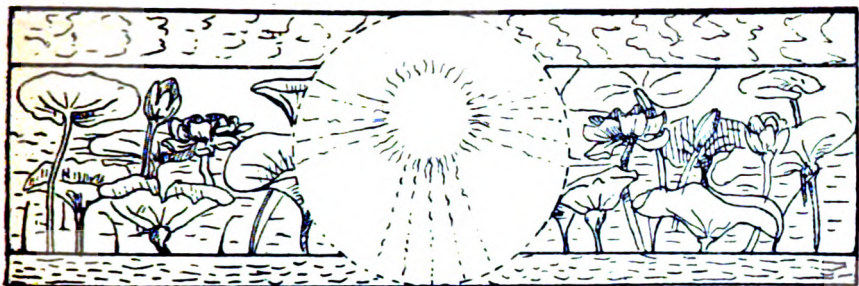
Взгляни, какъ Земля вѣдѣнія и познанія была лишь горстью праха въ рукѣ Власти, и какъ Богъ всѣялъ новую Землю въ сердце людей, гдѣ возростили Онъ юные Цвѣты, чудесныя Розы и высокія Деревья! Взгляни также, какъ Небо ветхихъ вѣроученій разодрано было могучей Его десницей, и Небо Бѣяна украсилось Солнцемъ, Луною и Звѣздами новаго и чудеснаго надѣленія. Таковою-то является вамъ тайна словъ, когда очи ваши не смежены предъ лицомъ духовной зари, и когда силою вѣрности и отрѣшенія вы угашаете огни сомнѣнья, воображенія и недоставѣрности, дабы возжечь на свѣтильникѣ сердца вашего новый свѣточъ увѣренности и достовѣрности.

Пер. А. Веселовская.

1) Коранъ, XIV, 49.

2) Коранъ, XXXIX, 87.

Письма живого усопшаго.

Э. Баркеръ.

Письмо XLVII.

Проповѣдь и Обѣщаніе.

За то, что я столько разъ приходилъ къ вамъ и рассказывать исторіи для вашего развлеченія, могу я на этотъ разъ прознести проповѣдь? Обѣщаю, что она не будетъ длинна.

Вы живете въ странѣ, гдѣ острія церковныхъ колоколенъ пронизываютъ голубой воздухъ, и, если смотрѣть на нихъ съ той стороны облачнаго покрыва, острія эти похожи на поднятыя пики нападающей арміи—чѣмъ онѣ въ дѣйствительности и являются, одолевая васъ неистощимыми проповѣдями. Заурядная проповѣдь состоитъ почти всегда изъ совѣтовъ, и моя проповѣдь не будетъ въ этомъ отношеніи оригинальнѣе другихъ. Я хочу дать вамъ совѣтъ, вамъ и всѣмъ тѣмъ, кто благодаря вамъ выслушаетъ мою проповѣдь.

Вы должны сознаться, что у меня были исключительныя возможности для подаванія совѣтовъ. По настоящему, мнѣ слѣдовало бы указать вамъ, съ точки зрѣнія серьезнаго и глубокомысленнаго—хотя бы и несовершеннаго—наблюдателя, потустороннія послѣдствія тѣхъ причинъ, которыя приводятся въ дѣйствіе обитателями земли. Сказано, что причины и послѣдствія—равносильны и противоположны. Очень хорошо. Теперь я хочу обратить ваше вниманіе на нѣсколько иллюстрацій этой аксіомы, которыя мнѣ приходили на мысль въ послѣднее время. Если мнѣ

придется повторить одну или двѣ вещи, которыя я уже высказывалъ, это не важно. Вы могли забыть ихъ, могли не примѣнить ихъ къ дѣлу подготовленія своей души къ будущей жизни по сю сторону „пучины смерти“. Я употребляю это обросшее мохомъ выраженіе „пучина смерти“ потому, что пишу проповѣдь, а не поэму, съ церковной же кафедръ изливается почти всегда достаточно избитая риторика.

Проповѣдники напоминаютъ вамъ почти каждое воскресеніе, что вы должны рано или поздно умереть. Но какъ вы понимаете это? Проникается ли ваше сознаніе тѣмъ фактомъ, что въ любую минуту, завтра или черезъ пятьдесятъ лѣтъ, вы можете внезапно очутиться *вне* этого тѣла, къ связующей силѣ котораго вы такъ привыкли; что вы окажетесь—въ одиночествѣ или въ сообществѣ—въ чрезвычайно тонкомъ и легкомъ тѣлѣ, вначалѣ трудно управляемомъ, безъ опредѣленныхъ средствъ общенія съ тѣми друзьями и родными, которые находятся въ той же самой комнатѣ, вмѣстѣ съ вами?

Можете вы себѣ представить такое состояніе? Если нѣтъ, то проведите эту идею черезъ сознаніе, охватите ее обоими полушаріями вашего мозга, пригвоздите ее всей остротой вашего ума. *Вы непременно умрете.*

Ради Бога не пугайтесь! Я не имѣю въ виду васъ, или какую-нибудь опредѣленную личность, которая должна умереть завтра, или въ будущемъ году; но умереть когда-нибудь вы должны; и если вы будете напоминать себѣ объ этомъ почаще, вы облегчите то потрясеніе, которое будетъ неизбежно, когда событіе это совершится.

Не носитеcь съ мыслью о смерти. Боже васъ сохрани придавать такое зловѣщее значеніе моимъ простымъ словамъ! Но будьте готовы. Вы застраховываете вашу жизнь за столько-то, чтобы обезпечить свою семью, но вы ничего не дѣлаете, чтобы застраховать вашъ будущій покой.

Вспоминайте всегда слѣдующее: какъ бы точны ни были ваши распоряженія относительно вашихъ земныхъ дѣлъ, несомнѣнно, что кто-нибудь передѣлаетъ ваше желаніе по-своему. Нужно заранѣе знать это и сказать себѣ: „не все ли равно?“ Научитесь чувствовать, что прошлое *есть* прошлое, что только будущее полно возможностей для васъ, и чѣмъ скорѣе вы предоставите другимъ заняться вашими разъ навсегда сброшенными земными дѣлами,—тѣмъ лучше это для васъ. Научитесь *выпускать изъ рукъ*. Это первое, на что мнѣ хотѣлось обратить ваше вниманіе.

Не вступайте въ новую жизнь, устремивъ одинъ глазъ на небеса, а другой повернувъ къ землѣ. Вы не уйдете такимъ образомъ далеко впередъ. *Бросьте*. Старайтесь немедленно отвернуться отъ этого міра.

Это можетъ звучать для иныхъ людей какъ безсердечный совѣтъ, ибо несомнѣнно, что мудрый духъ, взирающій на землю изъ высшихъ областей, можетъ путемъ тонкаго телепатическаго внушенія оказывать благое вліяніе на земную жизнь людей. Но желающихъ оказывать такое вліяніе безчисленное множество. Небеса надъ вашими головами буквально кишатъ душами, которыя жаждутъ приложить руку къ земнымъ дѣламъ. Души, которыя не въ состояніи „бросить“, для которыхъ принимать участіе въ чужихъ дѣлахъ такая же непреодолимая привычка, какъ... ну какъ куреніе табака или опиума. И опять таки не считайте меня безсердечнымъ. Я говорю напрямикъ, но я люблю васъ, обитателей земли. Если я и задѣваю васъ, то для вашего же добра

А теперь я подхожу къ другому очень важному совѣту. Забудьте, если можете, всѣ грѣхи, которые вы совершили во плоти. Вы не можете избѣгать ихъ послѣдствій, но вы можете уклониться отъ укрѣпленія вашей связи съ грѣхомъ, вы можете уклониться отъ возвращенія на землю загипнотизированнымъ мышлю о своей грѣховности.

Не носитеcь съ грѣхами. Это вѣрно, что вы можете исчерпать влеченіе къ грѣху, разбираясь въ немъ до тѣхъ поръ, пока ваша душа не почувствуетъ отвращенія; но это слишкомъ медленный и неприятный процессъ. Отрѣзать забвеніемъ гораздо лучше.

А теперь я хочу выразить мысль очень трудную для выраженія по той причинѣ, что она совершенно новая для большинства изъ васъ. Мысль эта слѣдующая: сила творческаго воображенія сильнѣе въ людяхъ, облеченныхъ въ земныя тѣла, чѣмъ въ людяхъ духахъ, сбросившихъ эти тѣла. Это не значитъ, что большинство умѣетъ примѣнять эту силу, нѣтъ, большинство не умѣетъ; но мнѣ хочется указать вамъ на то, что они *могутъ* пускать ее въ дѣло. Плотное тѣло есть какъ бы сопротивляющаяся основа, могучій рычагъ, благодаря которому воля можетъ проэктировать все то, что замышляется воображеніемъ. Мнѣ думается, что въ этомъ — настоящая причина, почему Учителя сохраняютъ свои физическія тѣла. Дисциплинированный умъ, облеченный въ тонкую матерію нашего міра, сильнѣе, чѣмъ недисциплинированный умъ, облеченный въ грубую матерію; но Учитель,

остающийся во плоти, можетъ буквально повелѣвать легіонами ангеловъ.

Это—въ видѣ предисловія къ той истинѣ, что какою вы, на землѣ, рисуете вашу будущую жизнь въ потустороннемъ мірѣ, такова она и будетъ; препятствіемъ является лишь недостатокъ силы воли; если этой силы достаточно, все созданное воображеніемъ осуществляется легко, такъ какъ тонкая матерія этого плана обладаетъ свойствомъ принимать любую форму, которую вы хотите дать ей.

Захотите двигаться впередъ послѣ смерти и вы будете двигаться; *захотите* научиться—и вы научитесь; *захотите* вернуться на землю, чтобы выполнить опредѣленную задачу—и вы вернетесь и выполните ее.

Карма—желѣзный законъ, это вѣрно; но вѣдь *вы* творцы своей кармы.

Но больше всего не ожидайте—потому что ожиданіе та же просьба—безсознательности и уничтоженія. Вы не можете уничтожить ту единицу силъ, которую вы представляете изъ себя, но вы можете самовнушеніемъ усыпить ее на долгое время. Уходите изъ жизни съ твердой рѣшимостью удержать свое сознаніе и вы удержите его.

Когда придетъ время для васъ вступить въ ту область отдохновенія, которую Древняя Мудрость называетъ *Деваканомъ*, вы несомнѣнно вступите въ нее; но это будетъ поздно, не непосредственно послѣ вашего ухода.

Когда вы достигнете этого состоянія, вы переживете во снѣ всю прежнюю земную жизнь вашу и претворите всѣ ея переживанія, весь опытъ ея; но къ этому времени вы уже вполнѣ отдѣляетесь отъ желанія принимать участіе въ жизни земныхъ вашихъ друзей.

Пока вы еще на землѣ, никогда не вызывайте духовъ умершихъ людей. Они могутъ быть заняты въ другомъ мѣстѣ, а вы можете быть достаточно сильны, чтобы отвлечь ихъ отъ своего дѣла и привлечь—противъ ихъ воли—къ вашему дѣлу.

Не могу не поблагодарить васъ, пишущую для меня, за то, что вы никогда не зовете меня, принимаете меня, когда *мнѣ* удобно, и даете мнѣ высказаться, не разбивая моихъ мыслей вопросами и комментаріями.

Вы должны помнить, что когда я впервые пришелъ къ вамъ, вы даже не знали, что я уже покинулъ землю. Я нашелъ васъ въ пассивномъ настроеніи и написалъ черезъ васъ письмо, под-

писанное символомъ, значеніе котораго было неизвѣстно для васъ, но который—я зналъ это—будетъ немедленно узнать однимъ изъ ближайшихъ друзей вашихъ. Это было очень счастливымъ начинаніемъ, ибо оно внушило вамъ довѣріе къ полнотѣ моихъ сообщеній. Прибавлю одно только слово передъ тѣмъ, какъ уйти отъ васъ.

Если бы вы настойчиво призывали меня въ теченіе этихъ дней моего отдыха, вы могли бы насильственно обрѣзать чрезвычайно цѣнный и интересный опытъ. И потому мое послѣднее заключительное слово, мое благословленіе послѣ проповѣди, будетъ такое: не будьте эгоистически настойчивы, даже съ такъ называемыми мертвыми.

Если ваша нужда велика, души, любящія васъ, почувствуютъ это, и сами придутъ къ вамъ на помощь. Это часто подтверждается и на землѣ, среди тѣхъ друзей, психическое воспріятіе которыхъ уже раскрыто.

Письмо XLVIII.

Весенняя Пора Мира.

Сказавъ вамъ въ послѣднее наше свиданіе, что вы должны „умереть“, какъ выражаются на землѣ, я сегодня чувствую потребность увѣрить васъ, что вы никогда и ни въ какомъ случаѣ не можете умереть; что вы также бессмертны, какъ ангелы, также бессмертны, какъ самъ Богъ.

Нѣтъ, это не есть противорѣчіе.

Я и прежде говорилъ о бессмертіи, это всегда было моей любимой темой; но съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ Прекрасное Существо, бессмертіе сдѣлалось для меня торжествующимъ сознаніемъ.

Прекрасное Существо живетъ въ вѣчности, подобно тому, какъ мы, по нашему представленію, живемъ во времени. Не хотите ли записать еще одну пѣснь Прекраснаго Существа?

— Когда вы видите меня въ зеленыхъ деревьяхъ и на зеленыхъ лужайкахъ, знайте, что вы приблизились ко мнѣ.

— Когда вы слышите мой голосъ въ безмолвіи, знайте, что это я говорю съ вами.

— Бессмертные любятъ говорить другъ съ другомъ черезъ смертныхъ и для нихъ большая радость—будить ту радость, которая дремлетъ въ душѣ сына земли.

— Когда пробуждается радость, пробуждается и душа.

— Вы ищете Бога въ томъ или другомъ человѣкѣ и иногда вы находите Его въ немъ;

— Но меня вы ищете въ вашей собственной душѣ; и чѣмъ глубже исканіе, тѣмъ прекраснѣе видѣніе.

— Да, я—и въ природѣ, я—и въ васъ самихъ, когда вы ищете меня тамъ;

— Ибо природа двойственна и одну ея половину вы носите въ себѣ.

— Всѣ вещи и едины, и двойственны—даже Я, и вотъ почему вы можете найти меня.

— Можете ли вы понять очарованія свободы, возможность по волѣ своей пронестись вокругъ неба и земли и черезъ души людей!

— Я легче пушинки одуванчика и долговременнѣе величайшей звѣзды:

— Вѣчное—неосязаемо и только неосязаемое—непреходяще.

— Дорога, ведущая къ волшебному замку мечты, не длинна; наиболѣе отдаленная—и та ближе, чѣмъ сосѣдняя дверь, но одинъ лишь мечтатель находитъ ее.

— Когда работа легка—плата обезпечена; когда дни полны тягости, награда откладывается вдаль.

— Будьте радостны, и я награжу васъ.

— Я бы начерталъ свое имя на лепесткахъ вашего сердца, но только одни ангелы могутъ прочесть такія письма.

— Кто носитъ мое невѣдомое имя на лепесткахъ своего сердца, тотъ принимается среди ангеловъ какъ радующій ихъ цвѣтокъ, его благоуханіе достигаетъ небесъ.

— Знай, дитя земли, у сердца есть пыльца, и она оплодотворяетъ цвѣты вѣры твоей.

— Есть вѣра въ душѣ, дитя земли, и она несетъ въ себѣ сѣмена всѣхъ вещей.

— Времена года приходятъ и времена года уходятъ, но весеннее время пребываетъ всегда.

— Я могу находить въ васъ лишь то, что было утрачено въ весеннюю пору“.

Письмо XLIX.

Архивы Души.

Я уже говорилъ о рѣшеніи посѣтить другія планеты, когда я кончу писать эти письма черезъ васъ; но я не хочу умолчать,

что придаю этимъ путешествіямъ по вселенной гораздо меньшую духовную цѣнность, нежели тѣмъ другимъ путешествіямъ, которыя я дѣлалъ и буду дѣлать по глубокимъ тайникамъ моего собственнаго я.

Путешествовать во времени и пространствѣ имѣеть для человѣка большое значеніе; чтобы узнать другія страны и другіе народы, увидать разницу между другими и собой и узнать причину этой разницы; и все же спокойныя размышленія приводятъ еще скорѣе къ внутреннему росту. Если человѣку съ раскрывшейся духовностью можно выбирать, для него лучше уединиться въ пустынное мѣсто и искать въ своей собственной душѣ тѣ тайны, которыя хранятся въ ея глубинѣ, чѣмъ путешествовать безъ такой провѣрки хотя бы и до самыхъ предѣловъ земли.

Познакомтесь съ вашей собственной душой. Узнайте почему вы поступаете такъ или иначе, почему вы чувствуете вотъ это, или вотъ то. Сядьте спокойно каждый разъ, когда вы сомнѣваетесь, и пусть истина поднимется изъ вашихъ собственныхъ глубинъ. Провѣряйте всегда ваши мотивы. Не говорите „я долженъ бы сдѣлать это дѣло по такой то причинѣ, по этой причинѣ я и дѣлаю его“. Такой аргументъ есть самообманъ. Если вы дѣлаете что-нибудь хорошее, спросите себя причину. Возможно, что вы найдете даже въ самомъ добромъ дѣлѣ скрытый эгоистическій мотивъ. Если вы найдете такой мотивъ, не отрицайте его передъ самимъ собой. Признайтесь въ немъ передъ собой, хотя объявлять о немъ на стѣнахъ вашего жилища нѣтъ никакой нужды. Такое сокровенное пониманіе увеличить ваше сочувствіе и ваше пониманіе при обсужденіи мотивовъ другихъ людей.

Стремитесь всегда къ идеалу; но не считайте каждую эмоцію идеальной, если она въ дѣйствительности не такова. Будьте всегда правдивы съ собой. Пока у васъ не будетъ смѣлости говорить себѣ одну правду, вы не сдѣлаете успѣха въ изслѣдованіи своей собственной души.

Въ промежуткахъ между земными жизнями есть время для размышленія, но привычка къ размышленію должна быть заложена, пока вы еще во плоти. Привычки, пріобрѣтенныя во плоти, продолжаютъ и послѣ того, какъ мы освобождаемся отъ плоти. Вотъ почему такъ важно сохранять себя насколько возможно свободнымъ отъ всякихъ физическихъ привычекъ.

Я самъ сдѣлалъ изумительное открытіе въ архивахъ моей собственной души. Я нашелъ тамъ воспоминаніе о моемъ прошломъ,

столь отдаленномъ, что трудно даже и представить себѣ. Вглядываясь, какимъ образомъ причины, приведенныя въ дѣйствіе въ одной жизни, вызывали свои послѣдствія въ другой, я пріобрѣлъ болѣе цѣнныя знанія, чѣмъ всѣ тѣ, которыя мнѣ можетъ дать мое предстоящее путешествіе на другія планеты.

Все безъ исключенія существуетъ въ душѣ; всякое знаніе находится тамъ. Овладейте этой идеей, если можете. Непогрѣшимая часть насъ самихъ сокровенна, и отъ насъ зависитъ вынести ее на свѣтъ Божій. Вотъ почему я совѣтую развоплощеннымъ людямъ отвернуться отъ развлеченій и отъ яркихъ миражей земной жизни. Лишь въ тишинѣ уединенія можетъ душа выдать свои тайны.

Но это не значить, что я равнодушенъ къ земной любви; наоборотъ, я люблю глубже, чѣмъ когда либо тѣхъ, кого я любилъ на землѣ; но я понималъ, что если я могу любить ихъ мудрой любовью вмѣсто немудрой—это будетъ лучше и для нихъ и для меня.

И все же, земной призывъ бываетъ иногда очень силенъ и мое сердце даетъ отвѣтъ по сую сторону протянутаго покрыва.

П и с ь м о L.

Формула для Учительства.

Мой другъ, я собираюсь покинуть васъ на время, можетъ быть даже надолго.

Мнѣ кажется, что мои ближайшія задачи по отношенію къ землѣ окончены. И мнѣ хочется еще болѣе облечь свой грузъ и подняться на волнахъ эфира высоко—высоко и забыть въ восторгѣ новыхъ переживаній, что мнѣ снова придется когда нибудь продѣлать тяжкій путь черезъ узкія врата рожденія

Я собираюсь вмѣстѣ съ Прекраснымъ Существомъ въ далекій путь чудесныхъ открытій. Мой свѣтлый товарищъ уже продѣлалъ это путешествіе и можетъ указать мнѣ дорогу ко многимъ чудесамъ. Есть нѣчто грустное въ этомъ прощаніи. Помните, какъ вы въ послѣдній разъ видѣли меня въ моемъ старомъ тѣлѣ? Никто изъ насъ не думалъ въ тотъ день, что мы встрѣтимся снова въ чужой странѣ и при условіяхъ до того необычныхъ, что одна половина людей будетъ сомнѣваться, можно ли вообще встрѣтиться такимъ образомъ, а другая будетъ не вѣрить, что мы встрѣтились на самомъ дѣлѣ.

Но вы, развѣ вы не чувствуете меня болѣе реальнымъ сейчасъ, въ этотъ вечеръ, чѣмъ я когда нибудь былъ для васъ? Когда мы были вмѣстѣ въ прошедшіе дни, развѣ вы не больше знали о томъ, что я намѣреваюсь сказать въ слѣдующую минуту, чѣмъ вы знаете теперь? Напрягайте сколько хотите вашъ мозгъ, вы не скажете, о чемъ я собираюсь говорить съ вами. Для *васъ* по крайней мѣрѣ это будетъ служить доказательствомъ, что я также реаленъ, какъ и тогда.

Въ настоящее время я бы сказалъ то главное, что мнѣ хотѣлось передать людямъ вообще. И я желалъ бы, чтобы вы обнародовали эти письма, выбросивъ только личныя обращенія.

Да, возможно что мы долгое время не увидимся съ вами. Но не грустите. Когда я уйду, возможно что придетъ кто-нибудь другой.

Не запирайте слишкомъ плотно вашихъ дверей; но охраняйте ихъ внимательно и не выпускайте никого безъ надлежащаго пароля. Вы не можете обмануться; я далъ вамъ достаточно указаній.

Сегодня мнѣ трудно писать, ибо чувствую грусть, покидая землю. И все же я въ упоеніи отъ предстоящаго путешествія. Подумайте только! Я увижу наиболѣе удаленныя планеты и встрѣчусь съ обитателями далекихъ звѣзд!

Говорятъ, что на Юпитерѣ живутъ существа изумительныя на видъ, я увижу ихъ. Окажутся ли они прекраснѣе, чѣмъ наше собственное Прекрасное Существо, которое любитъ маленькую землю и старается оставаться вблизи отъ нея, потому что на ней такъ много борьбы.

О эта радость борьбы! Это—основная нота безсмертія, основная нота могущества. Пусть это будетъ моей послѣдней вѣстью, направленной къ людямъ. Скажите имъ, чтобы они радовались всѣмъ видамъ борьбы, чтобы они восхищались безконечными возможностями сочетаній и творчества, чтобы они жили въ каждомъ данномъ мигѣ, готовясь въ тоже время для далекаго будущаго и чтобы они не преувеличивали значенія временныхъ паденій и разочарованій.

Когда они перейдутъ въ этотъ нашъ міръ и увидятъ свои жизни въ перспективѣ, они убѣдятся, что большинство ихъ тревогъ были ничтожны и что всѣ лучи свѣта и всѣ тѣни были необходимы для полноты картины.

И у меня были и свѣтъ и тѣни, но я не жалѣю ни о чемъ.

Учитель радуется затрудненіямъ, какъ сильный пловецъ наслаждается сопротивленію воды.

Если-бы я только могъ показать вамъ, какая сила возникаетъ, когда встрѣчаешь борьбу не только мужественно, но и съ радостью! Вы видѣли, какъ наслаждается здоровый мальчикъ борьбой. Его кровь обращается быстро, его нервы напрягаются; но только тотъ, кто сохраняетъ самообладаніе, можетъ оказаться впереди.

Жизнь есть сраженіе. Мы облакаемся въ матерію, чтобы побѣдить ее,—иначе она побѣдитъ насъ.

Нѣтъ ничего во вселенной сильнѣе человѣческой воли, если она направлена сосредоточенной силой. Каковы бы ни были ваши силы, напрягайте ихъ какъ можно сильнѣе въ жизненной борьбѣ.

И помните, что противники ваши не другіе люди, а условія. Если вы будете бороться съ людьми, и они въ свою очередь будутъ бороться съ вами; но если вы будете бороться съ обстоятельствами, они будутъ поддаваться вамъ, сопротивляясь ровно настолько, чтобы держать ваши мускулы въ здоровомъ напряженіи.

И не забывайте закона ритма—онъ въ основѣ всего на свѣтѣ. Расчитывайте на ритмъ. Онъ никогда не обманывалъ и никогда не обманетъ. Слѣдите за вашимъ собственнымъ высокимъ приливомъ и плывите съ нимъ; когда же настанетъ неизбежный отливъ, или отдыхайте, или размышляйте. Вы не можете избѣгнуть ритма. Вы превзойдете его, дѣйствуя въ согласіи съ нимъ.

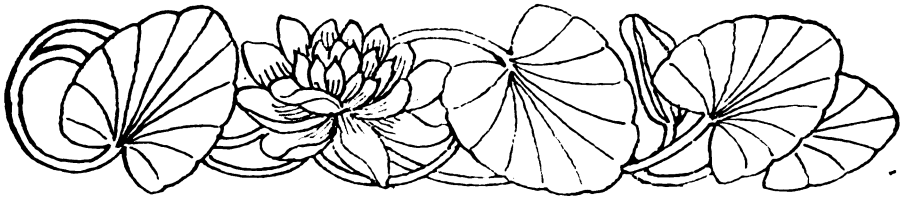
Вы можете также пойти вспять и обрѣсти юность, ибо и время имѣетъ свой приливъ и отливъ; и имѣется много струй на высоко вздымающемся жизненномъ приливѣ.

Чувствую, что я многое не досказалъ. Но мы снова увидимся съ вами.

Пер. Е. Писаревой.

Конецъ.

Обозрѣніе теософической литературы.

Передъ нами лежатъ два первыхъ номера новаго американскаго журнала: „Проводникъ“ (*The Channel*), издаваемого теософкой, пользующейся широкой извѣстностью за-границей, г-жей Руссакъ. Журналъ разрабатываетъ вопросы оккультизма, духовной философіи жизни и научнаго обоснованія сверхфизическихъ фактовъ.

Между прочимъ одинъ изъ сотрудниковъ возвращается въ немъ къ вопросу о знаменитыхъ Эберфельдскихъ лошадяхъ, извлекавшихъ съ удивительной быстротой корни изъ чиселъ, состоявшихъ изъ семи, восьми цифръ. Года три тому назадъ весь научный міръ заинтересовался ими и нѣсколько ученыхъ комиссій изслѣдовали это явленіе. Изучалъ его и Метерлинкъ и пришелъ къ тому выводу, что необычайныя способности къ счисленію, замѣчаемыя иногда у мало развитыхъ людей, у дѣтей и въ данномъ случаѣ у животныхъ, черпаются ими изъ подсознанія. Наблюденіе показало, что при большинствѣ математическихъ операций, подсознаніе лошади дѣйствуетъ совершенно также, какъ медіумъ въ состояніи транса. Изъ этого вытекаетъ, что въ лошади и, по всей вѣроятности, во всемъ живущемъ на землѣ есть „психическая сила, подобная той, что живетъ за завѣсой интеллекта“. Далѣе авторъ цитируетъ чрезвычайно интересныя слова Метерлинка: „Почти навѣрняка можно сказать, что математика лежитъ за предѣлами интеллекта. Она образуетъ механическое и отвлеченное цѣлое, болѣе духовное, чѣмъ матеріальное и болѣе матеріальное, чѣмъ духовное, видимое только черезъ тѣнь ея и вмѣстѣ съ тѣмъ дающая самую незаблемую изъ всѣхъ реальностей, управляющихъ міромъ. Она является чрезвычайно странной силой и, такъ сказать, господиномъ иного элемента, чѣмъ тотъ, что питаетъ

нашъ мозгъ. Можно сказать, что цифры ставятъ въ особое положеніе тѣхъ, кто съ ними имѣетъ дѣло. Они чертятъ кабалистическій кругъ вокругъ своей жертвы. Она теряетъ свою свободу и вовлекается ими въ безформенную, безбрежную необъятность, повинуюсь законамъ, не имѣющимъ въ себѣ ничего человѣческаго, причемъ каждый изъ этихъ живыхъ и деспотическихъ маленькихъ знаковъ, представляетъ собой неизвѣстныя, но вѣчныя, непобѣдимыя и неизбѣжныя истины“. „Здѣсь бельгійскій поэтъ коснулся края великой истины“, добавляетъ авторъ, — „одной изъ древнѣйшихъ истинъ оккультной науки; наука чиселъ была открыта человѣкомъ уже совершенно готовой и не могъ онъ ее ни выдумать, ни усовершенствовать и не можетъ ничего къ ней прибавить“.

По поводу вопроса, поставленнаго однимъ изъ своихъ корреспондентовъ, Мэри Руссакъ даетъ одно указаніе, цѣнное для педагога. Рѣчь идетъ о юношѣ, съ которымъ родители не могутъ справиться и собираютъ частые семейные совѣты, на которыхъ обсуждаются недостатки даннаго члена семьи. „Подобные семейные совѣты очень опасны въ оккультномъ смыслѣ“, пишетъ Мэри Руссакъ; если у ребенка есть недостатки, то настоящее обсужденіе ихъ только ихъ укрѣпляетъ, увеличивая ихъ жизненность ментальной силой критики и аргументовъ. Родителямъ слѣдуетъ спокойно и опредѣленно разъяснить ребенку его ошибки и предоставить ему всѣ преимущества нравственнаго и религіознаго воспитанія. Но при этомъ слѣдуетъ помнить одно правило, безусловно вѣрное въ оккультномъ отношеніи, а именно, что стараясь исправлять недостатки ребенка, родители должны постоянно представлять себѣ его обладающимъ соответственными добродѣтелями. Такимъ путемъ ребенокъ получаетъ дѣйствительную помощь въ борьбѣ со своими слабостями, тогда какъ обсужденіе ихъ и пересуды со стороны близкихъ только увеличиваютъ его затрудненія и вынимаютъ почву изъ-подъ его ногъ.

Въ статьѣ о характеристикѣ грядущей шестой расы тотъ же авторъ сравниваетъ мальчика пятой расы съ ребенкомъ, имѣющимъ въ себѣ зачатки отличительныхъ чертъ шестой. Первый ломаетъ часы и игрушки, чтобы посмотреть, какъ они сдѣланы; сидя въ кинематографѣ интересуется механизмомъ и техникой дѣла, а когда его спрашиваютъ, чѣмъ онъ будетъ, когда онъ выростетъ, даетъ иногда отвѣтъ, услышанный какъ-то самой г-жею Руссакъ. „Разъ нельзя быть Богомъ, стоитъ-ли

быть чѣмъ-нибудь другимъ!“, чѣмъ выражается стремленіе чело-
вѣка пятой расы быть доминирующей, контролирующей силой
во всеміи.

Мальчикъ шестой расы также обладает блестящимъ интел-
лектомъ и творческимъ гениемъ, но съ добавленіемъ еще одной
особенности. Онъ упрекаетъ своего младшаго брата за то, что
тотъ роетъ каналы въ любимомъ цвѣтникѣ матери и помогаетъ
ему вырыть другой каналъ у колодца, съ тѣмъ, чтобы вода
могла стекать въ маленькое озеро, въ которомъ могли бы
купаться воробьи. Онъ мечтаетъ о большомъ богатствѣ, чтобы
имѣть возможность возить на дѣто въ деревню всѣхъ бѣдныхъ
дѣтей въ мірѣ. Въ кинематографѣ онъ шепчетъ матери, что
хотѣлъ бы имѣть аэропланъ, чтобы спасти на немъ того плѣн-
ника, котораго солдаты сейчасъ разстрѣляютъ или взять того
льва, который собирается съѣсть этихъ людей и спустить его
на необитаемый островъ, гдѣ онъ никому не могъ бы вредить.

Эти два типа дѣтей очень ясно опредѣляются въ настоящее
время и родителямъ приходится мудро вести и тѣхъ и другихъ.
Дѣтямъ пятой расы новые идеалы должны быть энергично приви-
ваемы, а въ дѣтяхъ типа шестой расы они должны быть укрѣ-
плены и ими осознаны. По мѣрѣ возможности слѣдуетъ дер-
жать дѣтей новаго типа подальше отъ такихъ товарищей и
условій, которыя не гармонируютъ съ ихъ чрезвычайно sensi-
тивными темпераментами. „Но въ обоихъ случаяхъ, добавляетъ
авторъ, на дѣтей долженъ быть излитъ океанъ любви и нѣж-
ности“, который вызоветъ расцвѣтъ всѣхъ ихъ прекрасныхъ
сторонъ.

Въ связи съ вопросомъ о naroжденіи новой расы, Вансъ
Гомпсонъ указываетъ въ томъ же журналѣ на научныя под-
твержденія оккультныхъ изслѣдованій А. Безантъ и Ч. Лед-
битера въ этой области. Авторъ приводитъ схему француз-
скихъ астрономовъ, между прочимъ Камилла Фламмаріона,
рисующую движеніе цивилизаций на земномъ шарѣ. Эволюція
человѣчества есть эволюція въ пространствѣ и если мы начер-
тимъ ея теченіе на картѣ, намъ выяснится, что главные центры
ея находились всегда въ сѣверномъ полушаріи между 28° 40' и
52° 31' сѣверной широты, причемъ эта зона не параллельна
земному экватору. Различныя цивилизаций, образующія вер-
шины нашего цикла, имѣли двоякое поступательное движе-
ніе—соціальное и географическое; другими словами, каждая
цивилизация превосходила свою предшественницу въ томъ или

другомъ отношеніи и распространялась на большее пространство. Каждая изъ нихъ имѣла свой центръ—обыкновенно большой городъ, переживавшій циклъ подъема, расцвѣта и паденія. Человѣческая цивилизація двигалась съ востока на западъ, черезъ зону приблизительно въ 10° ширины и параллельной плану эклиптики.

До сихъ поръ было три главныхъ центра цивилизаціи: Азія, Средиземное море и Западная Европа. Семь большихъ городовъ являлись очагами ея:

1. Китайская цивилизація—Нанкинъ.
2. Индусская „ —Лагоръ.
3. Халдейская „ —Вавилонъ.
4. Египетская „ —Мемфисъ.
5. Греческая „ —Аѣины.
6. Латинская „ —Римъ.
7. Современная „ —Парижъ.

Предполагается, что слѣдующая цивилизація будетъ имѣть центромъ своимъ Америку.

Изъ Нанкина цивилизація распространилась слабо, по большимъ китайскимъ рѣкамъ. Лагоръ зажегъ огни Амритсара, Делхи и др. Вавилонская цивилизація произвела второстепенную цивилизацію Ниневіи; Мемфисъ пробудилъ Эфиопію и отбросилъ на востокъ вѣтвь, ввидѣ еврейской культуры. Онъ же родилъ Аѣины. Аѣины, передавшія свою культуру Іонійскимъ островамъ, имѣли и свою восточную вѣтвь въ Финикіи и Персіи. Законъ здѣсь очевиденъ: Каждая цивилизація пробуждается народомъ, живущимъ на востокъ отъ нея; она развивается прежде всего въ своемъ гражданскомъ центрѣ; затѣмъ вызываетъ къ жизни дополнительные и второстепенные города—всегда отбрасывая одинъ или два изъ нихъ на востокъ; наконецъ, она зарождается на западъ отъ себя цивилизацію, имѣющую быть ея преемницей. При этомъ надо отмѣтить то обстоятельство, что эти второстепенные города поступаютъ совершенно также какъ и столичные: они бросаютъ вѣтви на востокъ, разрушая старыя цивилизаціи и нарождая новыя народности, которыя обращаются противъ метрополии и изгоняютъ первыхъ цивилизаторовъ. Такимъ образомъ Римъ покорилъ Грецію, Египеть, Халдею и вызвавъ къ жизни Византію, привлекъ въ нее варварскіе народы, уничтожившіе латинскую цивилизацію. Парижъ пробужденъ былъ Римомъ и если законъ движенія цивилизаціи

не измѣненъ современнымъ человѣчествомъ, Парижъ долженъ поступить съ Римомъ, какъ Римъ поступилъ съ Аѳинами и Аѳины со своей предшественницей. Рядомъ съ Парижемъ мы видимъ Лондонъ, дитя того же эволюціоннаго процесса. Парижъ и Лондонъ,—два брата, подобно Вавилону и Ниневіи,—создали на востокъ отъ себя Берлинъ, меньшую и разрушительную цивилизацію. Таковъ незаблѣмый законъ. Въ силу того же закона они вызвали къ жизни великую американскую цивилизацію, которая со временемъ ихъ поглотитъ и замѣнитъ.

Theosophist даетъ намъ интересную статью объ „Евритмикѣ“, принадлежащую перу Алисы Хэгъ, въ которой авторъ указываетъ, что система Далькроза не можетъ разсматриваться, какъ особая школа физической культуры съ музыкальнымъ сопровожденіемъ или какъ спеціальнѣйшій методъ толкованія музыки путемъ танцевъ. Она основывается на древне-греческомъ идеалѣ воспитанія черезъ музыку и гимнастику, нашедшемъ себѣ выраженіе въ „Республикѣ“ Платона. „Трудно найти лучшій способъ воспитанія, чѣмъ гимнастику для тѣла и музыку для души“. Музыка гармонизируетъ молодую душу, прививая ей инстинктивную любовь къ добру и къ красотѣ, въ силу чего позднѣе, когда разумъ входитъ въ силу, она пріивѣтствуетъ ихъ, какъ стараго, хорошо знакомаго друга“. Музыка вдохновляетъ и контролируетъ тѣло путемъ ритма, гимнастика способствуетъ развитію силы и устойчивости характера, помимо того, что она дѣлаетъ тѣло здоровымъ, гибкимъ и выносливымъ. Такимъ образомъ душа и тѣло взаимно воздѣйствуютъ другъ на друга, гармонически пополняя другъ друга.

Евритмика является музыкальной тренировкой всего человѣческаго существа черезъ движеніе; методы ея состоятъ въ воспитаніи всей личности черезъ дисциплину и развитіе. Путемъ дисциплины мозгъ, нервы и мускулы приводятся въ истинное соотношеніе и координируются между собой, такъ что пріобрѣтается нѣкоторая автоматическая техника двигательныхъ импульсовъ, которая, въ силу совершенной экономіи силъ позволяетъ уму и волѣ сосредоточивать всю свою энергію на любой работѣ.

Евритмическое развитіе—чисто индивидуально и стремится къ тому, чтобы человѣкъ осозналъ себя и затѣмъ выразилъ себя согласно своему темпераменту и личнымъ особенностямъ. Евритмика прежде всего—независимая наука, опирающаяся въ своемъ творествѣ на личный опытъ индивидуума. Музыка ея

всегда импровизированная и подсказывает не движение, а импульсъ или идею, находящую себѣ форму въ непосредственномъ ритмическомъ выраженіи. Одна и та же музыка безконечно разнообразно дѣйствуетъ на различныя личности. Стремленіе къ ритмическому выраженію свойственно въ болѣе или менѣе зачаточномъ видѣ каждому ребенку; это всеобщій инстинктъ, требующій лишь развитія и регулированія.

Въ древности всѣ религіозныя проявленія связаны были со священными танцами. Система Далькроза вырабатываетъ необычайную гибкость и самостоятельность отдѣльныхъ частей тѣла; такъ голова отбиваетъ тактъ въ $\frac{2}{4}$, лѣвая рука въ $\frac{3}{4}$, правая рука въ $\frac{4}{4}$, ноги въ $\frac{5}{4}$ —все это одновременно, затѣмъ ученикъ выражаетъ тѣлодвиженіями одинъ ритмъ, прислушиваясь вмѣстѣ съ тѣмъ ментально къ другой музыкѣ, которую тутъ же играютъ и готовясь при первомъ знакѣ воспроизвести ее, вслушиваясь одновременно въ слѣдующую наигрываемую музыку и т. д. Точно также задаются самыя сложныя синкопическія и контрапунктическія задачи.

Исполненіе всѣхъ этихъ заданій требуетъ необыкновеннаго ментальнаго равновѣсія, увѣренности и точности и развитіе этихъ качествъ въ человѣкѣ является одной изъ величайшихъ заслугъ евритмики вообще и въ частности системы Далькроза.

Въ органѣ Т. О-ва въ Бурмѣ, „The Message of Theosophy“ отмѣтимъ статью Елизаветы Северсъ, озаглавленную: „Хорошій характеръ“. Въ ней указывается на то, что мы склонны считать дурной характеръ довольно безвредной слабостью. Онъ представляется намъ какъ бы природнымъ недостаткомъ, семейной чертой, не имѣющей большого значенія при оцѣнкѣ человѣка. Особенность его заключается въ томъ, что онъ составляетъ порокъ добродѣтельныхъ людей, представляя нерѣдко единственное пятно на прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ душѣ. Это сочетаніе дурного характера съ высокой нравственной цѣнностью является одною изъ наиболѣе печальныхъ и странныхъ этическихъ проблемъ. Дурной характеръ имѣетъ необыкновенно тлетворное вліяніе; онъ отравляетъ жизнь, разсѣиваетъ общины, разрушаетъ самыя священныя отношенія, губитъ семейные очаги, изсушаетъ мужчинъ и женщинъ, снимаетъ налетъ поэзіи съ дѣтской жизни. Дурной характеръ есть испытаніе любви, симптомъ наличности сердца, чуждаго любви. Въ одной вспышкѣ гнѣва мгновенно обнаруживаются недостатокъ терпѣнія, недостатокъ великодушія, недостатокъ вѣжливости, эгоизмъ. .Лучше

не жить, чѣмъ не любить“, добавляетъ авторъ. Раздражительность является чрезвычайно распространеннымъ недостаткомъ въ настоящее время, развившимся вслѣдствіе напряженности и торопливости современной шумной цивилизаціи. Поэтому она требуетъ и особеннаго вниманія въ дѣлѣ ея покоренія, которое можетъ быть достигнуто общимъ пріемомъ превращенія всякаго недостатка въ соотвѣтственную добродѣтель—путемъ послѣдовательной и упорной работы мысли надъ качествами терпѣнія, кротости и любви. Еще Данте писалъ, что „любовь не рождается сразу великой и совершенной, но требуетъ для своего роста времени и питанія мыслями“.

В. Пушкина.

Если что-нибудь у насъ отнимается, это всегда для того, чтобы намъ помочь найти нѣчто другое.

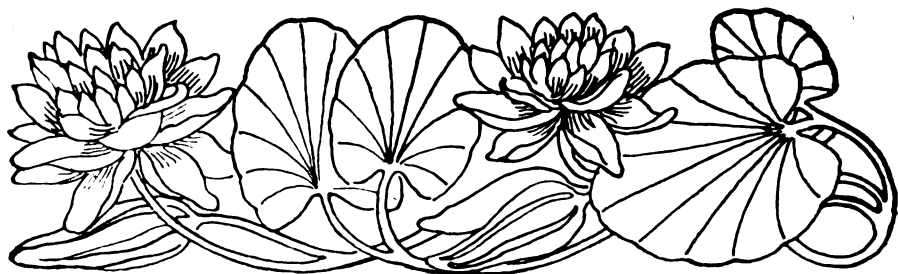
Всякій прогрессъ есть плодъ долгой работы; надо время, чтобы приобрести то разумѣніе и силы, которыя требуютъ высшее состояніе сознанія.

Встрѣчающіяся затрудненія не имѣютъ цѣлю насъ разбить, а научить.

Понять это значитъ простить, принять, внутренне вырости... Это значитъ быть въ согласіи съ Богомъ, не потому что Онъ сильнѣе насъ, а потому, что Онъ мудрѣе.

Мы слишкомъ склонны къ чисто внѣшнему дѣйствію; наша мятежность мѣшаетъ проявиться божественному дѣйствію. Среди лихорадки дня мы не умѣемъ остановиться, чтобы прислушаться къ своей душѣ и проникнуть въ невидимыя истины.

Изреч. Фитингофа.

Хроника Теософическаго движенія.

Англія.

— Въ этомъ году въ Англии предпринять рядъ турнэ извѣстными теософическими лекторами съ исключительной цѣлью распространить идеи о кармѣ и перевоплощеніи въ широкой публикѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ издается сжатый планъ этихъ лекцій и разсылаются много популярныхъ брошюръ по Теософіи.

— Въ Лондонѣ при главной квартирѣ Теософическаго Общества въ Англии устроены представителемъ движенія, г. Арундэлемъ, разъ въ мѣсяцъ чаепитіе и музыкальный вечеръ для членовъ, на которые особенно приглашаются пріѣзжіе изъ другихъ центровъ. Первое такое чаепитіе имѣло мѣсто 7 января, въ 4 ч. Г. Арундэль разослалъ приглашенія во всѣ отдѣлы и центры Т. О-ва въ Англии.

— При главной квартирѣ Т. О-ва въ Англии, въ Лондонѣ, устраивается большой и стройный циклъ лекцій по сравнительному изученію религій. Ведеть этотъ циклъ г. В. Гэръ. Лекціи распредѣляются такъ:

По пятницамъ—Религія и религіи.

Черезъ понедѣльникъ—Религіозныя учрежденія и дисциплина.

На другой понедѣльникъ—Цѣль философіи.

Кромѣ того, еще открываются дневныя лекціи:

По понедѣльникамъ—Индусскія религіи.

По пятницамъ—о Греческой философіи.

Г. Гэръ собирается посѣтить въ этомъ году провинціальныя центры, чтобы помочь серьезно поставить всюду дѣло сравнительнаго изученія религій и философіи. Онъ также беретъ на

себя переписку съ кружками, поставившими себѣ цѣлью такое сравнительное изученіе.

Вышла новая книга г. Синнетта: „XIX столѣтіе“.

= „Братство Искусствъ и Ремеслъ“ продолжаетъ быть весьма дѣятельнымъ. Предсѣдательница, г-жа М. Маннъ, читаетъ рядъ лекцій о музыкѣ и даетъ художественныя иллюстраціи изъ японской и индусской музыки. Недавно Союзомъ была устроена художественная выставка, послѣ которой г-жа М. Маннъ читала публичную лекцію „Соціальное значеніе искусствъ и ремеслъ“.

Индія.

Предсѣдательница всемірнаго Т. О-ва А. Безантъ прочитала рядъ лекцій на сѣздѣ Т. О-ва Индіи, въ Бомбей. Собралось около 1000 делегатовъ со всѣхъ концовъ Индіи. Темы лекціи были слѣдующія: 1) Богъ; 2) Человѣкъ; 3) Правда и неправда; 4) Братство. Кромѣ того, С. Джинараджадаса прочиталъ циклъ лекцій о преображеніи и преобразованіи міра. Сѣздъ прошель очень гармонично.

= Въ Адиарѣ открылась Лига Искусства. Была устроена маленькая художественная выставка, а затѣмъ концертъ. Одинъ мусульманинъ исполнилъ нѣсколько номеровъ индусской музыки. Лига будетъ собираться дважды въ мѣсяцъ въ Садахъ Олькотта.

= Послѣ Сѣзда въ Бомбей два члена изъ Адиара устраиваютъ турнэ въ Бирмѣ. Въ Рангунѣ ожидаютъ прибытіе С. Джинараджадаса. Сѣздъ теософическихъ центровъ въ Бирмѣ назначенъ въ Мандалей.

= Представитель Т. О-ва въ Бирмѣ, г. Мунгъ-Чайнъ-Мунгъ, вернулся изъ своего турнэ. Въ своемъ отчетѣ онъ отмѣчаетъ интересъ публики къ вопросамъ воспитанія въ связи съ задачами духовной культуры, какъ ихъ ставятъ Теософія.

Франція.

Годовое Собраніе Т. О-ва во Франціи назначено на 19 марта. При главной квартирѣ, въ Парижѣ, открытъ правильный курсъ лекцій. По воскресеньямъ идутъ бесѣды съ интересующимися. Вечеромъ читаютъ лекціи г-жа И. Манціарли (Жизнь и форма) и г. Поллакъ (Ясновидѣніе и состоянія сознанія).

По вторникамъ г-жа Э. Блекъ читаетъ по основнымъ вопросамъ Теософіи.

По пятницамъ г-жа Рено читаетъ о состояніяхъ сознанія и о эволюціи расъ человѣческихъ.

— Французская теософическая газета „Le Théosophe“ снова выходитъ правильно дважды въ мѣсяцъ.

Россія.

— 15 января, А. Каменская, предсѣдательница Р. Т. О-а, прочитала въ Этическомъ Кружкѣ Женскаго О-ва докладъ: „Вопросы воспитанія и задачи духовной культуры.“

— 21 января, на Общемъ Январскомъ собраніи членовъ въ Петроградѣ, Ц. Л. Гельмбольдтъ сдѣлала докладъ „О теософической литературной дѣятельности“.

Послѣ обсужденія доклада былъ концертъ и чаепитіе.

— 27 января, А. Каменская и Ц. Л. Гельмбольдтъ уѣхали въ Кіевъ.

29 января, въ Кіевѣ, состоялось засѣданіе Кіевского Провленія.

30 января, состоялось общее собраніе Кіевского Отдѣла. А. Каменская прочитала докладъ: „Что такое есть истинный оккультизмъ“.

1 февраля, состоялось второе общее собраніе Отдѣла. А. Каменская бесѣдовала съ членами о методахъ работы.

2 февраля, состоялось третье общее собраніе членовъ Отдѣла. А. Каменская прочитала докладъ: „Пути познанія“.

3 февраля, было очередное засѣданіе Христіанскаго Кружка, подѣ предсѣдательствомъ В. А. Вишневской.

4 февраля, состоялся докладъ Ц. Л. Гельмбольдтъ: „О нашей литературной дѣятельности“. Послѣ доклада было прощальное чаепитіе. Въ тотъ же вечеръ, А. Каменская и Ц. Л. Гельмбольдтъ уѣхали въ Петроградъ.

— 8 февраля, открылись въ Петроградѣ курсы материнства при О-вѣ Попеченія материнства, подѣ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, Александры Феодоровны. Первую лекцію прочитала А. Каменская: „Что такое этика и какое мѣсто она занимаетъ въ наукѣ воспитанія“. Вторую лекцію читала А. Унковская: „Эстетика, музыка и цвѣтозвуки“.

— 9 февраля, въ помѣщеніи Женскаго В. Б. О-ва (Спасская, 18), состоялась публичная лекція А. Каменской: „Духовный синтезъ“.

Alba.

Ключъ къ Теософіи.

Е. П. Блаватской.

Вопр. Во времена Аммонія было много древнихъ религій и въ одномъ Египтѣ и Палестинѣ существовали многочисленныя секты. Какъ могъ онъ примирить ихъ?

Отв. Дѣлая то, что мы пробуемъ дѣлать нынѣ. Неоплатоники были многочисленны и принадлежали къ разнымъ религіямъ. То же самое и члены Теософическаго О-ва.

При Филадельфѣ иудейство основалось въ Александріи и съ тѣхъ поръ представители эллинизированнаго ученія сдѣлались опасными соперниками коллегій вавилонскихъ равви. Какъ вѣрно замѣчаетъ авторъ «Неоплатонизма»:

«Буддійская, ведантская и система маговъ были излагаемы одновременно съ греческими философіями. Неудивительно, что вдумчивые люди вѣрили, что распрѣ словъ можетъ быть положенъ конецъ и что можно извлечь единую гармоническую систему изъ разнообразныхъ ученій. Пантеній, Афинагоръ и Климентъ были основательно посвящены въ платоновскую философію и понимали ея основное единство съ восточными системами».

Въ тѣ дни еврей Аристокбулъ утверждалъ, что этика Аристотеля представляетъ собою эзотерическія ученія закона Моисея. Филонъ Іудейскій стремился примирить Пятикнижіе съ пифагорейской и платоновской философіей, а Иосифъ Флавій (Josephus, историкъ I в. хр. эры, еврей, воспитанный подъ греческимъ вліяніемъ, жившій въ Александріи, умершій въ Римѣ) доказалъ, что ессеи изъ Кармеля были послѣдова-

тели египетскихъ терапевтовъ или цѣлителей. То же самое и въ наши дни. Мы можемъ прослѣдить происхожденіе всѣхъ разновидностей христіанской религіи такъ же, какъ и всѣхъ мельчайшихъ сектъ. Последняя—лишь мелкія развѣтвленія на большой вѣткѣ, но и молодые побѣги, и большія вѣтви происходятъ отъ одного и того же ствола Мудрости-Религіи. Доказать это и было цѣлью Аммонія, который стремился, чтобы язычники, христіане и евреи оставили свои препирательства и споры, убѣдившись, что всѣ они владѣютъ той же самой Истиной подъ различными покровами, что всѣ они дѣти общей матери. Ту же цѣль преслѣдуетъ и Теософическое О-во. Мошеймъ говорить объ Аммоніи слѣдующее:

«Убѣдившись, что не только философы Греціи, но и всѣ философы варварскихъ народовъ были въ полномъ единствѣ относительно основныхъ истинъ, онъ (Аммоній) задался цѣлью изложить ученіе всѣхъ этихъ различныхъ ученій такъ, чтобы ясно стало ихъ происхожденіе изъ одного и того же источника и ихъ направленіе къ одной цѣли».

Если авторъ статьи объ Аммоніи, помѣщенной въ Эдинбургской энциклопедіи, понимаетъ то, что онъ говоритъ—онъ буквально описываетъ современныхъ теософовъ, ихъ вѣрованія и ихъ дѣятельность когда говоритъ о Теодидактосѣ слѣдующее:

«Онъ усвоилъ ученіе, принадлежавшее Египту (эзотерическія ученія шли изъ Индіи), относительно вселенной и Бога, которые разсматривались какъ одно великое цѣлое, и относительно вѣчности міровъ. Онъ основалъ также систему моральной дисциплины которая позволяла людямъ вообще жить, сообразуясь съ законами своей страны и природы. Но отъ мудраго человѣка онъ требовалъ расширенія сознанія путемъ созерцанія».

Чтобы получать, человѣкъ долженъ научиться еще открывать руки.

Изреч. Фитимифа.

Яковъ Беме. Аурора или Утренняя заря, пер. А. Петровскаго. Из-во Мусагетъ, М. 1914 г. 406 стр. Ц. 3 р.

Черезъ всё вѣка средневѣковья идетъ рядъ мистиковъ, начинающихся съ Мейстера Экхарта 1260 г. и заканчивающійся Яковомъ Беме 1624 г. Мейстеръ Экхартъ—рыцарь и князь церкви, Яковъ Беме — сапожникъ. Они приняли извѣстныя преданія древности и преемственно несли черезъ вѣка вѣчныя истины, полученныя ими такимъ путемъ, а также открываемыя имъ интуицею въ пламенномъ горѣннѣ духа, ищущаго путей Божіихъ. Иногда въ ихъ біографіяхъ проскальзываетъ, что нѣкоторыми изъ нихъ руководили какія-то таинственныя личности, вродѣ «Друга Божія изъ Оберланда».

«Аврора» трудная мистическая книга. Въ ней въ библейской одеждѣ дается космической ключъ къ пониманію Божественныхъ тайнъ мірозданія. За проявленными формами космоса авторъ прозрѣваетъ Небесныя Силы, истинную причину видимаго, пытается начертить іерархическое соотношеніе этихъ Сущностей и дать описаніе характерныхъ особенностей каждаго изъ нихъ. Описаніе Проявленнаго идетъ въ строго послѣдовательномъ порядкѣ, мѣстами даются интересныя числовыя указанія, помогающія провести параллели съ св. Писаніями другихъ народовъ.

У автора не хватаетъ словъ для описанія новыхъ постиженій, раскрывающихся передъ нимъ, отсюда тяжелая своеобразность его языка, затрудняющая чтеніе книги. Издана она прекрасно.

Духовныя проповѣди и разсужденія Мейстера Экхарта. М. 1912 г. И—во Мусагетъ. 184 стр. Ц. 3 р.

Мейстеръ Экхартъ, мистикъ, жившій въ XIII—XIV столѣтіи. Проповѣди его проникнуты призывомъ къ мистическому пониманію еван-

гельскихъ событій въ свѣтѣ внутренняго дѣланія и онъ даетъ драгоцѣнныя указанія, какъ долженъ жить тотъ, кто ищетъ высшаго достиженія. Особенно интересны его указанія о Сыновствѣ каждаго человѣка, о томъ, что «Богъ стремится родиться въ душѣ каждаго человѣка». Это центральное мѣсто въ его проповѣдяхъ. Сами проповѣди написаны чрезвычайно простымъ языкомъ, хотя носятъ несомнѣнный слѣдъ вліянія неоплатонизма и мистическихъ традицій прошлаго, съ которыми авторъ хорошо былъ знакомъ. Интересно прослѣдить въ его писаніяхъ отзвуки древнихъ мистерій, традиціи Посвященныхъ всѣхъ временъ и народовъ, мало имъ скрываемыя, за что онъ подъ конецъ жизни и подвергся суду святѣйшей инквизиціи, несмотря на родовитость семьи, изъ которой онъ происходилъ, высокое положеніе въ церковной іерархіи и безупречную святость жизни.

Прекрасный переводъ и предисловіе М. А. Сабашниковой еще болѣе увеличиваютъ цѣнность этой книги.

Георгій Тотсъ. На зеленой землѣ. Стихи. Петроградъ. 1915 г. 140 стр., ц. 1 р.

Въ стихотвореніяхъ молодого поэта чувствуются современныя исканія. Странно переплетаются земныя вожделнія съ безграничными возможностями. Авторъ сознаетъ временное значеніе преходящихъ земныхъ сновъ:

Не смущайся: прозрачнымъ вуалемъ
Ниспадетъ сладострастный обманъ.
И какъ солнце блеснетъ океанъ,
Уводящій къ таинственнымъ далямъ.

Зовы земли дороги ему въ красотѣ природы и въ переживаніяхъ человѣка, но они не могутъ удовлетворить вѣчную тоску. Иногда онъ умѣетъ находить минуты благоговѣйной внутренней тишины, въ которыхъ раскрывается ему за внѣшними формами тайнодѣйствіе духа. Онъ знаетъ, что

Покинувъ Я какъ замысль прекрасный
Вошелъ я въ Ночь, и вотъ опять хочу
Прийти къ Себѣ, стремясь сквозь мракъ ненастный,
Подобно одинокому лучу...

Чувствуетъ онъ также какъ бы нѣкоторое свое соприкосновеніе съ прошлыми историческими эпохами: Индіей, Египтомъ, Греціей. Какъ неясные сны, что-то мерещится ему въ тѣхъ временахъ. И какъ неясныя грезы встаетъ передъ нимъ славное будущее, къ которому идетъ онъ черезъ бури страстнаго молодого настоящаго.

М. Гарденина.

Внѣшнія условія суть одежды жизни; они мѣняютъ цвѣтъ, форму, рвутся и тлѣютъ; но счастье продолжаетъ свое шествіе, подобно тому какъ сердце продолжаетъ биться подъ всякой одеждой праздничной и траурной.

Событія становятся нашими друзьями или врагами смотря по тому, какъ мы ихъ принимаемъ.

Если взоры мои призываютъ свѣтъ, то заря не замедлитъ появиться во мракѣ ночи.

Каждый въ концѣ концовъ становится господиномъ своей судьбы.

Прекрасная мысль прибавляетъ новый лучъ нашему духу; прекрасный поступокъ прибавляетъ новую силу нашей душѣ.

Какъ ребенокъ не вѣдаетъ своихъ будущихъ силъ, такъ и человѣкъ лишь понемногу открываетъ всѣ свои способности.

Изреч. Фитимифа.

Самое большое несчастье—это утратить способность вѣрить и надеяться.

Надо научиться видѣть прекрасное... мы всегда уподобляемся по-немногу тому, чѣмъ мы восторгаемся.

Человѣкъ созданъ, чтобы творить: творя онъ становится самимъ собою, онъ совершаетъ свою судьбу. Вся его жизнь есть лишь посвященіе въ даръ творчества.

Творить, это не значить только создать какое-нибудь произведение; это значить отдать то, что принадлежитъ только нашему Я. Человѣкъ становится творцомъ, когда послѣ тысячи стадій чужихъ претвореній онъ схватываетъ то, что есть его и что онъ получаетъ уже не отъ людей, но непосредственно отъ Бога, какъ особую и личную свою миссію.

Истинное счастье находится не внѣ жизни, оно не осѣняетъ жизнь, какъ небо землю; оно въ жизни, оно есть сама жизнь, полная жизнь со своей героической борьбой и своими высокими радостями.

Вѣра въ счастье есть бессмертный вѣнецъ жизни.

Мы идемъ не къ смерти, а къ жизни. По мѣрѣ того какъ жизнь теряетъ свои смертныя одежды, она облекается въ свой бессмертный покровъ.

Наше одиночество растетъ вмѣстѣ съ нашимъ идеаломъ; но вмѣстѣ съ нашимъ идеаломъ растутъ и наши способности къ счастью.

Подобно тому какъ вода фонтана восходитъ снова до своего уровня, наше стремленіе къ идеалу подниметъ насъ до вершинъ нашей мечты.

Болѣе важно быть достойнымъ, чѣмъ быть счастливымъ.

Благородное существо вѣрить естественно, и потому что оно вѣрить—оно даетъ; оно даетъ безъ сожалѣнія не только свое время, свои силы, свою преданность, но и свое священное сокровище, лучшую часть себя самого, интимную доброту и нѣжность высочайшихъ часовъ. Оно даетъ все это также просто, какъ отдають свою жизнь, чтобы спасти другую жизнь... Этотъ священный и трагическій даръ есть условіе нравственнаго превосходства; желать его избѣжать, это было бы то же, что желать лишить золото очищающаго его пламени.

Мудрецъ тотъ, кто живетъ среди людей, но имѣетъ свою обитель на горѣ, и эта обитель недоступна и незыблема, какъ звѣзды небосклона.

Изреч. Фитингофа.

архаическимъ оккультизмомъ. Волнообразная или корпускулярная теорія—все равно,—это спекуляція на основаніи внѣшняго вида явленій, а не на основаніи знанія сущности природы причины и причинъ. Когда современная наука объяснила своей аудиторіи послѣдніе результаты, достигнутые Бунзенемъ и Кирхгофомъ; когда она показала семь цвѣтовъ, первоначально составляющихъ лучъ, разложенными на экранѣ и описала соотвѣтственную длину свѣтовыхъ волнъ, что она этимъ доказала? Она оправдала свою репутацію точности въ математическихъ достиженіяхъ, измѣривъ даже длину свѣтовой волны—«измѣняющуюся отъ семьсотъ шестидесяти миллионныхъ долей милиметра на красномъ концѣ спектра, до трехсотъ девяноста трехъ миллионныхъ долей милиметра на фіолетовомъ концѣ». Но когда точность вычисленій по отношенію къ свѣтовымъ волнамъ такимъ образомъ доказана, наука принуждена допустить, что сила, которая есть предполагаемая причина, *какъ думаютъ*, производитъ «невообразимо малыя волнообразныя колебанія» въ какой-то средѣ, «вообще разсматриваемой, какъ идентичная съ эфирнымъ медіумомъ»¹⁾—и что самъ этотъ медіумъ есть только—«гипотетическій агентъ»!

Пессимизмъ Огюста Конта по отношенію къ возможности знать когда-либо химическій составъ солнца, какъ выяснилось нынѣ, не опровергнуть тридцать лѣтъ позднѣе Кирхгофомъ. Спектроскопъ помогъ намъ видѣть, что элементы, съ которыми знакомы современные химики, по всей вѣроятности должны встрѣчаться на внѣшнихъ «одеждахъ» солнца—*но не на самомъ солнцѣ*; и принимая эти «одежды», солнечное космическое покрывало, за самое солнце, физики объявили, что его свѣтосность происходитъ отъ горѣнія и пламени, и ошибочно принимая жизненное начало этого свѣтила за чисто матеріальную вещь, назвали его «хромосферой»²⁾. Пока у насъ есть только гипотезы и теоріи, но ни въ какомъ случаѣ не законъ.

шеки, къ матеріализму. Такіе монисты хуже чѣмъ матеріалисты, потому что, смотря на вселенную и на психо-духовную природу человѣка съ той же самой отрицательной точки зрѣнія, послѣдніе излагаютъ свой взглядъ значительно менѣе (опредѣленно), чѣмъ скептики типа Тиндалля или даже Гексли. Гербертъ Спенсеръ, Бэнъ и Льюисъ болѣе опасны для всеобщихъ истинъ, чѣмъ Вюхнеръ.

¹⁾ Геологія, проф. А. Винчелля.

²⁾ См. *Five Years of Theosophy* стр. 245—262—Статья: „Отрицаютъ ли Адепты теорію туманностей?“—и—„Есть ли солнце просто остывающая масса?“—тамъ изложено истинное оккультное ученіе.

ОТДѢЛЪ VIII.

Солнечная теорія.

Краткій анализъ сложныхъ и простыхъ элементовъ науки, выставленныхъ противъ оккультныхъ ученій.—Попытка провѣрять, насколько эта принятая теорія вообще научна.

Въ своемъ отвѣтѣ на нападеніе д-ра Гулля (Gull) на теорію витализма, которая неразрывно соединена съ элементами ученія древнихъ въ оккультной философіи, проф. Биль (Beale), извѣстный физиологъ, говоритъ нѣсколько словъ столь же значительныхъ, сколько прекрасныхъ.

Въ жизни есть тайна, — тайна, которая никогда не была раскрыта, и которая кажется тѣмъ больше, чѣмъ глубже изучаются и созерцаются феномены жизни. Въ живыхъ центрахъ — болѣе центральныхъ, чѣмъ центры, видимые самыми сильными увеличительными средствами, въ центрахъ живой матеріи, куда не можетъ проникнуть глазъ, но къ которымъ можетъ стремиться пониманіе,— происходятъ измѣненія, о природѣ которыхъ самые выдающіеся физики и химики не могутъ дать намъ никакого понятія; и нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что природа этихъ измѣненій будетъ когда-либо опредѣлена научнымъ изслѣдованіемъ, тѣмъ болѣе, что они несомнѣнно принадлежатъ къ разряду явленій природы, совершенно отличному отъ тѣхъ разрядовъ, къ которымъ могутъ быть отнесены другіе извѣстные намъ феномены.

Эту „тайну“, или происхожденіе жизненной сущности, оккультизмъ помѣщаетъ въ тотъ же самый центръ, какъ ядро *первичной матеріи* нашей солнечной системы, потому что они суть одно и то же.

Какъ говоритъ Комментарій:

Солнце есть сердце солнечнаго міра (системы), и его мозгъ скрытъ за (видимымъ) солнцемъ. Оттуда ощущеніе излучается во все нервныя центры великаго тѣла, и волны жизненной эссенціи плывутъ въ каждую артерію и вену... Планеты суть его члены и члены.

Въ другомъ мѣстѣ¹⁾ сказано, что оккультная философія отрицаетъ, будто солнце есть горящій шаръ, но опредѣляетъ его, какъ своего рода міръ, свѣтящуюся сферу, причемъ настоящее солнце скрыто за ней, и видимое солнце—только отраженіе настоящаго, его оболочка. Ивовые листья Нэсмита, принятые съ

¹⁾ The Theosophist.

ромъ Джономъ Гершеллемъ за „солнечныхъ жителей“, это резервуары солнечной жизненной энергии, „жизненное электричество, которое питаетъ всю систему; такимъ образомъ, солнце (in abscondito) есть резервуаръ энергии нашего маленькаго космоса, самозарождающій свой жизненный флюидъ и всегда получающій столько же, сколько онъ отдаетъ“, и видимое солнце есть только окно, прорѣзанное въ настоящемъ солнечномъ дворцѣ и присутствіи, черезъ которое, однако, видна, безъ искаженія, внутренняя работа.

Такъ, въ теченіе манвантарическаго солнечнаго періода или жизни, происходитъ регулярное обращеніе жизненнаго флюида по всей солнечной системѣ, сердце которой есть солнце — подобно обращенію крови въ человѣческомъ тѣлѣ; причемъ солнце, при каждомъ его оборотѣ, такъ же ритмически сокращается, какъ человѣческое сердце. Только вмѣсто того, чтобы совершить кругъ въ секунду или двѣ, солнечной крови требуется десять лѣтъ для круговаго оборота, и цѣлый годъ для того, чтобы пройти черезъ полости сердца, прежде чѣмъ оно омоетъ легкія и вернется назадъ по великимъ артеріямъ и венамъ солнечной системы.

Этого наука не будетъ отрицать, такъ какъ астрономія знаетъ объ опредѣленномъ кругѣ въ одиннадцать лѣтъ, когда число солнечныхъ пятенъ увеличивается¹⁾, и это увеличеніе происходитъ отъ сокращенія солнечнаго сердца. Вселенная, нашъ міръ въ этомъ случаѣ, дышетъ совершенно такъ же, какъ человѣкъ и всякое живое существо, растеніе и даже минералъ на землѣ; и, какъ нашъ земной шаръ, вздыхаетъ каждые двадцать четыре часа. Темныя области (солнечныя пятна) не обязаны своимъ происхожденіемъ „поглощенію, производимому парами, исходящими изъ груди солнца, и находящимися между наблюдателемъ и фотосферой“, какъ опредѣлялъ это патеръ Секки²⁾, и не образуются пятна „самой матеріей (нагрѣтой газообразной

¹⁾ Не только наука не отрицаетъ этого, но есть люди науки, выводившіе *астрологическія* заключенія на основаніи этихъ пятенъ, хотя наука приписываетъ ихъ неправильной причинѣ, какъ всегда каждая ея теорія противорѣчитъ всякой другой (см. теоріи Секки, Файя, Юнга), — пятна зависятъ отъ накопленія на поверхности паровъ холоднаго атмосферы (?) и пр. Тѣмъ не менѣе проф. Дживонсъ приписываетъ всѣ большіе періодическіе коммерческіе кризисы вліянію солнечныхъ пятенъ каждый одиннадцатый циклическій годъ (см. его *Исследования денежнаго обращенія и финансовъ*). Это, безъ сомнѣнія, достойно похвалы и поощренія.

²⁾ Le Soleil, II, 184.

матеріей), разлитія которой вырисовываются на солнечномъ дискѣ“. Это явленіе похоже на правильное и здоровое біеніе сердца, когда жизненный флюидъ проходитъ черезъ его полые мускулы. Если бы, человѣческое сердце могло быть сдѣлано свѣтящимся, и живой и бьющійся органъ—видимымъ или отраженнымъ на экранѣ, подобномъ тому, какіе употребляются во время лекцій объ астрономіи, напримѣръ, при демонстраціи луны, тогда каждый увидѣлъ бы, какъ феномены солнечныхъ пятенъ повторяются каждую секунду, и что они обязаны своимъ происхожденіемъ сокращенію сердца и наплыву крови.

Мы читаемъ въ одной работѣ по геологіи, что наука гре- зить о томъ,

что всѣ признанные химическіе элементы окажутся въ одинъ пре- красный день только видоизмѣненіемъ единственного матеріальнаго элемента ¹⁾).

Окультная философія учить этому съ начала человѣческой рѣчи и языка, прибавляя, однако, на основаніи принципа неиз- мѣннаго закона аналогіи „какъ наверху, такъ и внизу“, другую изъ своихъ аксіомъ, что въ дѣйствительности нѣтъ ни духа, ни матеріи, а только безчисленные виды Единого, вѣчно скрытаго Есть или Sat. Однородный первичный элементъ простъ и единъ *только на земномъ планѣ* сознанія, и ощущенія, такъ какъ матерія въ концѣ концовъ ни что иное, какъ только слѣдствіе нашихъ собственныхъ состояній сознанія, и духъ—идея психической ин- туиціи. Даже на ближайшемъ высшемъ планѣ тотъ единствен- ный элементъ, который опредѣляется на нашей землѣ современ- ной наукой, какъ крайній, неразложимый субстратъ любого рода матеріи—будетъ объявленъ, съ точки зрѣнія высшаго духовнаго воспріятія, чѣмъ-то на самомъ дѣлѣ очень сложнымъ. Будетъ найдено, что наша чистѣйшая вода имѣетъ вмѣсто двухъ, какъ намъ объявляютъ, простыхъ элементовъ кислорода и водорода, много другихъ составныхъ частей, которыя и не снились нашей современной земной химіи. Какъ въ царствѣ матеріи, такъ и въ царствѣ духа; и тѣнь того, что постигнуто на планѣ объектив- ности, существуетъ на планѣ чистой субъективности. Ядро со- вершенно однородной субстанціи, корень Монерона Геккеля разсматривается, какъ основное жизненное начало земного су- ществованія (протоплазма Гексли ²⁾) и *Bathybius Haeckelii* дол-

¹⁾ World-Life, стр. 48.

²⁾ Къ сожалѣнію, когда пишутся эти страницы, „архивозъ земного суще- ствованія“ подвергся подъ нѣсколько болѣе строгимъ химическимъ анализомъ

женъ быть прослѣженъ до его до-земного архибіоза. Это въ первый разъ замѣтили астрономы въ третьей стадіи эволюціи и въ его такъ называемомъ „вторичномъ твореніи“. Но изучающіе эзотерическую философію хорошо понимаютъ тайное значеніе стансы:

Брама имѣетъ по существу *аспектъ* Пракрити, развитый и неразвитый... Духъ, о дважды рожденный (посвященный), есть руководящій аспектъ Браны. Затѣмъ слѣдуетъ двойственный аспектъ (Пракрити и Пуруша) .. развитый и неразвитый; и Время есть послѣдній! 1).

Ану есть одно изъ именъ Браны, какъ отличнаго отъ Брамана, и оно значить „атомъ“; аніямзамъ аніямзамъ, „самый атомный изъ атомовъ, неизмѣнимый и непогибающій (ачіюта) Пурушоттама“.

Конечно, въ такомъ случаѣ, элементы, теперь извѣстные намъ,—пускай ихъ число будетъ все равно какое, — такіе, какъ ихъ теперь понимаютъ и опредѣляютъ, не есть и не могутъ быть *первичными* элементами. Тѣ были образованы изъ „завитковъ холодной блестящей матери“ и „изъ огненного семени горячаго отца“, которые „суть одно“, или, выражая это на болѣе простомъ языкѣ современной науки, эти элементы имѣли свой генезисъ въ глубинахъ первичнаго огненнаго тумана, въ массахъ свѣтящагося пара неразрѣшимыхъ туманностей; потому что, какъ показываетъ проф. Ньюкомъ 2), разрѣшимыя туманности не составляютъ подраздѣленія настоящихъ туманностей. Болѣе чѣмъ половина туманностей, думаетъ онъ, которыхъ вначалѣ ошибочно принимали за таковыя, на самомъ дѣлѣ, какъ онъ говоритъ, „звѣздныя кучи“.

Элементы, извѣстные теперь, пришли въ ихъ постоянное состояніе въ этомъ четвертомъ кругѣ и пятой расѣ. Они имѣютъ короткій періодъ отдыха, прежде чѣмъ будутъ опять двинуты въ восходящую духовную эволюцію, когда „живой огонь Оркуса“ разъединитъ самое неразложимое и развѣстъ ихъ опять въ первобытное Одно.

Между тѣмъ, оккультистъ идетъ дальше, какъ было показано въ комментаріяхъ къ семи стансамъ. Поэтому онъ едва ли

простому превращенію въ сѣрнокислый кальцій и, слѣдовательно, съ научной точки зрѣнія, онъ даже не органическое вещество! *Sic transit gloria mundi!*

1) *Вашну Пурава*, Wilson, I, 16. Изложеніе Фицѣдуарда Холла.

2) *Popular Astronomy*, стр. 444.

можетъ надѣяться на какую-нибудь помощь или на признаніе со стороны науки, которая отклонитъ какъ его „аніамзамъ аніамзамъ“, абсолютно духовный атомъ, такъ и его Маназапутръ или людей, рожденныхъ отъ Разума. Разлагая „единный матеріальный элементъ“ въ одинъ абсолютно неразложимый элементъ, духъ или коренную матерію, и такимъ образомъ, сразу ставя его за предѣлы достиженія и вѣдѣнія физической философіи — оккультистъ имѣеть, конечно, мало общаго съ правовѣрными людьми науки. Онъ утверждаетъ, что духъ и матерія, это только двѣ грани непознаваемаго Единого и ихъ внѣшне противоположный видъ зависитъ: а) отъ различныхъ степеней дифференціаціи матеріи и б) отъ степеней сознательности, достигнутой самимъ человѣкомъ. Это, однако, — метафизика, и имѣеть мало общаго съ физикой, какъ бы велика, въ своемъ земномъ ограниченіи, эта физическая философія ни была.

Тѣмъ не менѣе, разъ наука допускаетъ, если не дѣйствительное существованіе, то, по крайней мѣрѣ, возможность существованія вселенной, съ ея безчисленными формами, условіями и видами, построенной изъ „единой субстанціи“¹⁾, она должна

1) Въ свей книгѣ *World-Life* (стр. 48) въ приложенныхъ примѣчаніяхъ проф. Винчелль говоритъ: „Всюду признается, что при чрезвычайно большихъ температурахъ матерія существуетъ въ состояніи диссоціаціи, т. е., что тогда не можетъ существовать никакой химической комбинаціи“; и для того, чтобы доказать единство матеріи, онъ обращается къ спектру, который въ каждомъ случаѣ однородности будетъ показывать яркую линію, тогда какъ въ случаѣ существованія вѣсколькихъ молекулярныхъ сочетаній, существующихъ, скажемъ, въ туманности или въ звѣздѣ, „спектръ долженъ состоять изъ двухъ или трехъ яркихъ линій!“ Это ни въ какомъ смыслѣ не было бы доказательствомъ для физика-оккультиста, который утверждаетъ, что за извѣстнымъ предѣломъ видимой матеріи ни спектръ, ни телескопъ, ни микроскопъ не принесутъ никакой пользы. Единство матеріи, той, которая есть настоящее космическое вещество для алхимика или „Земля Адама“, какъ каббалисты называютъ ее, едва ли можетъ быть доказано или опровергнуто, ни французскимъ ученымъ Дюма, который предполагаетъ „сложную природу элементовъ“, на основаніи „извѣстныхъ отношеній атомныхъ вѣсовъ“, — ни даже „лучистой матеріи“ Крукса, хотя можетъ казаться, что его опыты „лучше всего будутъ поняты при помощи гипотезы однородности элементовъ матеріи и непрерывности состояній матеріи“. Ибо все это не идетъ за предѣлы, такъ сказать, *материальной* матеріи, даже въ томъ, что показано спектромъ, современнымъ „глазѣмъ Шивы“ физическихъ экспериментовъ. И это только объ этой матеріи Сэнъ-Кларъ Дэвилль могъ сказать, что „когда тѣла, казавшіяся простыми, соединяются одно съ другимъ, они исчезаютъ, индивидуально уничтожаются“. Онъ говорилъ такъ просто потому, что не могъ слѣдовать за этими тѣлами въ ихъ дальнѣйшей трансформациіи въ мірѣ духовной космической матеріи. Понстанъ совре-

идти дальше. Если она не допустить также возможности одного элемента, т. е. единой жизни оккультистовъ, ей придется повѣсить эту „единую субстанцію“,—особенно, если ее ограничить только солнечной туманностью,—въ воздухѣ, подобно гробу Магомета, только безъ магнита, который поддерживалъ этотъ гробъ. Къ счастью для умозрительныхъ физиковъ, если мы неспособны установить съ какой-нибудь степенью точности, что влечетъ за собой теорія туманностей, мы, благодаря профессору Винчеллю и нѣкоторымъ другимъ еретическимъ астрономамъ, могли узнать, чего она за собою не влечетъ.

Къ сожалѣнію, это еще далеко отъ того, чтобы объяснить даже самыя простыя изъ проблемъ, которыя ставили втупикъ и до сихъ поръ ставятъ втупикъ людей науки въ ихъ поискахъ истины. Мы должны продолжать наши изслѣдованія, начиная съ самыхъ раннихъ гипотезъ современной науки, если мы хотимъ открыть, *идъ* и *почему* она грѣшитъ. Случайно можетъ быть найдено, что Сталло правъ послѣ всего, и что ошибки, противорѣчія и заблужденія, совершаемая наиболѣе выдающимися людьми науки, просто происходятъ отъ занятаго ими неправильнаго положенія. Они матеріалисты и хотятъ оставаться матеріалистами *quand même*, и, однако, „общіе принципы атомо-механической теоріи—представляющей базисъ современной физики,—по существу идентичны съ кардинальными теоріями онтологической метафизики“. Такимъ образомъ, „основныя ошибки онтологіи становятся очевидными пропорціонально тому, какъ прогрессируетъ физическая наука“ ¹⁾. Наука пронизана метафизическими идеями, но ученые не допускаютъ этого обвиненія и отчаянно будутъ бороться, стараясь надѣть атомо-механическія маски на чисто безтѣлесныя и духовныя законы природы на нашемъ планѣ, и отказываясь допустить ихъ существованіе даже на другихъ планахъ, самое существованіе которыхъ они *a priori* отвергаютъ.

Однако, легко показать, какъ ученые, влюбленные въ свои матеріалистическіе взгляды, старались еще со дней Ньютона, надѣть ложныя маски на фактъ и правду. Но ихъ задача съ каждымъ годомъ становится болѣе трудной, и съ каждымъ годомъ химія, впереди другихъ наукъ, ближе и ближе подходитъ

менная наука никогда не будетъ въ состояніи достаточно глубоко прокопаться въ космологическія формаціи, чтобы найти корни мірового вещества или матеріи, если она не пойдетъ по тѣмъ же самымъ линіямъ мысли, по которымъ шель средневѣковый алхимикъ.

¹⁾ Concepts of Modern Physics, стр. VI.

къ царству оккультнаго въ природѣ. Она впитываетъ въ себя тѣ самыя истины, которымъ оккультизмъ училъ цѣлые вѣка, и которыя до сихъ поръ подвергались осмѣянію. „Матерія вѣчна“, говоритъ эзотерическая доктрина. Но матерія, которую оккультисты представляютъ себѣ въ состояніи *лайя* или *нулево*мъ состояніи, не есть матерія современной науки, даже въ самомъ разрѣженномъ газообразномъ состояніи. „Лучистая матерія“ Крукса показала бы матеріей грубѣйшаго рода въ царствѣ началъ, такъ какъ она становится чистымъ духомъ, прежде чѣмъ вернется назадъ къ своему начальному пункту дифференціаціи. Поэтому, когда адептъ или алхимикъ добавляетъ, что хотя матерія вѣчна, потому что она Прадхана, однако, атомы рождаются съ каждой новой манвантарой или возобновленіемъ вселенной, это не такое противорѣчіе, какъ можетъ думать матеріалистъ, который не вѣритъ ни во что, кромѣ атомовъ. Существуетъ разница между проявленной и непроявленной матеріей, между Прадханой, безначальной и безконечной причиной, и Праkritи, или ея проявленнымъ слѣдствіемъ. Шлока говоритъ:

То, что есть непроявленная причина, выразительно называется самыми выдающимися мудрецами Прадхана, начальное основаніе, которое есть тонкое Праkritи, именно то, что вѣчно, и то, что одновременно и есть и не есть, простой процессъ ¹⁾).

То, что современная фразеологія обозначаетъ словами духъ и матерія, есть одно въ вѣчности, будучи постоянной причиной, и это не духъ и не матерія, а *омо*—передаваемое по-санскритски словомъ *Tamъ*, „то“, — все, что есть, было или будетъ, все, что воображеніе человѣка способно представлять. Даже экзотерическій пантеизмъ индуизма передаетъ это такъ, какъ никогда не дѣлала ни одна монотеистическая философія, такъ какъ его космогонія начинается хорошо извѣстными словами въ чудной фразеологіи:

Не было ни дня, ни ночи,—ни неба, ни земли,—ни темноты, ни свѣта. И не было ничего другого, осязаемаго чувствами или душевными способностями. Былъ тогда одинъ Брама, по существу Праkritи (природа) и Духъ. Потому что два аспекта Вишну, другіе, чѣмъ его высшій существенный видъ, суть Праkritи и Духъ, о *Brāhman*. *Когда* эти два другіе аспекта его болѣе не существуютъ, но распределяются, *тогда* тотъ аспектъ, откуда форма

¹⁾ Ки. I, гл. II, стр. 25, Вишну Пурана, переводъ Фидэдуарда Хелла.